СВЕТЛАНА
ХОРКИНА

РОМАН С ОЛИМПОМ

КУЛЬБИТЫ НА ШПИЛЬКАХ

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Светлана Хоркина, уникальная гимнастка, двукратная олимпийская чемпионка, рекордсменка Книги рекордов Гиннесса, депутат Государственной Думы и звезда многих телешоу, искренне и откровенно рассказывает о своей жизни и пути на Олимп. Подробности спортивных интриг и «засуживания» российских спортсменов на Олимпиадах, интересные истории о звездах ТВ, откровенный рассказ о рождении сына — все это вы найдете в книге «Кульбиты на шпильках». Светлана ярко и эмоционально рассказывает о своих потрясающе разносторонних достижениях — о спортивных победах, о своем участии в телешоу «Дом» и «Звезды в цирке», о своих скандальных знаменитых фотосессиях в глянцевых журналах, в том числе в Playboy и Maxim, о работе, которую она в качестве депутата ведет в Государственной Думе. В этой книге вы также найдете уникальные фотографии из личного архива Светланы, ранее нигде не публиковавшиеся, а также лучшие кадры из журнала Maxim.

- Светлана Хоркина
  - Гладиаторские бои на фоне греческого амфитеатра
  - Глава первая
  - Глава вторая
  - Глава третья
  - Глава четвертая
  - Глава пятая
  - Глава шестая
  - Глава седьмая
  - Глава восьмая
  - Глава девятая
  - Глава десятая
  - Глава одиннадцатая
  - Глава двенадцатая
  - Глава тринадцатая
  - Глава четырнадцатая
  - Глава пятнадцатая
  - Глава шестнадцатая
  - Глава семнадцатая

Светлана Хоркина
Кульбиты на шпильках

Гладиаторские бои на фоне греческого амфитеатра

Мир рухнул. Я разжала пальцы и, будто погрузившись в состояние невесомости, медленно-медленно соскользнула вниз. Казалось, что все вокруг растворилось, я потеряла ощущение времени. Уже не было ни азарта борьбы, ни океана эмоций, лишь размытые лица зрителей и звенящая тишина в ушах. Закончив упражнение, я спокойно ушла с помоста. Без истерики, без слез, с достоинством олимпийской чемпионки.

Пройдя сквозь строй удивленных тренеров, спортсменов, журналистов, не обращая на них внимания и не отвечая на вопросы, как будто вокруг никого не было, я села на первый попавшийся автобус и уехала. Меня все потеряли.

Мировая общественность была в шоке: все видели своими глазами, как я соскочила со своих любимых брусьев, своей «коронки», которая неминуемо должна была принести мне еще одну олимпийскую медаль. Прекратила выступление и куда-то исчезла, никому ничего не объяснив.

А я уже была сыта по горло коллизиями Сиднея. Всеми этими закулисными играми и подводными течениями, политическим хамством, подставами и несправедливостями, которыми меня в последние годы усиленно потчевали. Я устала быть гладиатором, которому неумолимый Цезарь устраивает раз за разом все более страшные и непреодолимые испытания.

В тот момент, на брусьях, каким-то десятым чувством я вдруг ощутила: еще мгновение — и случится что-то непоправимое. А в мыслях тут же пронеслось: мне не дали достаточно времени, чтобы тщательно подготовиться и «прощупать» перед выступлением снаряд, раньше положенного включили зеленый огонек, сигнализирующий начало состязания. По правилам, если ты в течение тридцати секунд не подходишь к брусьям, то получаешь ноль. И я вынужденно свернула подготовку и бросилась на старт. А этот вид состязаний спешки не прощает: одно неточное движение — и ты калека. Спасли меня лишь внутреннее спокойствие и привычная настороженность. Половину упражнения я сделала предельно собранно.

И уже зашла на свой фирменный замах, как вдруг почувствовала, что в брусьях что-то не то и меня срывает. Еще мгновение — и упаду, став инвалидом на всю жизнь, никому не нужным, всеми забытым, хотя и познавшим в прошлом минуты всемирной славы. Нет, такой «роскоши» я позволить себе не

могла и в следующий миг, разжав пальцы, медленно соскочила вниз.

Кто бы мог подумать, что именно таким будет финал этой афинской схватки. Но я не рыдала, не билась в истерике, а просто перевернула страницу, понимая, что, закончив сегодня сражение на Олимпиаде, я завершила и свою спортивную карьеру. Вернувшись в гостиницу, я устроила себе вечер наслаждений: выпила стопочку коньяка за то, что все уже позади и я, слава богу, жива и здорова, сняла грим, расчесала волосы, попарилась в бане, приготовила ароматную ванну, зажгла свечи, включила музыку и погрузилась в нирвану. На самом деле все не так уж и плохо: я завоевала «серебро» в личном и «бронзу» в командном первенстве, у меня есть «серебро» и «золото» с других Олимпиад — дай бог каждому иметь такие трофеи…

А потом и девчата вернулись с соревнований. Прибежали испуганные ко мне в номер: «Света, что случилось? Нам звонят твои родители…» Как назло, на моем телефоне закончились деньги, поэтому они не могли дозвониться. А ведь весь ход состязаний транслировало телевидение, и родители видели этот кошмар, видели, как я ушла из зала, и терялись в догадках: куда же я пропала? Конечно, было горько и обидно, но я держалась, никому не желая показывать, как мне было тогда тяжело. И чтобы успокоить маму, сказала ей: «Да ты не пугайся — все нормально, я расслабляюсь, попарилась в баньке. А вскоре за мной заедут, заберут отсюда, и все будет о’кей». Мама сообщила, что Юлька уже выехала ко мне.

Вскоре приехали мои близкие и друзья, которые болели за меня на трибунах, — они уже и обмороки пережили, и сердечные приступы, но успокоились, увидев, что я жива и невредима. Мы расселись по машинам и понеслись в райские кущи. Именно так мне описали ту закрытую виллу, куда меня спрятали от чрезмерно любопытных посторонних глаз. Там было фантастически красиво: вилла стояла прямо на берегу, за огромными окнами в закате солнца серебрилась гладь Эгейского моря, столики ломились от моих любимых средиземноморских блюд, в тонких хрустальных кувшинах рубинами переливалось вино. Мы сели к столу, вкусно поели, выпили за мои успехи и выдержку. И только там, в кругу самых близких мне людей, я уже не могла больше сдерживаться и дала волю своим чувствам. Одному Богу известно, откуда взялось столько слез! Я рыдала до утра и выплакала всю боль, все переживания и все стрессы минувших лет. Никто не успокаивал: все понимали, что мне нужно было именно это. На следующий день, конечно, проснулась с опухшими глазами и была похожа на девушку из

китайской делегации. Но зато на душе у меня было легко-легко, как в детстве, когда я, веселая и заводная, с утра до ночи прыгала на батуте.

И там, на этой романтической вилле, в объятиях любимого, я поняла, что самое главное и интересное в моей жизни еще только начинается!

Глава первая «Попрыгунья-стрекоза»

У меня было совершенно беззаботное и счастливое детство. Мои родители переехали в город Белгород из Мордовии. Сначала они жили во флигеле. Папа тогда работал на стройке, а мама — в детском садике. Когда мама была беременна мною, родители думали, что родится мальчик. В те времена ведь УЗИ еще не было, и прогнозы о половой принадлежности будущего ребенка делались по каким-то народным приметам. Так что родители даже имя предполагаемому мальчику заготовили — Алешка. И общались со мной до моего появления на свет как с мальчиком. Может, именно поэтому я и была в детстве такой сорвиголовой с абсолютно мальчишеским характером.

Когда я родилась, папе от работы дали комнату в общежитии. Слава богу, это была не коридорная система с одним туалетом на целый этаж, а блочная. На две комнаты (одну занимали мы, другую — соседи) — общий туалет и душевая. Наша 11-метровая комнатка была разделена шифоньером на две части: с одной стороны стояли большая родительская кровать и мой диванчик, а с другой — обеденный стол. Кроме того, папа соорудил домашний спортивный уголок: подвесил к потолку трапецию с канатом, чтобы я развивалась-кувыркалась. Чего я только на них не вытворяла! Залезала по канату на трапецию, оттуда на шкаф, со шкафа прыгала на кровать.

И так кругами носилась сверху вниз, пока не падала на родительскую кровать, «смертельно» уставшая. А бывало, повисала, как обезьянка, на трапеции над столом, стаскивала с него что-то вкусненькое и снова забиралась на трапецию.

Кстати, из-за моего живого темперамента накормить меня всегда было для мамы огромной проблемой (подобные хлопоты сейчас возникают и с моим сынулей). Утром, едва позавтракав, я мчалась во двор к таким же сорванцам, как и я. И пока родители с утра до вечера работали, за нами присматривали соседи. Тогда мало кто прибегал к услугам нянь. В советские времена детей помогала воспитывать вся страна. Однажды произошла такая забавная история. Маме нужно было куда-то отойти по делам, и она оставила меня с бабушкой-соседкой. А я все время придумывала себе какие-то новые развлечения. И когда бабуля, успокоенная моим примерным поведением, немного расслабилась и буквально на пару минут ушла из комнаты, я залезла на подоконник и задернула за собой шторы.

С бедной женщиной чуть инфаркт не случился, когда она вернулась, а меня и след простыл. Началась истерика: доверили чужого ребенка, а она не уследила. Все соседи переполошились: «Бабуля, что случилось?» А она рыдает: «Да вот, Светку не могу найти, пропала девка». Меня искали всем общежитием. Я же сидела в своем укрытии тихо, как мышка, страшно довольная этим приключением. Пока в дверях не появилась мама. Услышав ее голос, я театральным жестом раздвинула шторы и громко объявила: «А вот и я!» Все расхохотались и захлопали в ладоши. Вот такое шоу устроила в два с половиной года от роду!

Когда же наступало время обеда или ужина, мама не знала, что бы такое придумать, чтобы эта «егоза» съела хотя бы половину порции. Накормить меня тоже пытались всем общежитием. Есть я предпочитала в противопожарном шкафу, в обнимку с завернутыми пожарными рукавами. Забиралась внутрь, и только одной маминой подруге, тете Маше, с помощью каких-то немыслимых уговоров удавалось меня накормить.

Однажды вечером на общей кухне мама разговорилась обо мне и моей разудалой прыти с соседкой. И та сказала, что ее дочка уже несколько месяцев занимается спортивной гимнастикой. «Может, Свету стоит туда же направить, — посоветовала она. — Начнет заниматься — и энергия на полезное дело пойдет, и аппетит, глядишь, появится. Там сейчас как раз набор в младшую группу девочек».

Мама после работы взяла меня за руку и повезла во Дворец спорта «Спартак», где находилась эта секция. Меня определили в группу девочек-новичков к Елене Андреевне Тутушкиной (сейчас она — Ткачева). Правда, в свои четыре года я оказалась у нее самой маленькой. Но тренер решила: ничего страшного, пусть девочка походит, пока просто покувыркается, а там посмотрим. Елена Андреевна не заставляла меня делать вместе со всеми какие-то игровые или силовые упражнения, а разрешала просто бегать по залу, прыгать на батуте и заниматься тем, чем хочется. Мне ужасно нравилась эта вольница, и даже не понимая, что такое на самом деле спортивная гимнастика, я уже в нее влюбилась. И пользовалась своим привилегированным положением как могла: резвилась, пока остальные дети стояли в общем строю или делали упражнения по ОФП (общефизической подготовке). Самое главное, что все тренировки были построены на играх. И в этих забавах мы наращивали физическую подготовку, развивали и укрепляли мышцы и получали первое представление о том, что такое гимнастика. Но больше всего на свете меня притягивал батут: я могла прыгать на нем часами, до посинения.

Да, я была резвая, подвижная, шебутная, но при этом абсолютно не растянутая, не гибкая, тощая и бледная. Этакий гадкий утенок. Но утенок не забитый, а невероятно настырный, боевой и трудолюбивый. И если мне чего-то очень хотелось — горы могла свернуть. Собирала все силы в кулак и делала такой рывок, что у тренера глаза на лоб лезли от удивления: как эта кнопка может творить такие чудеса? Особенно когда среди малышни проводились какие-то веселые старты или соревнования по ОФП. Тут уж выкладывалась на все сто: мне всегда хотелось быть первой.

Пару месяцев спустя, напрыгавшись и налазившись, я начала обращать внимание на то, как тренируются дети постарше. И обнаружила, что в зале есть не только батут, но еще и бревно, по которому можно лазать и ходить, размахивая руками, как мельница. Есть брусья, на которых можно повисеть, а иногда, под присмотром и при поддержке тренера, и покувыркаться. А еще конь, которого можно оседлать и вволю поколотить ногами.

Мама работала медицинской сестрой в детском садике недалеко от Дворца спорта — всего одна автобусная остановка. И я, естественно, ходила в этот же садик, а оттуда мама меня отвозила на секцию. Если автобуса долго не было, мы с мамой шли пешком — быстрым шагом минут 10–15. Мама помогала мне переодеться, а потом, когда начинались занятия, возвращалась на работу. После тренировки, когда надо было добираться домой через весь город автобусом или троллейбусом, за мной заходили то мама, то папа, кому было удобнее.

Родителям нравилось, что тренировки пришлись мне по душе. И я чуть ли не плакала, когда наступало время уходить из зала, пере-одеваться и ехать домой. Настолько увлеклась гимнастикой, что стало уже неинтересно носиться с мальчишками по двору. К тому же ни времени, ни сил на это теперь не оставалось. И слава богу, что гимнастика вовремя увела меня с улицы, избавив от ее пагубного влияния.

Однажды я заболела. Мне было уже, наверное, лет пять. Пришел доктор, чтобы сделать уколы. Заходит в комнату, а кровать пуста. Спрашивает: «Ну и где же наша больная?» А мама и говорит: «Да вон там, под потолком». И показывает на трапецию, где я повисла, как обезьянка, зацепившись ногами. Я тут же спрыгиваю вниз, почти на голову ошарашенному доктору. Вот смеху-то было!

Как-то мне подарили книгу о Мордовии, ее людях, характерах, истории, и там очень часто попадается фамилия Хоркиных. Свою «горячую» мордовскую кровь я ощущаю постоянно: характер у меня взрывной, из-за этого могу и обидеть

невольно. Потом, правда, быстро остываю, отхожу и, конечно, прошу прощения. Все друзья и близкие давно привыкли к этим особенностям моего темперамента.

У маминых и папиных родителей были многодетные семьи. Естественно, дети в них были рано приучены к труду. Так же и у нас в семье: когда у меня появилась сестренка Юлька, мы на выходные, как и все белгородцы, ездили на дачу и там помогали родителям полоть лук, морковку. А еще мы очень любили по вечерам испечь картошку на костре, поджарить сосиски, сало, побултыхаться в речке. И в Мордовию ездили каждый год, чтобы проведать бабушек-дедушек. Но когда начался спорт, мы стали на все лето уезжать в спортивные лагеря, и родители занимались дачным хозяйством уже без нас. Да и мордовские бабушки-дедушки, постоянно твердившие, что раз уж пошли внучки в большой спорт, то бросать нельзя, теперь видели нас только по телевизору да в газетах.

Мы с Юлькой всегда были очень дружны, все вопросы решали сообща, все делали вместе. Если мне приходилось уезжать куда-то одной, очень скучали друг без друга. Когда я стала ездить за границу, всегда привозила сестренке подарки. Помню, как однажды привезла Юле куклу Барби. Таких в городе еще ни у кого не было: у нее сгибались и ручки, и ножки. Однажды мама зашла в комнату и увидела, как я на этой кукле показываю сестре гимнастические комбинации. После этого папа сделал для нашей Барби металлические брусья, и теперь, играя, Юлька получала прекрасные уроки гимнастики. Возможно, именно после этих «тренировок» на куклах Юля и решила идти в гимнастику, а потом стала тренером. Хотя мама предлагала ей заняться каким-нибудь другим видом спорта, она все-таки захотела стать гимнасткой. Может потому, что уже хорошо в ней разбиралась. Я и сейчас стараюсь свою Юльку опекать, рассказываю ее ученицам о большом спорте, о своих выступлениях на Олимпиадах и чемпионатах мира, делюсь опытом.

Маме почему-то казалось, что если бы у меня был братик, то у нас не было бы такой дружбы. А я думаю, что мы общались бы не меньше. Моему папе на самом деле очень хотелось мальчика. И во время второй маминой беременности мы все звали будущего малыша Юриком. Как-то мы с мамой, опаздывая на тренировку, побежали к подъезжавшему автобусу. И вдруг я испугалась: «А как же там у мамы в животе Юрик? Ему же больно из-за того, что мы так несемся». И как закричу: «Мамуля! Юрика береги! Юрика!»

Мне очень нравилось прикладывать ухо к маминому животу и слушать, как там шевелится наш малыш. Я его очень ждала. Но когда родилась девочка, ничуть не расстроилась и в ответ на

вопрос мамы: «Как назовем сестренку?» предложила: «Пусть будет Юлей». А мне имя выбирал папа. Пока мама еще была в роддоме, он попросил ее описать ему дочку, и, узнав, что девочка у него светленькая, решил назвать Светиком.

Для нас с сестрой папа — большой авторитет, его мнение всегда очень весомо и значимо. Он очень много возился с нами в детстве, занимался нашим культурным развитием: водил и в краеведческий, и в художественный музеи, и в музей-диорам у «Курская битва». Но больше всего мне нравилось бывать с родителями на спектаклях: в кукольном театре, драматическом театре имени Щепкина, в цирке. Артисты были чем-то похожи на гимнастов, в них чувствовалась красота, пластичность движений, изящность, грация. Они казались очень счастливыми, потому что на них приходят посмотреть много людей, их все любят, им аплодируют, дарят цветы, подарки. И даже не признаваясь себе, я мечтала о том, чтобы и мне когда-нибудь аплодировали так же.

Так уж повелось, что с малых лет я дружила в основном с мальчишками. Иногда сама была заводилой, иногда уступала лидерство кому-то более сильному из них. И наша ребячья «банда», с пластмассовыми ружьишками да палками, устраивала веселые войнушки с соседскими пацанами. Был у меня в этой «банде» и свой ухажер — мальчик, который считался самым главным. Он был примерно на год старше меня. Поначалу я противилась его ухаживаниям, мол, мы и сами с усами: я уже занималась гимнастикой и была вся из себя такая самостоятельная — чемпионка. Но потом мы с ним все же подружились. И было очень удобно, когда зимними сумерками, которые наступали довольно рано, он встречал меня на автобусной или троллейбусной остановке и провожал до общежития. От автобуса идти было совсем недалеко, буквально пять минут: спуститься с горки — и вот уже наш дом. Но когда я опаздывала на автобус и ехала на троллейбусе, то и ехать было дольше, и остановка находилась куда дальше от дома: нужно идти через темные гаражи минут десять, а то и пятнадцать, если дорожку заносило снегом. Потом мы разъехались из общежития, и своего первого поклонника я потеряла.

Через несколько месяцев регулярных тренировок гимнастика стала неотъемлемой частью моей жизни. Я считала часы, надеясь таким образом приблизить начало занятий. Даже если вдруг простужалась, не могла подолгу сидеть дома и болеть: умирала от тоски и места себе не находила. Каждое утро просыпалась и говорила родителям, что уже абсолютно здорова и могу тренироваться. Познав радость первых побед и получив первые подарки, я хотела выигрывать всегда и везде. Тем более что,

благодаря моему упорству, это удавалось. Вволю наигравшись и напрыгавшись на батуте, я могла чуть серьезнее позаниматься ОФП, а потом взять и у всех выиграть. Тогда казалось, что это так легко — быть первой! Правда, и соревнованиями-то это не назовешь: кто быстрее на канат залезет, кто быстрее пробежит, кто выше или дальше прыгнет. Тем не менее нас уже тогда приучали к борьбе, давая за лучшие результаты грамоты и сувениры. У меня даже сохранились такие грамоты за победу на канате и самое первое исполнение сложного по тем временам гимнастического элемента.

Как сейчас помню свой первый турнир на Кубок героя-белгородца Горовца. Тогда мне еще вручили приз как самой… (не поверите!) маленькой и юной гимнастке. Это уже потом я подросла и вытянулась так, что превысила все каноны роста в гимнастике. А в то время действительно была самой маленькой (не только по росту, но и по возрасту) участницей соревнований и очень гордилась своим первым призом. Мне очень понравилось выступать, завоевывать награды. Уже тогда я поняла, что победителям всегда вручают самые лучшие подарки и медали, да не какие-нибудь, а золотые. И решила, что обязательно добьюсь больших спортивных побед.

Обычно на все эти мини-турниры, проводившиеся у нас во Дворце спорта, приходили спартаковские тренеры, которые присматривали юных гимнасток в свои группы, где тренировались уже разрядники. Группу Елены Андреевны расформировывали, поскольку она уезжала в другой город. И меня взяла к себе Анна Ивановна Пилкина, супруга опытного специалиста — Бориса Васильевича Пилкина. А поскольку Анна Ивановна много раз приходила в зал во время наших тренировок, она давно присматривалась ко мне. Однажды она обратила внимание своего мужа на меня: «Посмотри, девочка любит работать, в зале чуть ли не каждый день с утра и до вечера. Уж больно ей нравится гимнастика, а какая она целеустремленная! Может, попробуем из нее что-то сделать?» А Борис Васильевич сказал, как отрезал: «Да куда ж мне ее, такую длинную, ты только посмотри! Высокая, худая, да и силенок у нее маловато. Что я с ней делать-то буду?!» И он очень долго не хотел меня брать, не поддавался ни на какие уговоры. Но в тот момент, когда Елена Андреевна уезжала, Анна Ивановна снова стала убеждать Бориса Васильевича: «Возьми девчонку, не пожалеешь! Трудолюбивая, выигрывает все соревнования. Смотри, какая шустрая, да вроде бы и серьезная». Но Пилкин все еще стоял на своем: «Ты с ума сошла! Она же… она — длинный крючок, что я с этой коломенской верстой буду делать?»

И надо же было такому случиться, что я случайно услышала их разговор. «Ну, — думаю, — я вам, Борис Васильевич, докажу, на что способна эта длинная Хоркина!» Мне теперь и самой захотелось попасть в группу к этому строптивому тренеру. Видимо, почувствовала, что мы с ним — два сапога пара.

Честно говоря, я поначалу не думала, что этот вид спорта станет частью моей жизни. Просто тогда мне хотелось заниматься гимнастикой, быть стройной и красивой, какими в римской мифологии были Грации — три богини красоты, изящества и радости. Впрочем, Пилкин вскоре все-таки обратил внимание на девочку, которая так неистово тренируется. Появились мозоли, но я их не замечала: очень хотелось показать тренеру, что представляю собой на самом деле.

Да, я была упорная, и это многих подкупало. Меня не пугало ни время, ни расстояние. Чем хороша гимнастика? Она очень быстро приучает детей к самостоятельности. И однажды я вполне по-взрослому сказала родителям: «Папа и мама! Я знаю дорогу до дома, знаю, где автобусная остановка, где нужно садиться и где выходить. Так что не надо меня провожать, я и сама вполне могу доехать». Мне было тогда лет шесть-семь. Папа как раз в это время поступил учиться в вечерний техникум и не всегда мог встретить меня после тренировки. И родители решились на эксперимент. А я была страшно горда тем, что еду одна! После тренировки я переоделась, собрала вещи и вышла к автобусной остановке. Пропустив несколько троллейбусов, дождалась автобуса — он останавливался прямо около нашего дома. Втиснулась в него через переднюю дверь: почему-то мне казалось, что в нее входит меньше народу. Это была иллюзия: на самом деле автобус всегда был полон под завязку, так как ходил очень редко, и народу набиралось много. Я пробралась до кабины водителя и прилипла к стеклу, чтобы следить за дорогой и не пропустить свою остановку. А потом, как под гипнозом, вдруг обернулась и увидела, что мой папа зашел через заднюю дверь. Как же я тогда расплакалась, страшно обидевшись за то, что мне не доверяют. Но с тех пор ни папа, ни мама больше никогда не смели меня провожать. А я гордилась своей самостоятельностью, тем, что каждый день выполняю такую ответственную миссию, пускаюсь в опасное приключение. На самом деле не всегда все шло гладко. Однажды меня буквально внесли в долгожданный автобус, а сумку, в которой был гимнастический купальник, защемило дверью. Ручки оборвались, и сумка потерялась. Как же я переживала, как плакала! Но успокоила себя тем, что когда стану настоящей спортсменкой, у меня будет сразу несколько красивых купальников, надо только как следует тренироваться.

Была и забавная история. Дорога от зала до дома длинная, автобус шел долго, а техника имеет свойство иногда ломаться. Мы ехали, ехали, и вдруг посреди дороги, прямо на железнодорожных путях, автобус сломался. Водитель всех высадил, и люди разбрелись кто куда. Что это было за место — я понятия не имела, так как знала маршрут исключительно «от и до», а что между ними — «темный лес». Встала посреди дороги в растерянности и чуть не плачу. Потом посмотрела по сторонам и взмолилась: «Люди добрые, помогите, отведите меня домой!» Хорошо, что по близости оказалась мамина знакомая, которая подошла ко мне и сказала: «Пойдем, Светочка, пойдем! Я тебя провожу». Эту историю я всегда вспоминаю за границей: когда оказываюсь в незнакомом городе, спокойно подхожу к любому прохожему и спрашиваю, где нахожусь и как добраться до нужного места. Причем всегда спрашиваю и переспрашиваю по двести раз, потому что один направит в одну сторону, другой — в другую.

Глава вторая
«Брови… стр-раш-шны-е… боюсь…»

Это у меня в крови: уж если очень захочу, то обязательно добьюсь, чего бы мне это ни стоило. И некоторое время спустя Пилкин сдался. Своей первой большой победой я, пожалуй, могу назвать то, что Борис Васильевич Пилкин все-таки начал со мной работать. Мы стали заниматься хореографией, общефизической подготовкой (под каждый снаряд подбирался свой комплекс развивающих упражнений), бегали много кроссов. Очень разнообразной была прыжковая подготовка: качали ноги, чтобы укреплять определенные группы мышц, делали очень много специальных подготовительных упражнений для опорного прыжка. Совершенно другие упражнения нужны для брусьев. Здесь уже начались подводящие элементы, помогающие оттачивать технику, — их придумал сам Борис Васильевич и назывались они «стоялки», «разгибы». Ну и как же без моего любимого батута?! Но теперь я на нем уже не только резвилась и кувыркалась, но и выполняла специальные элементы, впоследствии ставшие основой для моей акробатики и вольных упражнений. В этой работе очень помогали лонжи, резиновые амортизаторы которых во время прыжка уменьшают вес спортсмена. Это дает возможность, не боясь травм, смело экспериментировать, придумывать и отрабатывать много интересных элементов, тратя при этом меньше сил, но получая большую пользу.

В целом мне было нелегко. Но нравилось бороться — и с усталостью, и с болью в мышцах — и чувствовать, что уже кое-что получается. Глядя на меня, и другие девчонки, которые тренировались в нашей группе, — Таня Акиньшина, Жена Вакуленко, Валя Умеренко — старались не отставать. И они все потом стали мастерами спорта. Однако на большее их не хватило — может быть, из-за недостатка упорства?

Как рассказал мне позже Борис Васильевич, я его покорила своим трудолюбием, характером и желанием работать. При этом умела слушать: когда он говорил об ошибках, каждое его слово не просто ловила, а жадно впитывала. И самое главное — самозабвенно любила гимнастику.

Борис Васильевич заметил, что по сравнению с другими девчонками я быстро прогрессировала. Может, и не всегда с первого раза понимала, чего он от меня требовал, но старалась максимально точно выполнять задания, трудилась в поте лица,

часами отрабатывая новые упражнения. Его это подкупало и вдохновляло.

Я была упорной и даже настырной, в хорошем смысле этого слова. Понимала, что протекции в спорте у меня нет и всего придется добиваться своими силами. И очень благодарна своему тренеру, что он не бросил меня, хотя многие доки от гимнастики говорили ему: да не трать ты на нее свои силы, ведь с таким ростом ей в гимнастике ничего не светит. Некоторые шутили: мол, из-за длинного роста Хоркина на брусьях будет цепляться за жерди.

Но Борис Васильевич старался не акцентировать мое внимание на том, что я высокая, чтобы это не превратилось в комплекс. Наоборот, он еще в самом начале сказал мне: «Света, раз у тебя ноги длинные, они должны тебе не мешать, а помогать. Ты сможешь с ними справляться, применяя контртемп. И именно благодаря длине ног у тебя будет получаться очень красивая линия, длинная амплитуда движений и полета. И я знаю, как этого добиться. Брусья — традиционно слабое место для русских в спортивной гимнастике (на них, как правило, выигрывали китайцы) и самый трудный снаряд для твоего роста. Но мы с тобой сделаем так, что брусья станут твоим козырем. Только ты верь мне и ничего не бойся». И действительно, пришло время, когда это удалось.

Конечно, не все и не сразу, ведь начинали мы с нуля: у меня не было ни техники, ни силы. Но постепенно стали получаться какие-то простые элементы. Я стала чувствовать провисание, мах, поняла, что на брусьях могу уже не только висеть и что мои длинные ноги не утяжеляют мой вес, не мешают, а наоборот, придают ощущение полета. Благодаря легким и воздушным комбинациям Бориса Васильевича я узнала, что такое летать над брусьями. А чувство полета опьяняет: пережив это состояние однажды, хочется летать еще и еще. Но самое главное: тренер старался работать со мной так, чтобы мне всегда было интересно. Мы все время во что-то играли, даже композиции на брусьях были игровыми. И буквально все их части включали авторские элементы, которые никто никогда до меня не делал, да и сегодня делают единицы. А Пилкин никому не раскрывает тайны своей уникальной методики подготовки.

Китайцы на брусьях всегда были впереди планеты всей благодаря невероятно точной технике. Брусья требуют ювелирного мастерства, в отличие от остальных снарядов, которые покоряются силе, прыгучести и резкости. Но Борис Васильевич Пилкин сумел найти свой ключ и подход к этому снаряду. Он создал ту самую методику, которая сделала меня

королевой брусьев. И если сегодня какая-нибудь молодая гимнастка спросит, как ей научиться работать на брусьях так, как еще совсем недавно работала я, то отвечу не задумываясь: «Поезжай к Пилкину — он тебя всему научит». Моя сестра долгие годы тренировалась вместе со мной у Бориса Васильевича и тоже добилась неплохих результатов, став тренером. Естественно, многому научившись у Пилкина, она пытается что-то повторять из его методики, и отчасти у нее получается. Тем не менее загадку нашего тренера нам так и не удалось разгадать до конца, хотя всю его методику я испытала на себе, именно под меня она создавалась, на мне опробовалась и обкатывалась. Но что он такое со мной творил, каким образом доводил до автоматизма полеты между брусьями, знает только он сам. Он лишь объяснял, как нужно сделать тот или иной элемент, и за этим следовало невероятное количество подводящих упражнений. А когда приходило время исполнять элементы непосредственно на брусьях, все получалось как бы само собой, автоматически, без видимых усилий.

Конечно, поначалу мне приходилось бороться со своим страхом. Ведь брусья — очень коварный и самый опасный снаряд в гимнастике. Многие почему-то считают таковым бревно, но на самом деле бревно — это цветочки. На брусьях одно неточное движение может привести к падению с двухметровой высоты, иногда прямо на жерди. Впрочем, не стоит слишком драматизировать: ни один думающий тренер не отправит своих воспитанников на брусья, не отработав все как следует на земле. И я, ведомая абсолютной уверенностью своего Пилкина, перестала бояться.

Надеюсь, что когда-нибудь он напишет книгу, как это делаю сейчас я, и хоть какие-то секреты приоткроет. Ведь благодаря его уникальной системе тренировок для высоких девочек я очень быстро нашла «общий язык» с брусьями и именно на этом снаряде стала трехкратной чемпионкой мира и победительницей двух Олимпиад.

Буквально через полгода тренировок Борис Васильевич взял меня со старшей группой на серьезные спортивно-тренировочные сборы в Ессентуки. Туда приехали по сравнению со мной, совсем еще сопливой, взрослые девочки, которые были уже мастерами спорта. И я смотрела на всех как зачарованная. А Бориса Васильевича откровенно побаивалась с первого дня нашего знакомства: он казался мне таким серьезным и загадочно-суровым, особенно пугали его большие лохматые брови, ну прямо как у совы. Сначала я держалась от него подальше, пряталась за спинами старших девчонок.

И вот, на тренировке, когда все уже получили свои задания и приступили к их выполнению, подошла и моя очередь. Борис Васильевич стал делать со мной какое-то упражнение, а я так зажалась, что даже трястись начала. Он спрашивает: «Что с тобой, чего ты так перепугалась?» А я от страха слова вымолвить не могу. Еле слышно, себе под нос пробормотала: «Брови… стр-рашшны-е… боюсь!» Он расхохотался: «Глупышка! Они же не страшные, они веселые. На-ка, потрогай их пальчиком!» И я успокоилась и расслабилась, почувствовав, что он, как дедушка Мороз, ласковый и добрый.

Эту профсоюзную спортивную базу в Ессентуках я всегда вспоминаю с удовольствием. Во время утренней зарядки мы бегали к минеральным источникам. А там было много ручных белок. Мы добегали до источника, кормили белочек, пили воду и бежали обратно. Приятное с полезным: и здоровье, и радость!

На моих первых сборах в Ессентуках была известная гимнастка, олимпийская чемпионка Галина Шамрай. Похоже, я ей понравилась, и она обо мне, маленькой, но настырной недотепе, заботилась: то блинами подкормит, то голову мне в бане помоет. А я подружкам жаловалась, что, мол, кормит-то она вкусно и голову моет хорошо, но так больно волосы отжимает!

Уже после первых спортивно-тренировочных сборов я заметно окрепла: все-таки по две-три тренировки в день. Да еще на старших девочек, которые были рядом, во все глаза смотрела и всему у них училась. Борис Васильевич меня постоянно опекал. Научил играть в шахматы, в зимнем лагере — кататься на лыжах. Тренер фактически стал членом нашей семьи. К счастью, родителям нравилось мое увлечение гимнастикой и они оказывали всяческую поддержку. У меня был очень крепкий тыл, а это уже половина успеха.

Время шло, я все больше прогрессировала. Но тут случилось непредвиденное: мы стали учиться в школе во вторую смену, что поставило под угрозу мои тренировки. Теперь я могла заниматься только в первой половине дня, а не с основной группой. Но у Бориса Васильевича по утрам тренировок нет — с кем же мне заниматься? Ведь Пилкину за это денег не заплатят, а кто станет работать бесплатно?

Чуть ли не в слезах я приехала в «Спартак» и сообщила об изменениях в учебном расписании своему тренеру. К моему великому счастью, Борис Васильевич с Анной Ивановной решили заниматься со мной по утрам индивидуально, по очереди. В итоге большую часть своего свободного времени Борис Васильевич на протяжении многих лет тренировал меня одну и абсолютно бесплатно. И я бесконечно благодарна любимому тренеру. Это

был настоящий подарок судьбы: именно в этот период индивидуальных тренировок, когда весь свой ум, талант и энергию тренер посвящал мне одной, я и совершила огромный рывок в результатах, в то время как сверстницы, занимаясь в большой группе, продвигались значительно медленнее.

Но я росла не только в мастерстве. Стремительно увеличивался и мой рост, аж по семь сантиметров в год. Борис Васильевич, конечно, понимал, что я буду вытягиваться и дальше, но не ожидал таких темпов. И решил, что с этим надо как-то «бороться». Если бы он специально над моим ростом не работал, я бы сейчас наверняка была вровень с профессиональными топ-моделями. Говорят, что большие нагрузки сильно замедляют детский рост. Но не могу сказать, что Борис Васильевич слишком уж загружал меня. Я не валилась с ног от усталости. Но даже летом, когда все дети, тренировавшиеся в «Спартаке», выезжали в спортивный лагерь и нагрузки у всех снижались, мне поблажек Борис Васильевич старался не давать, чтобы хоть немного притормозить мой рост. Благодаря этому я росла уже чуть медленнее — не по семь, а по четыре сантиметра за год. Однако это вовсе не означает, что у меня не было отдыха и нормального девчачьего детства. Напротив, этого хватало с лихвой.

Своего оздоровительного лагеря у нашего спортивного общества не было. Как правило, нас, спортсменов, вывозили в обычные детские оздоровительные лагеря (в то время они назывались пионерскими) и там собирали в отдельный отряд. Мы, как на спортивном сборе, делали по две-три тренировки в день, включая утреннюю зарядку.

Ранним утром под звуки пионерского горна вместе со всем лагерем мы вскакивали из теплых постелей и, еще сонные, натянув спортивные трусы и майки, босиком по бодрящей росе семенили к речке. Бежим, а Борис Васильевич рядом на велосипеде катится, нас подгоняет, чтобы на ходу не спали. У речки делаем разминку и всем гуртом с веселым девчачьим щебетом прыгаем в воду. Барахтаемся, резвимся, ныряем. А потом с хохотом и визгом, играя в салочки и уже обгоняя тренерский велосипед, мчимся в лагерь, на завтрак. И так каждый день, в любую погоду. Благодаря такой зарядке мы не только учились мгновенно просыпаться и взбадривать себя эмоциями, но и закалялись, набирались здоровья на целый год.

Спортсменам, жившим по собственному тренировочному распорядку с достаточно большими нагрузками, разрешалось во многих общелагерных мероприятиях не участвовать. Но в свободное от тренировок время мы вместе с остальными детьми играли и в «сладкое дерево», и в «казаков-разбойников», загорали,

купались в речке, иногда и на танцы ходили. Конечно, хватало сил и на вечер, на «шуры-муры» и «амуры». И дружбу с мальчишками заводили, и за ручки держались, и на звезды смотрели, и мечтали. Мечтали о том, как встретимся здесь же в будущем году, какими станем и как здорово снова будем проводить время.

Как правило, мы жили в лагере по три смены. Съездишь на пару дней домой, пообщаешься с родителями, похлебаешь домашних щей и снова рвешься в лагерь. А самое интересное ждало нас в конце лета — это призы и подарки от нашего тренера за лучшие результаты, показанные в лагере. И три смены, проведенные здесь, давали великолепный эффект.

Борис Васильевич — очень мудрый тренер. Он абсолютно точно знал, как заинтересовать детей, чтобы они азартно и с удовольствием выполняли необходимую для спортивного развития нагрузку, чтобы гимнастика им не надоедала. Из разных городов он привозил очень красивые и оригинальные подарки, каких в Белгороде никто никогда не видел. В самом начале первой смены раскладывал их у себя в комнате и приглашал нас: мол, посмотрите, девчонки, какие сувениры ждут победителей и призеров наших соревнований по ОФП. Мы, совершенно обалдевшие, широко раскрыв глаза от удивления, осматривали все эти соблазнительные вещицы, выбирая наиболее понравившиеся: «Ах, хочу это!» А сколько раз случалось так, что нескольким девочкам приглянулась одна и та же собачка или кукла! Но я сразу просекла: победитель и призеры выберут самые лучшие подарки.

А будешь четвертой или пятой — глядишь, тебе уже ничего хорошего и не останется вовсе. Так что давай, Светик, выигрывай! Победителям всегда достается все самое лучшее. И мне нравилось быть лидером, а не плестись где-то в конце. Меня так распаляло это соперничество, что вечерами, когда все девчонки отправлялись в кино, я хватала тренера за рукав куртки и уговаривала: «Борис Васильевич, давайте, принимайте у меня элементы, я хочу сдавать!» Настолько мне хотелось побеждать! Тут был и интерес, и азарт: в конце лета подсчитывались набранные баллы и вручались призы.

И снова Борис Васильевич раскладывал на столе заготовленные призы и торжественно, под музыку, перед всем строем объявлял: «Первое место — Светлана Хоркина!» Я выходила к этому сказочному столу с вожделенными подарками и выбирала три из них — столько полагалось победителю. А Борис Васильевич всегда ставил меня в пример другим: мол, посмотрите, какая Света: намного слабее всех вас физически, но

гораздо сильнее — по духу и воле к победе! И действительно, по физической подготовке я всегда уступала соперницам. Причем на протяжении всей своей спортивной жизни. И все удивлялись, да и я сама до сих пор удивляюсь, как, будучи такой худенькой и хиленькой, могла обыгрывать очень крепких гимнасток со всего мира? Но, помимо воли к победе, о которой говорил тренер, я была одержима гимнастикой и тренировками. А он помог мне приобрести очень хорошую технику, необыкновенную резкость и стратегически правильно выстраивал и усложнял мои комбинации.

В старые времена, когда выступали Латынина, Ким, Турищева, гимнастика сильно отличалась от сегодняшней. Не было элементов ультра-си и такой сложной акробатики, а были ласточки и колеса. Но исполнение даже этих упражнений сочеталось с определенными трудностями. Гимнасты работали на самом простом ковре, похожем на тот, что лежит у вас дома. Да и брусья были «дубовые». Как уж гимнастки со всего маху ударялись об эти деревяшки и терпели — одному Богу известно. Я поражаюсь, как великая Латынина беременная могла выступать на этих брусьях и выигрывать. Это был по-настоящему героический поступок! Звезды гимнастики того поколения заслуживают огромного уважения и преклонения: для своей эпохи они творили на помосте невероятное. Именно поэтому мы до сих пор восхищаемся их успехами и ставим в пример молодому поколению гимнасток.

Сколько себя помню, Борис Васильевич всегда отводил большую роль тренировкам на свежем воздухе: летом мы набирались здоровья в лесу, а не задыхались в душном зале. Для того чтобы не было перерыва в гимнастических тренировках, в лагерь привозили все необходимые снаряды, и мы устанавливали гимнастический городок прямо в лесу, среди деревьев. Пристраивали жерди между стволов, создавая подобие брусьев, посыпали опилками дорожки для разбега на прыжок через коня, выкапывали глубокие ямы и наполняли их теми же опилками и хвоей, чтобы было мягче приземляться, и отрабатывали в этом импровизированном прыжковом секторе свои элементы. Причем тренировались исключительно босиком, получая при этом двойную или даже тройную пользу: одновременно и массаж стоп делали, и иглоукалывание, и саму подготовительную работу. Как же хорошо все продумал мой тренер, как заботился о нашем здоровье, закладывая прочный фундамент для будущих побед. Думаю, что именно такая серьезная базовая подготовка и позволила мне столько лет держать лидирующие позиции в мировой гимнастике.

Проводя все лето в лесу, в лагере, я осенью, на соревнованиях, совершала огромный рывок вперед. Конечно, летом было трудно, но в то же время и радостно. Для меня это были просто супер-времена: такие счастливые и беззаботные. И как хотелось бы пережить их снова!

С каждым новым спортивным сезоном я все больше набирала обороты. Мы с Борисом Васильевичем стали выезжать уже на областные, зональные и региональные детские и юношеские соревнования. Я выигрывала их одно за другим и уже стала мечтать о том, как однажды приеду в Москву на спортивную базу «Озеро Круглое», где тренируются сильнейшие гимнастки из молодежной и основной сборной СССР. Но, увы, несмотря на мои прогрессирующие результаты, в Москву меня все не приглашали и не приглашали. Обидно было еще и потому, что на сборы в молодежную команду уже неоднократно вызывали спортсменок, с которыми я давно выступала на равных и даже обыгрывала. Ждала с нетерпением: когда же, когда пригласят в сборную команду и меня? Ведь давно пора — я же лидер!

Мечты мечтами, а тренировки оставлять нельзя. Однажды утром мы с тренером обсуждали мою новую программу в нашем родном Дворце спорта «Спартак». И ничто не предвещало серьезных изменений, пока в зал не вошел директор и не сообщил: «Борис Васильевич, вас к телефону. Из Москвы звонят». Я сидела на бревне и беззаботно болтала ногами, даже не подозревая о том, что в эти минуты решалось мое спортивное будущее. Но когда Борис Васильевич довольно быстро вернулся и сообщил: «Ну что, Света, нас с тобой вызывают на сборы в Крылатское, на лучшую профсоюзную базу страны», — я даже подпрыгнула от радости. И эмоции, и силы били фонтаном. Мне хотелось на этой тренировке горы сворачивать, и я выполняла самые немыслимые элементы, даже те, которых раньше страшно боялась. «Мы едем в Москву!» — звенело в ушах. И я готова была рисковать как сумасшедшая: наконец-то дождалась!

Глава третья
Окрыленная мечтой

Моим кумиром в те годы была чемпионка Европы и мира, олимпийская чемпионка Светлана Богинская. Я старалась смотреть по телевизору все трансляции по спортивной гимнастике и болела только за нее. Внимательно следила за тем, как она разминается, настраивается, готовится к выходу на помост, как работает на каждом снаряде, как ведет себя по отношению к публике.

И я очень хотела добиться таких же побед, как она. Хотя уже тогда решила: не хочу быть похожей ни на нее, ни на кого-то еще, а хочу быть неповторимой, чтобы меня узнали и запомнили такой, какая я есть, — самобытной Светланой Хоркиной.

Когда мы с Пилкиным собирались в Москву, я лелеяла тайную надежду — побывать на главной тренировочной базе сборной СССР по гимнастике. И там у меня будет шанс увидеть ту самую Богинскую, если повезет, взять у нее автограф, посмотреть (уже вживую, а не по телевизору!), как она выступает, разминается, а может быть, и как тренируется!

Мы с Борисом Васильевичем всегда ездили в Москву на международные соревнования на приз газеты Moscow news. Эти вылазки были вдвойне знаменательным событием. Во-первых, мы наблюдали за выступлениями лучших гимнасток СССР и многих мировых лидеров, погружались в атмосферу крупного международного турнира. Кроме того, в эпоху тотального дефицита Москва все-таки снабжалась товарами значительно лучше Белгорода.

Я помню, как закупала в больших количествах апельсины, молочные сосиски и колбасу, отстояв предварительно километровые очереди. Накануне состязаний мы успевали пробежаться по магазинам, накупить подарков и продуктов, а потом часами просиживали возле гимнастической арены, наслаждаясь стихией спорта, впитывая в себя эмоции борьбы и пожирая глазами своих кумиров.

Помню, как стояла у бортика, чтобы просить автографы у знаменитых спортсменок, которые там выступали. Я брала автографы у всех подряд — мне было все равно, лишь бы они расписались у меня на программке соревнований.

Как раз накануне моего первого отъезда на спортивно-тренировочные сборы в Москву папа прибежал домой с работы неожиданно рано. Сияя от радости, он сообщил, что нашей семье

дают трехкомнатную (!) квартиру почти в самом центре Белгорода. И мы все вместе отправились ее смотреть. Папа торжественно открыл дверь, мы вошли и замерли от восхищения. Я тут же, не выдержав, прокатилась по большой комнате колесом и воскликнула:

— Мама! Неужто это все наше?! — И мой голос разлетелся эхом по всем комнатам: мебели ведь еще не было и квартира буквально звенела.

— Наше! — в один голос ответили родители.

— И никто ее у нас не отберет? — Я не верила своим глазам.

— Нет, конечно! Она наша, — успокоила мама. — Ну, девчонки, выбирайте себе комнату.

Но мы с сестрой как будто ее не слышали, радостно отплясывая брэйк-данс.

Естественно, когда мы окончательно перебрались в эту квартиру, папа сделал нам с сестрой спортивный уголок, где были и трапеция, и кольца, и шведская стенка, а в дверном проеме повесил перекладину, которая по мере нашего взросления поднималась все выше и выше. А со временем, когда на домашний стадион уже не было ни времени, ни сил, шведская стенка была превращена в гардероб.

От нового дома до «Спартака» было рукой подать — пешком через парк минут двадцать. И в этом парке я по дороге с тренировки подбирала бездомных котов и кошек и приносила домой. Уж больно жалко мне их было.

Эмоции, связанные с новой квартирой, постепенно улеглись, и я стала собираться в Москву. Ведь это так здорово — тренироваться там, где готовятся лучшие гимнастки профсоюзной команды страны. Когда мы с тренером прибыли в Москву, в олимпийский спортивный комплекс на велотреке в Крылатском, нас поселили в спортивной гостинице. Гимнастический зал находился в том же комплексе, справа от входа в крытый велотрек. И гостиница, и столовая, и зал, и сам велотрек были как бы под одной крышей. Очень удобно и далеко ходить не надо. Мне все это ужасно понравилось, особенно после многочасовых поездок по Белгороду. Но уже первые тренировки неприятно поразили: я даже не предполагала, что будет настолько физически трудно, — с такими безумными нагрузками здесь работали гимнастки. Мне всегда казалось, что мы с Борисом Васильевичем много тренируемся, и чувствовала себя чуть ли не героиней из-за большого объема работы на каждой тренировке.

На сборе же все вкалывали как проклятые. Разминка перед тренировкой была такой мощной, что на саму тренировку у меня уже не хватало сил. И я в ужасе наблюдала за тем, как другие

гимнастки после этой разминки еще выполняли упражнения на четырех снарядах, а потом по несколько комбинаций на каждом. Я такой нагрузки никогда в жизни не пробовала. (Но в тот момент даже и подумать не могла, что это еще цветочки, а ягодки будут потом — на «Круглом», где нагрузки гораздо серьезнее.)

Мы с тренером всегда работали по индивидуальному графику, чтобы вся тренировка проходила с желанием и в удовольствие. Если у меня что-то болело, мы заменяли запланированные упражнения чем-то другим. Здесь же все, сцепив зубы, как бессловесные роботы, терпели и выполняли заданную работу. И никто не жаловался на личные проблемы, что где-то трудно, где-то тяжело. Не справляешься, что-то не устраивает — до свидания. За дверью уже стоит очередь из новых кандидаток в сборную профсоюзов. Плюс к этому — почти армейский режим: общий подъем в определенное время, зарядка, завтрак, первая тренировка, обед, тихий час, вторая тренировка. И так изо дня в день.

Я была в шоке: «Боже! Я этого не вынесу!» И уже на следующий день со страхом в голосе спросила у своего тренера:

— И я должна тренироваться так же? А когда же заниматься творчеством? Когда придумывать что-то новое?

Я сказала тренеру, что такой «долбежки», наверное, не выдержу, и нас отправят домой. Но Пилкин меня успокоил:

— Не волнуйся, что-нибудь придумаем…

Мы с Борисом Васильевичем на тренировках любили фантазировать и изобретать. Постоянно придумывали какие-то новые связки и подготовительные упражнения к новым элементам, после чего в течение некоторого времени отрабатывали и оттачивали их. Потом наконец пробовали этот элемент сделать, и только когда чувствовали, что он у нас «родился», начинали украшать его разными связочками и узорами. И так из элементов постепенно склеивалась комбинация, для которой тоже нужно было подобрать какое-то эффектное кружево, чтобы разнообразить и украсить композицию.

Мой тренер — большой дипломат. Он, ссылаясь на мою нестандартную конституцию, сумел договориться о том, что мне необходимо иногда работать индивидуально. Конечно, не будь я лидером, мне бы вряд ли такое позволили. Мои результаты были главным и очень убедительным аргументом, которым тренер мастерски воспользовался. К счастью, он умел ограждать меня от лишних потрясений и этого сумасшедшего ритма жизни и нагрузок.

В то время главным тренером профсоюзов работал Андрей Федорович Родионенко. И он постоянно наблюдал, как мы с

Пилкиным тренируемся. Ему нравился и сам творческий подход, и многие элементы, которые мы придумывали. Хотя мы делали почти то же самое, но в соответствии с новыми техническими веяниями, что позволяло в дальнейшем наращивать крутизну наших элементов. Чтобы не останавливаться в развитии, постоянно дополняли и без того сложные фрагменты композиции еще более навороченными связками и компонентами. Образно говоря, мы перестали пахать плугом и пересели на трактор. Благодаря этой «механизации» многие из старых элементов я делала совершенно по-другому, в своем стиле. И они смотрелись новаторски свежо и эмоционально. Особенно нравилось Родионенко то, что я делала на брусьях. И он предложил многим девочкам переучить элементы, делать их так, как придумали мы с Пилкиным. Иногда Андрей Федорович подходил к нам, что-то подсказывал, поправлял меня. Все это видели, и это повышало наш авторитет. Конечно, было понятно, что нужно делать и комбинации в целом, и мы уже постепенно подошли к этому. Однако творчество всегда оставалось на первом месте. Когда Борис Васильевич не вводил в процессе тренировки новый элемент, мне становилось скучно, — настолько привыкла к постоянной подпитке свежими идеями. И Родионенко понял наш стиль работы. Получилось так, что мы с Борисом Васильевичем шли в авангарде, опираясь на всестороннюю поддержку главного тренера молодежной сборной профсоюзов. А это дорогого стоит! Кстати, впоследствии Леонид Яковлевич Аркаев, тренер сборной России, поначалу бурчал, что я на тренировках почти никогда не делала комбинации до конца. На самом деле у меня на это просто не оставалось физических сил. Но и Аркаев вскоре понял, что Хоркина в нужный момент соберется и сделает так, как до этого еще не делала. Я сумела доказать тренерам, что мне можно верить, потому что никогда их не подводила. Как когда-то в детстве, перед стартом собирала всю себя в кулак и выстреливала в «десятку».

После распада СССР Андрей Федорович Родионенко уехал за границу, работал в гимнастической школе в Австралии, а затем в Канаде. И только после греческой Олимпиады, когда его пригласили вернуться, он возглавил сборную России. Надеюсь, что этот опытный мастер сумеет вернуть нашу команду к былым высотам.

Почему Андрей Федорович, как и многие другие профессиональные тренеры, уехал из страны? Да со спортом тогда вообще творилось что-то невообразимое. Что еще оставалось делать хорошим специалистам? Профсоюзы распались, перспективы призрачные. Тогда никто не был уверен в

завтрашнем дне. А наши тренеры всегда очень ценились и по сей день ценятся за границей. Я, к примеру, постоянно получаю предложения приехать в любую стабильную страну и открыть там собственную школу по спортивной гимнастике. Наверняка и Родионенко не планировал уезжать навсегда, а лишь на какой-то период, поработать, пока в своей стране жизнь не наладится. Но время шло, ситуация в России не менялась. А там, за границей, все уже обустроились и пустили корни: приличные заработки, собственная недвижимость, семья, налаженный быт. Тяжело расставаться с привычными условиями жизни и возвращаться в неизвестность. В то время многие сильные профсоюзные тренеры уехали работать за рубеж по контрактам — у каждого ведь семья и хочется жить по-человечески. Все они понимали, что здесь им еще долго не предложат таких контрактов и бытовых условий, как там. Кстати, и Светлана Богинская после окончания спортивной карьеры уехала работать в США тренером в гимнастическую школу. Потом вышла там замуж, родила двоих детей. Но всегда, когда мы бывали в Штатах (на шоу или на соревнованиях), она обязательно приезжала навестить нас и пообщаться.

Благодаря тому, что большое число сильных советских тренеров уехали работать за границу, очень во многих странах гимнастика достигла высоких результатов. И спортивный мир стал русскоязычным, потому что наши лучшие спортивные специалисты работают по всей планете. Я даже в Новой Зеландии и Австралии встречала наших тренеров. Мы сами, их руками и мозгами, вырастили себе сильных конкурентов. Но я не хочу сказать, что тренеры, уехавшие из страны, были не правы. Гимнастика от этого только выиграла, соревноваться стало интереснее. А вот мы в спортивной гимнастике свои позиции отчасти уступили. Я помню, что во времена моего детства в каждой общеобразовательной школе уделялось очень много внимания гимнастической подготовке. В спортивных залах стояли брусья, перекладина, гимнастический конь, висели кольца.

А сейчас — разве что канаты остались да шведские стенки.

Впрочем, вернемся в те времена, когда Советский Союз еще не распался, а я тренировалась в составе молодежной сборной профсоюзов на спортивной базе «Крылатское». Постепенно переварила первые серьезные нагрузки, психологический стресс прошел.

И стала с интересом наблюдать за тем, как самоотверженно трудятся мои главные соперницы. Мне тоже хотелось не отставать, и я пыталась выполнять хотя бы часть их нагрузки. Результаты росли, мышцы заметно окрепли. А что я начала вытворять после трех тренировок в день — все просто

удивлялись! Молодость и азарт, желание всего достичь, причем не в далеком будущем, а немедленно, сегодня же, открывали у меня не второе, а уже третье или даже четвертое дыхание. Это был какой-то оголтелый фанатизм! Три тренировки «отпашем», а вечером, после ужина, втихаря крадем у дежурных ключи от зала и бесимся на ковре, что-то придумываем, творим то на батуте, то на перекладине. А бывало, что и между тренировками устраивали себе веселые бега по крыше велотрека — играли в «казаков-разбойников». Мы искренне и самозабвенно любили гимнастику и хотели сделать что-то неповторимое, доселе неведомое, чтобы завтра весь мир ахнул.

Мы — это я и моя самая близкая (и единственная в мире гимнастики) подруга Лена Грошева из Ярославля. Только с ней я могла и могу быть абсолютно откровенной. Недавно она вышла замуж за известного канадского композитора Стива Бараката и живет теперь в Канаде. Но мы не теряем друг друга из виду, постоянно перезваниваемся, периодически встречаемся. Недавно звонит мне Лена и говорит: «Специально установила спутниковую антенну, чтобы смотреть, как ты выступаешь на телешоу „Звезды в цирке“. Я, конечно, всегда знала, что ты — рисковая девчонка. Но ты с ума сошла — что ты там вытворяешь под куполом цирка?!»

В тот период мы с Леной были равными и по силам, и по результатам. И подружками не разлей вода. Такая дружба в большом спорте встречается очень редко: соперники не умеют дружить.

А ведь здесь очень важно научиться разбираться в людях, которые тебя окружают. Бывает так, что человек вроде бы с тобой дружит, а потом ты выходишь на соревнования, а он желает тебе упасть. Это и в моей жизни было, я не могла понять, как такое возможно, и очень огорчалась. Но и мама, и тренер всегда говорили мне: «Никогда не желай зла своим соперницам, потому что это зло потом к тебе же и вернется!» Надеюсь, что никто из моих конкуренток не скажет, что я кому-то желала зла. Напротив, со всеми старалась сохранять дружеские отношения, как на помосте, так и за его пределами. Хотя в пылу сражения (заочного, естественно), образно говоря, мы готовы были перегрызть друг другу горло. Но на разминке, вне соревнования я всех уважала и любила, всегда приходила на помощь, понимая, что гимнастикой жизнь не ограничивается. Пройдет время, и наступит другая жизнь, где все мы будем единомышленниками. А тогда, в спорте, постоянное соперничество было необходимо — оно было двигателем прогресса.

Глава четвертая
Ода полупальцам

Мой первый урок хореографии на сборах в «Крылатском» — это отдельная песня. В то время с командой работал известный и очень опытный хореограф по фамилии Карасев. В начале занятия вся сборная профсоюзов выстроилась у станка, и я тоже встала в общую группу. Карасев посмотрел на меня, потом отвел Бориса Васильевича в сторону и сказал:

— Зря вы с ней возитесь, не выйдет из нее сильной гимнастки, она даже на полупальцы не может встать как следует.

К счастью, Борис Васильевич всегда был со мной достаточно откровенен, рассказывая некоторые детали бесед, которые вели с ним разные тренеры. Возможно, зная мой настырный и заводной характер, Пилкин передал мне эти уничижительные слова специально, чтобы раззадорить. И ему удалось. Это была кровная обида: «Ах так! Ну, я вам, товарищ Карасев, докажу. Я стану лучшей гимнасткой, и вы еще возьмете свои слова обратно!»

И мы с Борисом Васильевичем, в стороне от основной группы, даже не у станка, как все, а у шведской стенки, стали отрабатывать мои полупальцы. Мой тренер взялся лично поднимать меня на носки и обучать азам хореографии. Никуда не торопясь и не форсируя событий, мы проходили элемент за элементом, мелкой поступью двигаясь к поставленной цели. Я знала, что, выигрывая соревнование за соревнованием, буду оттачивать мастерство и приобретать опыт, который понадобится мне на Олимпийских играх. Знала, что, создавая с тренером более сложные, чем у других, комбинации, смогу повысить свой уровень. И верила, что мечты помогут преодолеть все трудности, которые еще не раз возникнут на моем пути.

На самом деле, на соревнованиях я выполняла очень приличные вольные упражнения, даже не вставая на полупальцы, и это нисколько не мешало мне побеждать. И благодаря стараниям очень сильного белгородского хореографа Ларисы Николаевны Дитянцевой и, конечно, Бориса Васильевича, я постепенно превращалась из гадкого утенка в маленького лебедя, у которого уже с первых шагов на ковре был свой стиль. Тот самый стиль, который до сих пор не смогла повторить ни одна гимнастка в мире.

Когда мы вернулись в Белгород, Борис Васильевич с Ларисой Николаевной Дитянцевой решили ставить мне новую композицию для вольных упражнений. Они выбрали «Кармен» Жоржа Бизе.

Сначала сложилась общая схема танца и образ, потом мы с тренером довольно долго все дорабатывали, переставляли элементы, оттачивали хореографию. Именно с «Кармен» я попала сначала в молодежную сборную СССР, а потом и в сборную России.

Не могу сказать, что сразу почувствовала, какой должна быть моя Кармен. Может быть, потому, что сначала не до конца понимала этот образ. Из-за моей серьезности, сосредоточенности и неприступности на помосте меня называли не иначе, как «холодная Ума Турман» и «Снежная королева». А тут — знойная испанка. Поначалу мои вольные упражнения выглядели как-то неэмоционально, совсем по-детски: девочка с хвостиком, которой роль Кармен была явно не по возрасту. Хотя пора было уже и повзрослеть. И эта зажигательная по своей сути композиция в моем исполнении не очень трогала арбитров и зрителей. До того момента, как однажды, на командном чемпионате мира в Дортмунде, во мне что-то вдруг не шевельнулось: я вышла на ковер и неожиданно для себя улыбнулась, кокетливо взглянув на судейскую бригаду. И в этот самый миг поймала ответную реакцию одного судьи: по мне будто прошел электрический разряд, и это позволило почувствовать энергетику музыки и эмоционально раскрыться. Я вошла в образ этой темпераментной и коварной испанки. И ощутила такой кураж и такую реакцию публики, что каждое мое движение сопровождалось взрывом аплодисментов. Именно тогда я в первый раз была в состоянии эйфории, и мне это так понравилось, что хотелось идти дальше, оттачивая артистическую сторону своей композиции.

А уж как мне хлопали зрители! Здесь я поняла, что ковер — это та же сцена. И именно на вольных упражнениях мне нужно показать публике и судьям свой маленький спектакль, заставить их сопереживать образу. Удачное выступление серьезно влияет на итоговые результаты, ведь вольные — это последний снаряд в олимпийском многоборье, который может помочь сделать большой рывок вперед, к победе в абсолютном первенстве. В многоборье ты идешь по выверенной схеме: опорный прыжок, брусья, бревно, вольные упражнения. И мне часто доводилось заканчивать свою программу именно ударными выступлениями в вольных упражнениях. Я понимала, что даже без суперсложной акробатики могла показать здесь мастерство, красоту, хореографию, пластику, профессионализм, подчеркнув достоинства своего роста, фигуры и длинных ног. И поставить тем самым очень важную аккордную точку.

Тогда в Дортмунде я увидела, насколько важно уметь быть разной, какой оглушительный эффект это производит. Поэтому

стала внимательнее относиться к своему имиджу. Он всегда отличался серьезностью и неприступностью: зрители, фанаты, арбитры, пресса и многие тренеры считали меня слишком холодной, железной леди в гимнастике. И я была такой на всех снарядах, пока не доходила очередь до вольных упражнений. Стоило мне выйти на ковер, как я отпускала свои чувства на свободу, переставала сдерживать эмоции и полностью отдавалась музыке. Улыбалась, была очень мягкой, искренней, душевной. А закончив упражнения, я убегала с ковра, и мое лицо вновь обретало серьезность. И этот образ владел в те времена всем гимнастическим миром.

Почему я так долго не могла достичь этого эффекта? Думаю, что шел процесс постепенного накопления: лишь когда все внутри выросло и созрело, я поняла, насколько мне это близко и органично. Многие молодые гимнастки пытаются улыбаться на ковре, выполняя вольные упражнения, но выглядит это все-таки искусственно и явно по-детски. Заметно, что все их мысли сосредоточены исключительно на акробатике, и цельного образа из-за этого не получается, все распадается на отдельные элементы. Точно так же было и со мной, пока в создание образа не включилась душа. Могу раскрыть и еще один маленький секрет: у меня никогда не хватало физических сил на выполнение полной комбинации ни на одном гимнастическом снаряде, будь то брусья, бревно или вольные.

И все мои упражнения были составлены так, чтобы можно было на небольших связочках, так называемой «водичке», — чисто хореографических па — немножко передохнуть. Но, делая это, в эмоциональном плане я из кожи вон лезла, чтобы зажечь и заворожить зрителей и судей своим артистизмом. И в вольных тоже вся акробатика и гимнастические элементы были разбавлены чувственной хорео-графической «водичкой». Эти маленькие хитрости помогали создавать единую композицию. Конечно, гореть душой — нелегко, а мой эмоциональный градус в вольных упражнениях, бывало, зашкаливал. Выходя на ковер, я чувствовала, как меня изнутри колотит и разрывает на части. Но это длилось лишь мгновение, пока не начинала звучать музыка и я не входила в образ, бросаясь в него как в омут головой. А когда музыка смолкала — убегала с ковра под сумасшедшую барабанную дробь собственного сердца, которое колотилось чуть ли не в пятках.

Да, в моей жизни был период, когда я не могла вставать на эти проклятые полупальцы. Но смогла преодолеть и это. Да, я была нестандартного роста, слишком высокой, при этом не очень крепкой и сильной, не самой пластичной. Но я брала не силой, а

сложностью и техничностью исполнения упражнений, авторскими элементами, которые до сих пор носят мое имя, стилем, пластикой, душевностью и искренней улыбкой, своим оригинальным «хоркинским» почерком. Мы с тренером добились того, что у меня были очень акцентированные, тонкие и стильные вещи, которых не было ни у кого и которые помогали мне создать уникальный образ и донести композицию до зрителя.

А что же Карасев, спросите вы? Мы, к сожалению, больше не встречались лично. Но Борис Васильевич однажды пересекся с ним где-то. И, естественно, напомнил ему те его слова, которые меня когда-то завели, не преминув заметить, что та самая не вставшая на полупальцы гимнастка, на которой он поставил крест, стала не просто сильной спортсменкой, а настоящей звездой, несколько раз выиграв Олимпийские игры. Ну а я, честно говоря, очень благодарна Карасеву за ту жесткость в мой адрес. Его слова долгие годы помогали мне не сдаваться. И я доказала не только Карасеву, но и всему миру, что каждой спортсменке нужно давать шанс, а не выносить ей раньше времени «приговор». Хотя мне тогда было смертельно обидно: ведь многие в том строю, да и в сборной СССР не могли стоять на этих пресловутых полупальцах.

Но вернемся на спортивную базу профсоюзов «Крылатское». Подходил к концу тренировочный сбор, главной целью которого было выступление на взрослых всесоюзных соревнованиях, прозванных в гимнастическом мире «Комсомолкой». И я знала, что спортсменок, хорошо выступивших здесь, вызывают тренироваться в сборную команду страны. Каждый год «Комсомолка» проходила в разных городах СССР. На сей раз турнир состоялся на спортивной базе «Озеро Круглое» — именно там, где уже много лет тренировалась сборная СССР. Я была на седьмом небе от счастья: я увижу всех наших звезд гимнастики!!

Несколько лет назад, когда по телевизору транслировались какие-то крупные международные соревнования по гимнастике, я обратила внимание на Богинскую. Причем даже не потому, что она была сильнейшей гимнасткой планеты. «Мама, папа! — закричала я на всю квартиру. — Смотрите, Богинская похожа на меня, она такая же длинная!» И я стала ею больше интересоваться, следить за ее успехами и восторгаться.

Но на «Круглом» нас поселили не на самой базе, а на фазенде.

В то время телевидение транслировало бесконечный бразильский сериал «Рабыня Изаура», и после него все пригородные участки в 6 соток стали именовать не иначе как фазендами. Вот и мы прозвали те небольшие двухэтажные

строения, которые сегодня называют сараями, этим красивым бразильским словом. Расположены они были в пяти-семи минутах ходьбы от главного корпуса, где живут сборники. А еще старожилы нас многозначительно предупредили, что на фазенде обитают привидения. И нам действительно чудилось, что по ночам где-то что-то постукивало и грохотало. От страха мы старались быстро-быстро уснуть, чтобы не слышать все эти ночные звуки, а до того как дрема смыкала девичьи очи и утихомиривала наше волнение, лежали тихо-тихо, не шевелясь, боясь привлечь внимание ужасных чудищ. Впрочем, в то время нас не сильно заботило, в каких условиях мы живем, куда важнее было то, где мы находимся и с какой целью.

Я бегала на все тренировки сборной страны, ловила моменты, когда в зал приходила Богинская, и наблюдала за любимой гимнасткой чуть дыша. Мне нравилось в ней абсолютно все: то, как она себя держит, как общается, как выглядит, как ведет себя с другими, может быть не менее великими. Но я не хотела беспокоить великую гимнастку своим чрезмерным вниманием, поэтому старалась, чтобы она не почувствовала моей тотальной слежки. Наблюдая за Богинской, я не забывала и других: Оксану Чусовитину, Татьяну Гуцу, Розу Галиеву, Дину Кочеткову — что ни имя, то огромный список побед. Там была и Оксанка Фабричная: хотя по возрасту она еще входила в молодежную сборную, но ее уже пригласили тренироваться в составе основной сборной СССР, как подрастающую смену. И, внимательно изучая их, я порой забывала, для чего, собственно, я туда приехала. Ведь сбылась моя мечта — увидеть сильнейших в работе. Казалось, что сами соревнования мне уже не так важны, так как я получила то, что хотела. Когда же наступил день моего выхода на помост, даже несколько удивилась. Я была спокойна, как никогда, потому что весь период подготовки к этим стартам абсолютно о них не думала — была занята наблюдениями за звездами, напрочь забыв о предстоящей борьбе и собственном результате. Оттого и вышла на соревнования без всякого волнения и мандража. Я не стремилась прыгнуть выше головы, а лишь четко выполняла предписания своего тренера. Мне было всего 11 лет, поэтому к соревнованию мастеров спорта меня не допустили — нужно было ждать еще два года. Но в своей группе я с первого же вида программы — опорного прыжка — захватила лидерство, потом укрепила его на брусьях. А вот на бревне, выполняя «фляк» с поворотом на 360 градусов с одной ноги в «ласточку», я потеряла равновесие и оказалась на полу. Когда свалилась — меня бросило в жар. Но тут же вспомнила слова тренера: не раскисать! Впереди новые упражнения и еще можно все наверстать. Правда, после

следующего — вольных — я завершила соревновательный день лишь на седьмой позиции. Зато на следующее утро после выступления на брусьях переместилась уже на третье место, затем на бревне хорошенько собралась и снова вышла в лидеры, а окончательную точку поставила опорным прыжком. И в итоге стала победительницей в многоборье, да еще получила первое место в опорном прыжке и третье — на разновысоких брусьях.

Мне подарили немецкую куклу — ну просто настоящий ребенок! И я, счастливая и довольная, вместе с Борисом Васильевичем уехала домой, в Белгород. Мне не терпелось поделиться эмоциями и впечатлениями от всего увиденного с Юлькой и мамой и показать всем свою замечательную куклу.

Вернувшись домой, я еще долго вспоминала эти состязания на «Озере Круглом». Но уже через несколько часов после того, как мы сошли с поезда, я отправилась на тренировку в спортзал и, не дожидаясь тренера, приступила к разминке. Вообще-то в этот день можно было позволить себе и отдохнуть, но уж больно мне хотелось начать учить сложный опорный прыжок Куэрво, названный так по имени знаменитого кубинского гимнаста. Мало кто из мужчин включает его в свою программу. Борис Васильевич рискнул обучать меня этому нелегкому прыжку. И уже на следующих всесоюзных соревнованиях, где я выступала, арбитры оценили его высшим баллом.

Побывав на базе «Озеро Круглое», понаблюдав за сильнейшими спортсменами, я загорелась еще большим желанием попасть в сборную команду страны и тренироваться рядом с ними. Ведь я же победительница всесоюзного турнира, сколько можно томить меня ожиданием чуда?! Боже, какой же я была ненасытной! Прямо какой-то алчной до работы…

Пилкин снова придумывал что-то новое, оригинальные идеи рождались у него постоянно: он никогда не стоял на месте и от тренировки к тренировке выводил меня на более высокие рубежи. И я уже смирилась с тем, что опять тренируюсь в Белгороде, а не в Москве. Как вдруг — снова звонок из столицы, из спорткомитета СССР. Нас вызывали на «Озеро Круглое»: меня включили в состав молодежной сборной! Я прыгала от радости. Примчалась домой и уже с порога крикнула маме, чтобы она собирала меня в дорогу.

А мама как раз закончила варить вкуснейший компот из сухофруктов, который я обожала пить после тренировок. И когда уже пора было выходить из дома на поезд, она загрузила мне с собой несколько бутылок из-под водки, куда налила этот компот — ни термоса, ни пластиковых бутылок у нас тогда не было. Отправляя меня в дорогу, мама все время переживала: где я буду

жить, чем питаться? А так у меня будет хоть что-то домашнее, хоть любимый компотик.

Наступали смутные времена. Это был последний год тренировочных сборов команды СССР, где были спортсменки из разных республик. Все понимали, что Союз распадается, а как это отразится на спорте — никто не знал. Но мы продолжали тренироваться и об этом не думали.

Удивительно, что на «Озере Круглом» многих моих подруг по молодежной сборной расселили по разным местам: одних на фазенду, других еще куда-то, а меня в компании еще нескольких девчонок почему-то поселили в основной корпус, где жила взрослая сборная страны.

Я была смущена и перепугана: они все такие взрослые, серьезные, а тут я — со школьными учебниками, тетрадками да бутылками из-под водки с домашним компотом. Девчата увидели мое хозяйство и расхохотались:

— Свет, а что это у тебя там такое в бутылках?

— Компот. Хотите попробовать? — не смутившись, ответила я.

Мне дали большую пластиковую бутылку:

— Ты лучше сюда перелей, а то тренеры увидят — им не объяснишь, что у тебя компот, а не кое-что покрепче!

Так начались мои первые сборы в составе молодежной, а потом и основной команды СССР. На одну из контрольных тренировок пришел старший тренер сборной СССР. Увидев мои победные результаты и оригинальные упражнения, волевым решением перевел меня в основную команду. И уже на вечернюю тренировку я впервые в жизни вошла в зал с сильнейшими гимнастками страны.

Тренировки в национальной команде, конечно, оказались очень тяжелыми. К тому же остальные спортсменки были старше и опытнее меня. Света Богинская — 1974 года рождения, остальные помоложе: Галиева, Чусовитина — 77-го, Фабричная — 78-го. А я — 1979 года рождения — была самой младшей.

Но не только я, малолетка, — все очень уставали от тренировок, так что к концу дня просто валились с ног. А ведь надо было еще и школьные дела не забывать: делать уроки и ходить на специально организованные занятия, которые проводили приезжающие на базу учителя. Старшим, конечно, учиться не хотелось, и тренеры буквально загоняли их на учебу. Но я-то знала, что вернусь в Белгород, и мне надо будет сдавать в школе весь пропущенный материал, писать контрольные работы. Поблажек ждать не приходилось: я ведь еще никто, мое имя в чемпионских списках пока не значится.

Но мне и в учебных делах сильно повезло, буквально с первых шагов в школе. У меня была замечательная первая учительница — Нина Николаевна Хельм. Сейчас она — заслуженный учитель Российской Федерации. Я старалась изо всех сил и первые три класса закончила просто на «отлично». Нина Николаевна понимала, что спорт для меня очень важен, но и учебу запускать тоже не хотелось. Видя это стремление и желание учиться, она находила время и возможность мне помогать. Когда я приезжала со сборов и соревнований, она оставалась со мной после уроков, чтобы нагнать самое основное, важное, базовое, без чего двигаться дальше невозможно. В средней школе, когда у меня уже были яркие спортивные результаты и об этом писала вся белгородская пресса, учителя понимали, что я выбрала для себя путь в большой спорт как профессию, и мирились с тем, что училась урывками. Тем не менее они старались максимально мне помогать, давая все необходимое для того, чтобы нормально окончить среднюю школу и поступить в университет. И я им очень благодарна за ту помощь, которую они мне постоянно оказывали. До сих пор мы остаемся добрыми друзьями. И каждый раз, когда я приезжаю в Белгород, стараюсь встретиться со своими педагогами — и в детском саду, и в школе, университете, потому что они родные и близкие мне люди, благодаря которым я смогла добиться больших побед.

Глава пятая
«Семь Олимпиад» новобранца Хоркиной

Побывав на сборах в Крылатском и на соревнованиях на «Озере Круглое», я собственными глазами увидела, что такое профессиональный спорт и как серьезно занимаются профессиональные гимнастки. Конечно, и до этой поездки я уже получала за свои победы на разных соревнованиях небольшие премиальные. Потом мне стали выплачивать спортивную стипендию. А после того как я выиграла всесоюзные соревнования, подтвердила свой высокий уровень и меня включили в школу высшего спортивного мастерства, стипендия значительно выросла. Начав зарабатывать, я стала понимать, что гимнастика для меня уже не просто детское увлечение. Она стала работой, дающей не только массу положительных эмоций, но и средства к существованию, причем не маленькие, хотя по возрасту я была еще сопливой школьницей. Кроме стипендии спортивный комитет области выдавал мне еще и суточные талоны на питание. Это была своего рода материальная поддержка спортсменов — чтобы они, находясь дома, могли получать полноценное питание. На эти талоны можно было питаться в одной из городских столовых, либо там же, на кухне, обменивать их на какие-то продукты. В условиях тотального дефицита, поверьте, это была огромная помощь семье. Мама могла покупать меньше еды, а когда я была на сборах, и готовить меньше. И я уже стала чувствовать себя взрослой, настоящей помощницей, которая приносит в дом и зарплату, и продукты. И быстро сообразила: чем лучше буду тренироваться и выступать, тем больше стану зарабатывать и тем лучше будет жить моя семья. Я ощущала себя счастливым человеком, потому что занималась делом, которое доставляло мне удовольствие, и за это мне еще и платили…

Так уж получилось, что у меня долго не было нормальной спортивной одежды. Я ходила в стареньком трикотажном костюмчике с вытянутыми коленками. И выступала в таком же видавшем виды купальнике. Когда я впервые приехала с этой своей ветошью на сборы, все девчонки, как говорится, с миру по нитке одевали меня накануне моих первых международных соревнований на призы газеты Moscow news. Оксана Чусовитина, помню, дала свой спортивный костюм, а Света Козлова, питерская гимнастка, — кроссовки. Это сейчас членов сборной команды

страны стали полноценно экипировать сразу же, как только гимнаст попадает в ее состав. А тогда я еще довольно долго ходила в обносках, пока не дождалась приличной спортивной одежды.

Со временем я стала получать спортивную форму для тренировок и соревнований. Правда, сначала это были вещи с чужого плеча. А первый новый костюм, вернее купальник, я получила лишь тогда, когда впервые выступала за сборную СССР, в 1992 году. Меня включили в ее состав после победы на первенстве СССР среди юниоров. Причем этот гимнастический купальник выдали накануне международного турнира Moscow news, когда выяснилось, что на таком престижном турнире мне просто не в чем выступать. Срочно принесли купальник и герб СССР, который я должна была пришить своими руками.

На «Круглом» я внимательно следила за тем, как тренируются наши гимнастические звезды, что делают на занятиях мои основные соперницы. Но и самой нужно было не только наблюдать, но и работать, — ведь за всеми наблюдал главный тренер сборной. И уже там, в зале, я поняла, почему меня так долго не приглашали на эти сборы. Нагрузки были действительно огромные. Практически каждый спортсмен приезжал с личным тренером, однако рекомендации главного тренера все должны были выполнять беспрекословно. Но мой Борис Васильевич, молодец, всегда стоял за меня горой. Мы внимательно слушали все рекомендации, соглашались, но потом делали то, что мне в этот момент было более важно. Думаю, именно эта тактика, выбранная Пилкиным, помогла мне избежать серьезных травм и других проблем со здоровьем. И, несмотря на достаточно жесткие условия, в которых мы там тренировались, мы могли изучать новые элементы и двигаться вперед. А Борис Васильевич изобретал все новые и новые авторские элементы. И я смело шла на их освоение, меня не пугали никакие предостережения, даже травмы других гимнасток.

Кто-то рассказал мне однажды печальную историю Елены Мухиной, которая настолько серьезно травмировала позвоночник, что оказалась обездвиженной. Но, к счастью, моего внимания на этой истории сильно не заостряли. Ведь Борис Васильевич максимально выверял каждое мое движение, оттачивая его еще «на берегу», задолго до того, как я выходила со своими сложными элементами на снаряд. Пилкин любил повторять: «Я тебе уже развернул конфетку и даже в рот положил. Тебе осталось ее только разжевать и съесть», — настолько подготовленными мы подходили с ним к каждому новому и очень сложному элементу. Поэтому никакого риска для меня в этом не было.

Хотя небольшие травмы все-таки случались. Уже на первых сборах от непривычных и очень высоких нагрузок у меня воспалилось сухожилие на руке.

Мы с Пилкиным, конечно, выполняли немало упражнений для развития силы и выносливости. Но это не шло ни в какое сравнение с нагрузкой в сборной, причем здесь нужно было делать все почти без остановок и передышек. Конечно, они были необходимы для развития дыхательной системы, выносливости и физического развития. Сказать, что это было очень тяжело — значит, ничего не сказать. Но такие тренировки требовались для создания определенного запаса прочности и физических сил, чтобы потом, на соревнованиях, было легче. У нас был шестидневный цикл по три тренировки в день, кроме четверга. Этот день считался менее тяжелым: всего два занятия. Но именно в четверг, а также в субботу у нас были «подкачки». Так что под конец недели я вообще еле ноги волочила. Но думаю, что именно эта база меня серьезно закалила и помогла продержаться на высоком спортивном уровне в ходе всех трех Олимпиад. Потом, в российской сборной команде, таких тяжелых силовых тренировок больше не было. И многие из тех, кто пришли уже в мое время, надолго в команде не задержались, сойдя с дистанции гораздо раньше меня. Все-таки с хорошим опытом не стоило так быстро расставаться.

Но так случилось, что я в самом начале слишком рьяно взялась накачивать свои силы. А накачала проблемы с сухожилием на руке. В области запястья образовался плотный нарост, и рука ныла так, что я не могла даже поворачивать кисть, а не то чтобы опираться на нее или висеть. Боль была дикая. Но самое страшное, что я боялась говорить об этом кому-либо из команды, так как думала: если расскажу — меня выгонят со сборов. Ведь что такое сборная СССР? Это самые лучшие спортсменки, которых тоже выбрали среди лучших. А за дверью сидит еще целая скамейка молодых и перспективных, которые тут же с удовольствием займут твое место, если ты сломаешься и не выдержишь нагрузок. «Скамейка запасных» в сборную СССР была очень длинной, не то что сейчас в России. Поэтому каждая гимнастка, попав в основной состав, держалась за это место не только руками и ногами, но и зубами.

И все терпели, превозмогали боль, работали и молчали, боясь сказать что-то лишнее.

Конечно, я страшно перепугалась, когда у меня воспалилась рука, ведь я только-только встала в строй с основной командой сборной СССР, только-только сбылась моя мечта — и на тебе: травма, которая не дает нормально работать. Уж не знаю, сколько

бы мне пришлось терпеть эту страшную боль. Но все разрешилось как бы само собой, когда подошел старший тренер команды во время выполнения очередного упражнения на силу. Он пытается показать мне, как нужно правильно отжиматься, я встаю на эту руку, а у самой — слезы из глаз и невольно вырвавшийся стон. Он удивленно спрашивает:

— Света, что с тобой? Что случилось? — увидел мою руку.

Я перепугалась: ну, думаю, все, конец! Сейчас мне скажут: иди, переодевайся и собирай вещи.

А он вместо этого подозвал врача. Ирина Михайловна, которая постоянно находилась рядом, здесь же в зале, вытерла мои слезы и ласково сказала:

— Что же ты, глупышка, так долго терпела?! Надо было сразу ко мне бежать. Сейчас мы это дело поправим.

Она сделал мне укол и перевязку. Еще несколько раз я приходила к ней лечиться, а потом уже и просто в гости, чтобы залезть в холодильник, в котором всегда стояла банка с фантастическими солеными огурчиками. Уже через неделю я была в строю. И, немножко посвежевшая за эти дни вынужденного отдыха, почувствовала такую «пруху», что с удесятеренным напором стала наверстывать упущенное. Я готова была работать за десятерых, хотела делать все на равных с лидерами, не уступая им ни в чем. И ничто не могло меня остановить. Но когда возвращалась с тренировок в свою комнату, просто замертво валилась с ног. Не хватало сил даже посидеть в холле у телефона, чтобы дождаться заказанного разговора с Белгородом. Хотя мама сильно переживала, когда я не звонила, но ждать было выше моих физических возможностей.

Конечно, со сборной командой работали массажисты, в пяти шагах от гостиницы была сауна, а также бассейн, куда можно пойти поплавать, чтобы расслабиться и снять нагрузку. Но туда тоже нужно было еще дойти или хотя бы доползти, а сил хватало только на то, чтобы добраться до своей кровати.

Тренировались мы ударно. Но и медицина работала с нами достаточно серьезно. Два раза в год нас обследовали все специалисты. Слава богу, серьезных проблем со здоровьем у меня не было. Да и на тренировках в зале постоянно сидел врач: замотать, залатать, зеленкой смазать, заморозить — эти мелкие неприятности случались чуть ли не на каждом шагу. Жаль, конечно, что мы не понимали, насколько важен при наших нагрузках бассейн. Только плавая, можно было максимально расслабиться и снять нагрузку с суставов и позвоночника. Но тогда нам казалось, что лучший отдых — это вкусная еда, мягкая постель и здоровый сон.

Мамин компот, который я привезла, конечно же, все попробовали и выпили в первый же день. Домашняя еда на сборах пользовалась особым почетом. Хотя кормили во времена СССР очень хорошо: еды всегда было больше, чем достаточно, и самой разнообразной. Помню, например, горы творога. И все это не съедалось.

В такой пище нас никто и никогда не ограничивал. Тренеры следили только за тем, чтобы мы не злоупотребляли теми продуктами, которые влияют на вес: булочками, печеньями, тортами, конфетами. Ведь мы находились в том возрасте, когда у девочек начиналось гормональное развитие и могла появиться склонность к полноте.

И у меня были моменты, когда я вдруг начала «плыть»: нагрузки большие, энергии требовалось много, да и аппетит зверский. Ела очень много, а Борис Васильевич не особенно этому препятствовал. Он, конечно, предупреждал, старался убеждать, но я все время говорила, что голодная, что есть хочу. Но когда почувствовала лишние килограммы, которые стало трудно на себе таскать, то поняла, что аппетит пора заглушать. Я ведь девушка высокая, и чем больше у меня вес, тем тяжелее мне с ним справляться, намного труднее, чем низкорослым гимнасткам. Кроме того, я видела, как боролись с лишним весом старшие: выгоняли его в бане, в кроссах, ограничивали себя в еде. Поэтому со временем и до меня дошло, что «беспредел» в еде недопустим. Однако серьезной борьбы с килограммами мне вести не пришлось: слава богу, родители наградили меня нормальной генетикой. Лишь пару раз побегала, в баньке попарилась — и все вернулось в норму. Так же как мне не нужно было бороться со страхом. Конечно, я понимала, что в каждом нашем новом упражнении есть определенная доля риска. Но я была абсолютно уверена в своем тренере и знала, что у нас все будет максимально выверено и подготовлено. Кроме того, я всегда была очень смелой и отчаянной девчонкой.

И, естественно, это не оставалось незамеченным. Уже на первой контрольной тренировке, которую утром принимал старший тренер сборной СССР Александр Александрович Александров, я выиграла на всех снарядах. Это было своего рода многоборье. Вечером того же дня меня поставили тренироваться в основной состав, рядом с нашими суперзвездами, которые готовились к Олимпийским играм 1992 года в Барселоне: Чусовитиной, Галиевой, Богинской, Гуцу. Каждая из них вписала свою яркую страницу в историю отечественной гимнастики. Для меня, девчонки из деревни (в тот период Белгород был по сравнению с Москвой почти деревней, глухой провинцией), это

означало чуть ли не победу на Олимпийских играх. Я тогда испытала такой фантастический эмоциональный подъем! Вернуть бы эти чувства!

И вот, вечером, еще не отойдя после такого фонтана эмоций и радостных переживаний, я, высокая не по годам, как малое дитя топталась несколько минут под дверью гимнастического зала, где тренируется основной состав сборной страны, боясь войти. Прошло какое-то время, и я все-таки отважилась приоткрыть дверь и заглянуть внутрь через узенькую щелочку. Но меня тут же заметили:

— Заходи, заходи, Света, не стесняйся.

Я, чуть живая от смущения, зашла, присела где-то с краю и потихоньку начала разминаться. А старшие гимнастки, увидев мою робость, решили помочь мне освоиться. Они окружили меня, все такие веселые и доброжелательные, и спрашивают:

— Ну что, Свет, нравится?

Я, естественно, еле сдерживая восторг, отвечала:

— Да! Очень!

Ну а они, опытные и бывалые, продолжали:

— А на скольких Олимпиадах выступать будешь?

И тут у меня вырывается фраза, ставшая потом притчей во языцех:

— На семи!..

Все засмеялись, а я никак не могла понять — почему? Представляете, я тогда даже не знала, что Олимпийские игры проводятся всего один раз в четыре года. Думала, что они бывают каждый год. Ветераны же видели, что я, юная и свежая гимнастка, еще не измученная ежедневными многочасовыми тренировками, пока просто не понимаю, какой это колоссальный труд и психологическая нагрузка. Что мной движет юношеский азарт и максимализм. Но именно это ощущение и жажда борьбы и побед помогли мне продержаться на высоте и выступить на трех Олимпиадах. Это ведь тоже мировой рекорд, достойный Книги рекордов Гиннесса. Кстати, когда я уже стала именитой и титулованной Хоркиной, они мне припомнили мои слова. Это был как раз тот период, когда я мучилась сомнениями: стоит ли готовиться ко второй Олимпиаде, а потом к третьей… Ну и мы, естественно, смеялись, вспоминая то время и категоричное заявление новобранца Хоркиной о «семи Олимпиадах».

Потом вошел Александров, и все встали в шеренгу. По росту мне полагалось быть в самом начале, но не могла же я нагло встать впереди всех! Поэтому скромно встала в самом конце, после Оксанки Фабричной, которая была ростом метр с кепкой. Стою, а самой смешно: Оксанка мне еле-еле до плеча достает. Все

хохочут, а мне неудобно стало. Тут уже и тренер рассмеялся и говорит:

— Свет, ну и что ты там, в хвосте, делаешь? Ну-ка давай вперед, ты же такая дылда!

И меня передвинули в строю, поставив после Грудневой, которая шла сразу за Богинской. И я в эйфории от близости кумиров во время всей разминки выпендривалась, изо всех сил стараясь все делать на равных. Когда же разминка закончилась, сил на тренировку у меня уже не осталось. Борис Васильевич, зная мое необузданное желание «пахать» на тренировках, все это время только стоял в сторонке и ухмылялся. А увидев, что со мной стало после разминки, когда я полностью выложилась и лишилась сил, бросился на подмогу. Чтобы не позволить мне ударить в грязь лицом, он отвел меня в сторону и дал возможность не только прийти в себя, но и оценить, что же я натворила. Мы вместе посмеялись над моим рывком, а потом тихонько что-то делали, так чтобы другие не увидели этого позора. И я с чувством выполненного долга вышла из зала. Вот так и приняла боевое крещение в сборной СССР.

После первой же совместной тренировки я почувствовала доброту и расположение к себе со стороны старших. Они вели со мной доверительные беседы, подсовывали почитать интересные книжки. Кто-то подарил мне воспоминания наших именитых гимнасток Нелли Ким и Людмилы Турищевой. Я столько раз их перечитывала, что многие места, наверное, до сих пор помню наизусть, — зачитала до такой степени, что книжки полностью истрепались. Но информации о любимом виде спорта и о том, как великие спортсмены добивались больших высот, мне все равно не хватало. Поэтому приходилось самой искать решение многих проблем и вопросов, методом проб и ошибок.

К середине этого тренировочного сбора я уже могла позволить себе безбоязненно постучаться в комнату Богинской и спросить, можно ли мне взвеситься на ее персональных весах? И она великодушно говорила: «Конечно, Свет, проходи, не стесняйся». Я со всеми нормально общалась, хотя они, конечно, считали меня девчонкой шебутной, шустрой, взбалмошной и неудержимо балдеющей от гимнастики. И я на самом деле ее искренне любила и верила, что в моей спортивной судьбе все будет хорошо.

Накануне отъезда сборной СССР на Олимпиаду в Барселону я жила в комнате с Таней Гуцу и Оксаной Чусовитиной. И когда пришло время собираться, я сидела на своей кровати и как завороженная следила за тем, как они складывали вещи в сумки. А потом, совершенно неожиданно для себя самой, вдруг

спросила:

— Страшно?

Оксанка в ответ рассмеялась:

— Нет, Свет, сумку собирать не страшно. Ты тоже когда-нибудь будешь собирать ее точно так же.

В последние годы моей спортивной карьеры я поняла всю мудрость советских тренеров, которые старались держать молодежный состав сборной СССР рядом с основной сборной, часто проводить совместные тренировки. Это было нужно не только молодым гимнасткам, но и старшим. Ведь молодняк обычно идет напролом, от тренировки к тренировке увеличивая сложность своих упражнений. Процесс взросления и перестройки организма, к сожалению, сопровождается и перестройкой психики. И те же самые молодые гимнастки, еще вчера такие дерзкие и жадные до преодоления новых и новых препятствий, теперь начинают побаиваться дальнейшего усложнения композиций, которые они уже освоили. Именно поэтому в период взросления спортсменки начинают уделять больше внимания шлифовке и стабильности в достигнутом. Они продолжают выступать на очень высоком уровне и выигрывать, потому что на текущий момент это именно та сложность, которая позволяет им побеждать. А «молодняк» продолжает расти, обеспечивая тем самым дальнейший прогресс в мире гимнастики: стимулируя рост уровня мастерства у действующих лидеров, подстегивая их, не давая почивать на лаврах. По себе помню, как я, будучи уже зрелой гимнасткой, глядя на юную поросль, приходящую в сборную России, старалась соответствовать тому уровню, который они предлагали, усложняя свои и без того сложные композиции.

Да, рядом с олимпийской сборной СССР мы много тренировались, да, страшно уставали, но юность и необузданная энергия все равно брали свое. Мальчишки из сборной команды бегали к девчонкам, мы постоянно устраивали веселые посиделки то у одних, то у других в комнате. А тренеры стояли на шухере, отлавливая перебежчиков, чтобы мы не засиживались слишком долго, чтобы соблюдали спортивный режим и вовремя ложились спать.

Но я бы не сказала, что уже в тот период у меня стали пробуждаться какие-то особые чувства к мальчишкам. Для меня тогда ничего кроме гимнастики не существовало. В голове, в мечтах, в фантазиях и девичьих снах были только мои элементы, композиции, мой тренер и будущие победы. И в этом состоянии гимнастической эйфории я пребывала довольно долго — наверное, до тех пор, пока не стала капитаном российской команды. Лишь тогда во мне сформировалось ощущение себя как

привлекательной девушки, которая не только может вскружить кому-то голову, но и сама влюбиться. А в пору моей гимнастической юности мы с мальчишками (они были чуть постарше) просто дружили. Бегали к ним в комнаты смотреть новые видеофильмы, слушать музыку. Правда, и эти невинные забавы не давали покоя нашим тренерам, которые все время ругались: «Вместо того чтобы делать уроки, они к мальчикам ходят». Мы убеждали их, что все уроки давно сделаны, что нам просто хочется поболтать, посмотреть «видик» — что в этом плохого? В отместку тренеры в наше отсутствие проводили у нас в комнатах большой «шмон», находя в тумбочках запрещенные банки со сгущенкой и булочки, после чего устраивали разгон и «чистку» мозгов. На шоколадки, правда, смотрели сквозь пальцы. А поскольку лично я отдавала предпочтение именно им, мне чаще всего удавалось выйти сухой из воды. Но сладенького при тех нагрузках мне хотелось всегда, сколько себя помню.

Несмотря на сильную усталость, я была в абсолютном восторге от всего, что происходило на моих первых сборах на «Озере Круглом». С них я вернулась домой не только сильно уставшая, но и окрепшая и вдохновленная. Ведь там я научилась не только терпеть и молчать. Но и по-серьезному работать.

После проводов основного состава сборной СССР в Испанию, на Олимпийские игры в Барселону, мы все разъехались по домам. Насколько я понимаю, по физическому состоянию уже в тот период я была готова выступать на Олимпиаде. Только по возрасту я туда не проходила: мне еще не исполнилось 14 лет. Поэтому олимпийские состязания мы смотрели дома, по телевизору. Я болела уже не просто за своих кумиров, я болела за своих подруг, с которыми прожила бок о бок несколько недель и которым искренне желала успехов.

Но тогда мы еще не предполагали, какие серьезные испытания приготовила нам Судьба, что будет происходить с нашей гимнастикой после распада Советского Союза и что станет с нашей сборной командой, которая долгие годы была законодательницей мод в мировой гимнастике.

Глава шестая
«We are from Belgorod»

Могла ли я, маленькая белгородская девчонка, мечтать, что не только стану суперзвездой гимнастического помоста, и в мою честь будет звучать гимн нашей страны, но и благодаря спорту объезжу практически весь земной шар? Наверное, если бы не отвела меня тогда мама в гимнастический зал, если бы я не заразилась на долгие годы этим вирусом спортивных побед, я ничего этого не познала бы и не увидела. Но судьбе было угодно все сделать именно так. И хотя в последние годы я живу в подмосковных Ватутинках, самые тесные контакты остаются у меня с городом, в котором я родилась, выросла и начала свое восхождение на Олимп.

Мой Белгород. Белый город… Этот удивительный светлый город расположен совсем недалеко от Москвы. Еще совсем недавно моя Родина была глухой провинцией, а сегодня переживает бурный рост и развитие и, естественно, находится под огромным влиянием российской столицы. Был период, когда я уезжала на сборы в Москву, а потом, возвращаясь домой, с сожалением отмечала, как же сильно мы отстаем от столицы. Но время шло, жизнь менялась. Я стала уже отмечать, что и в Белгороде многое меняется к лучшему. Я ездила по стране и могла сравнивать, как развиваются остальные и что происходит у нас. Замечала, что некоторые города и регионы от нас значительно отстают, а в Белгороде стали все схватывать буквально на лету — только в Москве появилось что-то новенькое, глядишь — уже и у нас это есть… Мои победы, естественно, обращали на себя внимание руководства города и области. После каждого крупного турнира меня всегда встречали с поезда, устраивая и на вокзале, и в здании администрации города и области теплый прием. Это тоже положительно влияло и на настроение горожан, и на развитие спорта в нашем регионе.

Очень приятно осознавать, что руководители нашего города сумели воодушевить, организовать и настроить горожан на высокое качество жизни, на постоянное стремление к ее улучшению. Отрадно понимать, что у нас произошло взаимопонимание народа с властью. Появилась вера народа в своих избранников. Не случайно наш глава администрации, — а теперь уже губернатор, — уже который срок переизбирается на высшую должность в области. Доверие людей завоевать очень сложно, — тем более представителям власти.

На протяжении многих лет городом и областью управляют грамотные люди, понимающие широкие перспективы региона, активно привлекающие инвестиции. Благодаря этому горожане стали смелее и увереннее в завтрашнем дне. Они активно пользуются кредитными предложениями банков и строят собственное жилье, в том числе и такое, как в США, — частные одноэтажные и двухэтажные дома. Это стало очень доступно в Белгороде. В нашем городе и области есть широкие возможности для развития бизнеса и производства. Люди, почувствовав возможность нормально жить и зарабатывать, будто проснулись из многолетней спячки и включились в активную жизнь.

Москва, конечно, смотрит на него широко раскрытыми глазами, и уже многие москвичи работают у нас в Белгороде. Мне особенно приятно, что родной город знают теперь и за рубежом. Скажем, когда руководители нашего Белгородского государственного университета ездили с делегацией в Китай и говорили: «We are from Belgorod», китайцы тут же восхищенно восклицали: «Хоркина!» Ведь еще по итогам 2005 года в Китае меня назвали самой красивой спортсменкой мира. Я была приятно удивлена и с большим удовольствием слетала в Китай на церемонию награждения. Я была потрясена приемом, который там устроили: вроде бы чествовали меня лично, но всегда подчеркивали, что я в первую очередь россиянка, родом из Белгорода, а уже потом — «красавица и спортсменка». Такую гордость за страну я, пожалуй, испытывала разве что на олимпийском пьедестале. Я, естественно, бесконечно благодарна своим родителям, которые приехали в Белгород, родили меня там, выучили, вырастили, научили самоотверженно трудиться, а также белгородским тренерам и учителям, преподавателям университета, которые помогли моему восхождению в большом спорте.

Наверное, это очень символично, что я ношу такое светлое имя — Светлана, и мой город — тоже светлый — Белый город, город первого советского салюта и замечательной архитектуры. Хотя и пережить ему пришлось немало. Совсем недалеко от города знаменитая Орловско-Курская дуга, где происходили грандиозные сражения в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 годов, — там Прохоровское поле, там историческая звонница… А в городе всегда был и есть высокий уровень духовности, в нем много красивых храмов. Сейчас есть еще и семинария. И вполне закономерно, что теперь и центральная площадь города, где расположена пешеходная зона, называется Соборной площадью. Там же рядом находится красивое историческое здание, в котором расположился драматический

театр имени Щепкина, где ставят спектакли известные режиссеры, здесь построены несколько великолепных кинотеатров, оборудованных по последнему слову техники, а также современные гостиницы. Не могу не сказать о центральном рынке, который не сравнить ни с одним супермаркетом, — я и сама забегаю туда за продуктами, когда бываю в Белгороде. А еще — уникальный комплекс государственного университета, куда я обязательно наведываюсь каждый раз, когда приезжаю в свой город, чтобы пообщаться с любимыми педагогами. Еще одно место моих обязательных маршрутов — расположенный рядом с речкой Везёлкой спортивный центр, носящий мое имя. Это абсолютно новый и самый современный в городе комплекс, построенный уже в новом тысячелетии, в котором культивируется не только спортивная гимнастика. В нем есть и легкоатлетический манеж, и олимпийский бассейн, и универсальные залы, и все необходимое для восстановления и реабилитации спортсменов. Именно в этом центре с 2008 года ежегодно, в ноябре, будет проводиться открытый международный турнир по спортивной гимнастике «Кубок Хоркиной». До 2007 года на протяжении шести лет он проходил в моем старом зале «Спартак», и в нем принимали участие юные спортсмены любых уровней, которые в силу каких-то причин не могли раньше добраться до таких стартов, как первенство России и выше. В свое время Юля Ложечко была открыта именно на моем Кубке. Теперь она выступает в составе сборной России, а в 2007 году выиграла «золото» на бревне на чемпионате Европы в Амстердаме (Голландия).

Для юных гимнастов очень важно иметь возможность состязаться и завоевывать первые места, выполнять разряды, получать медали и кубки… Я по себе знаю, какое это счастье, когда тебя вызывают на пьедестал и вешают на грудь медаль! Собирая на этом турнире детей, я «убиваю сразу двух зайцев». Я стараюсь приглашать на свой турнир гимнасток, которые уже имели опыт выступлений на чемпионатах России и обладают высоким уровнем мастерства. Это нужно для того, чтобы юные спортсмены могли посмотреть, как выступают более опытные гимнастки и многому у них поучиться. Это вовсе не означает, что и мастера, и новички соревнуются вместе.

У каждого свой зачет. И награды победители и призеры получат в своих разрядах. А еще мы обязательно награждаем специальным призом самую юную участницу соревнований. Я очень хорошо помню, когда я в первый раз выступала на соревнованиях в городе Белгороде (мне было лет пять), мне впервые подарили приз как самой юной гимнастке, который как

раз и зажег во мне страсть к будущим победам. И всякий раз, когда малышка получает на Кубке огромную игрушку, которая чуть ли не в два раза больше, чем она сама, и счастливая и довольная упорно тащит свой трофей, глядя на нее, вспоминаю себя в этом же возрасте, и сердце сжимается от умиления и счастья.

Конечно, мне хочется, чтобы в Белгороде сохранялись традиции большой гимнастики, чтобы вырастали новые талантливые спортсменки, хочется, чтобы и мои наставники продолжали работать.

Я помню, как мы отмечали юбилей моего любимого Бориса Васильевича Пилкина. На этот праздник собралось так много его воспитанников! Когда все выстроились в зале, они заняли весь спортивный ковер. Среди них было немало и мастеров спорта, и мастеров спорта международного класса… Каждый нес в себе частичку его сердца, его таланта и его души. Я понимаю, что все самое лучшее, что собрал Борис Васильевич за годы своего творческого тренерского труда и опыта, он отдал мне. Этот урожай богатых мыслей и импровизаций, сплавившись с моим желанием и стремлением работать и побеждать, вылился в высокие результаты на олимпийском помосте.

Сейчас Пилкину уже 78, но он продолжает работать. После меня он взял двух молодых гимнасток, которые, по его мнению, могут добиться хороших результатов. Потом, правда, он оставил одну — все-таки силы уже не те. Другую гимнастку подхватила моя сестра Юля, которая выросла под руководством Бориса Васильевича и на протяжении нескольких лет работала с ним рядом.

Девочки активные, стремятся выступать на хорошем уровне. Не буду загадывать, но мне кажется, что воспитанница моей сестры вполне может соперничать с той, которая тренируется у Бориса Васильевича. Я абсолютно уверена: они обе могут добиться уровня мастера спорта международного класса, а это уже немало. А дальше? — спросите вы. Это уже другой космос, для которого нужны не только спортивные данные, не только супержелание, но и особое сочетание свойств характера и благосклонность свыше.

Все-таки в спортивной гимнастике добиваются результатов не только много тренируясь, но и учась побеждать страх и неуверенность, свою внутреннюю боязнь и нерешительность. А это самое сложное. Надо быть экстремалом и уметь рисковать, и работать в связке с таким мастером своего дела, как мой Пилкин. Однако Борис Васильевич никогда не заставлял меня сломя голову кидаться на новый элемент. Скорее наоборот, сдерживал,

чтобы я не делала этого раньше времени, хотя я всегда была готова к любому рискованному шагу. Он давал мне возможность рваться в бой лишь тогда, когда я была к этому абсолютно готова. Только тогда он говорил: «Ты сделаешь!..» — и был уверен в этом даже не на 100, а на 200 процентов.

Белгород я по-прежнему считаю своим домом, своим городом, куда я всегда смогу вернуться и где меня всегда ждут. Там живут мои родители, живет и работает сестра Юля, там у меня есть своя квартира… И куда бы жизнь меня ни забросила, я всегда и везде говорила и буду говорить: «Я — из Белгорода!»

Глава седьмая
Лягушка-путешественница

Жизнь в большом спорте подарила мне возможность много путешествовать, — все крупные турниры проходили то на севере земного шара, то на юге, то на западе, то на востоке. Меня, наверное, и в этом плане можно назвать рекордсменкой. Увы, не всегда, приезжая на соревнования, мы имели достаточно времени, чтобы съездить на экскурсию или просто побродить по городу. Это меня, конечно, очень расстраивало. Изредка удавалось взять машину и посмотреть на другую жизнь хотя бы из окна. Мне посчастливилось объездить почти всю Францию, благодаря этому я хорошо ее знаю. После крупных турниров мы путешествовали по ней с потрясающими гимнастическими супершоу.

Мы путешествовали с коммерческим турниром от севера до юга Франции. И в конце тура организаторы устроили для всех участников праздничный банкет на берегу красивейшего водоема. И нам, российским провинциальным девчушкам, впервые в жизни предложили попробовать устрицы.

Я, сморщив нос, брезгливо поглядывала на эти ракушки и заявила, что эту «каку» я никогда в жизни есть не стану! Какой же глупышкой я тогда была! Не понимала, что устрицы с сухим белым вином, да еще под ласковые всплески волн — это наслаждение, достойное богов. А если еще в компании с приятным молодым человеком — просто песня. Тогда я понятия не имела ни об устрицах, ни о виноградных улитках — которых сегодня просто обожаю.

Во Франции нас баловали не только кулинарными деликатесами, но еще и фирменными винами и коньяками. Мы побывали на лучших виноградниках разных провинций и в дегустационных залах. В городе Коньяк нас сводили на экскурсию в знаменитые коньячные погреба и подарили как сувенир по бутылочке этого знаменитого напитка. И хотя нам давали пробовать, мы стойко лишь пригубляли эти божественные напитки, свято сохраняя спортивный режим. Мы бывали на фабриках, где делаются лучшие французские сыры. Вкусно — необыкновенно, но запах сильно специфический.

Мне сказочно повезло: летом 1992 года в составе спортивной делегации, куда входили звезды отечественной спортивной и художественной гимнастики, мастера батута и спортивной акробатики, я, чемпионка страны 1991 года среди девушек, стала участницей ежегодного традиционного «шоу чемпионов» —

коммерческой поездки по городам Франции. Обычно в такие показательные турне отправляются только лучшие спортсмены, а они в это самое время там же, во Франции, участвовали в чемпионате Европы среди взрослых. Вот почему и включили в состав команды нескольких перспективных юниоров. Я не растерялась, выступая рядом с чемпионами мира и Олимпийских игр Юрием Королевым, Валентином Могильным, Ольгой Бичеровой. После выступления на бревне восторженные зрители несколько раз вызывали меня на «бис»!

В этом туре нам, зеленым юнцам, в эту поездку впервые выдали валюту, как суточные, которые мы могли потратить в личных целях и по собственному усмотрению, поскольку кормили нас централизованно и в дополнительном питании мы не нуждались. И хотя это были не очень большие суммы, для нас это уже были личные деньги! Получив вожделенные франки на руки, мы, чувствуя себя свободными и финансово независимыми, отправились в первый в моей жизни шоппинг-тур. Самое незабываемое впечатление произвел на меня тогда обширнейший ассортимент фруктового ларька! Каких только экзотических фруктов там не было! Ничего подобного в России я никогда не видела. Особенно меня потрясли гроздья бананов. И я не удержалась: купила себе огромную связку на несколько килограммов. И пока мы гуляли по городу, я даже не заметила, как один за другим умяла эту огромную гроздь. Наелась бананов до такой степени, что с тех пор смотреть в их сторону не могу.

Позже, когда я уже стала признанной гимнасткой, эти поездки были очень интересны и в коммерческом плане. Мы получали приличный гонорар — всем спортсменам и тренерам платили по две тысячи франков, примерно по 50 тысяч рублей. Жаль только, что Бориса Васильевича не было рядом со мной в этой первой поездке, ведь мы уже нацелились с ним на декабрьское первенство Европы среди девушек, — а там и Олимпийские игры не за горами. Кроме того, в гимнастике есть такое правило, если тренер выезжает вместе со своим воспитанником на коммерческий турнир, ему за эту работу выплачивается определенный процент от гонорара, который получает спортсмен. Но я старалась всегда, даже когда Борис Васильевич со мной не ездил, выплачивать ему в знак благодарности какие-то проценты из своих премиальных.

В том же 1992 году я впервые в составе сборной команды СССР выехала в Соединенные Штаты Америки. Это был тренировочный сбор и товарищеские встречи, показательные выступления перед американскими гимнастами. В эту поездку отправили, естественно, одну молодежь. Нас поселили, что для

меня было особенно странно, не в гостинице, не на спортивной базе, а в «гимнастических» семьях. Это было очень познавательно и интересно. Впечатления от Америки были шокирующими, ведь мы приехали из практически закрытого государства. Я впервые увидела, как живут люди за границей. Кроме того, была замечательная практика общения на английском языке, который у меня к тому времени был не на очень высоком уровне. Но я могла говорить какие-то простые фразы, могла что-то попросить. В процессе общения я поняла, что язык дается мне очень легко.

И довольно быстро заговорила.

Конечно, мы все хотели попробовать кока-колу и то, чего у нас дома мы никогда не видели. На эту пресловутую кока-колу у нас вообще был наложен какой-то странный запрет, сделавший этот безобидный напиток политическим символом, из-за этого еще более притягательным. Нам, приехавшим из закомплексованной страны, естественно, многое хотелось попробовать… А какая там странная еда! Я бы не сказала, что все это очень вкусно. Помню, меня официант спрашивает: «Что хотите попить?» Первым вспомнилось слово «чай». Он уточняет: «Какой чай? Холодный или горячий?» Мы даже не представляли, что существует холодный чай со льдом. Нам понравилось, потом мы об этом рассказывали дома, друзьям и хохотали: «Да ты что, ты разве не пил?.. Его же не только американцы, почти весь мир пьет!..» У меня даже есть фотография: мы сидим в этой кафешке, где нам предложили этот «cool or hot tea».

Нас немножко покатали по Нью-Йорку, мы увидели с берега статую Свободы. В первый приезд в Нью-Йорк нас к ней, правда, не возили. Но я побывала там позже. После этого визита мы еще не раз были в Америке, потому что гимнастика в этой стране всегда была очень сильно развита, и мы ездили туда на разные товарищеские и показательные выступления. Тогда, в первый визит, я с удивлением смотрела на все эти огромные дома-небоскребы.

Я даже не предполагала, что здания могут быть такими высокими, прямо подпирающими небо. А какую сумасшедшую скорость развивают лифты! Когда нас поднимали на одну из башен, мои уши еле выдержали такую нагрузку. Я поражалась небоскребам-близнецам, которых теперь уже больше нет. Удивляли не только небоскребы, но и дома американцев, казавшиеся мне очень большими и богатыми. В то время мы еще не знали, что такое коттеджи и что за удовольствие жить в собственном доме.

Не нравилось мне только то, что в семьях мы были под присмотром: во время жизни на сборах я успела привыкнуть к

свободе, и такая жизнь мне очень нравилась. Но я с удовольствием изучала, как живут американцы, как они общаются. Как интересно было у них в доме, хотя это была не самая состоятельная, скорее самая обычная семья средних американцев. В доме было очень много еды, всегда разной, и в гараже залежи кока-колы, спрайта и разных газировок. Все это было для нас в свободном доступе. Причем так было не только в том доме, где жила я, — в других семьях примерно так же. Обычно у них в семье было по два ребенка и всегда по две машины — у мамы и у папы. У нас же, в Белгороде, в то время еще не было ни одной. После этой поездки я решила копить деньги, чтобы подарить машину своим родителям. Для меня, девчонки из провинции, это казалось большим богатством. Мне хотелось, чтобы мои самые близкие люди жили так же. И я, естественно, тоже.

Принимали нас очень по-доброму, мы делали красивые показательные выступления и много общались. Нам подарили кучу красивых вещей: джинсы стрейч, потрясающие спортивные купальники, о которых я даже не мечтала. В то время это был страшный дефицит. Мы ходили все такие фирмачи, крутые. А сколько у нас было жвачки! Мы ее пачками везли домой! Сегодня все это кажется таким смешным, а тогда мы чувствовали себя абсолютно счастливыми, прикоснувшись к бытовой стороне американской мечты. Мы в те времена были лишены всех этих мелких радостей, к которым американские дети привыкли буквально с рождения. По сравнению с ними мы были просто людьми из другого века.

После этого я еще много раз бывала и в США, и на спортивных турнирах, и на показательных шоу чемпионов. Все увиденное потом уже так не шокировало, как в наш самый первый приезд в Америку из-за «железного занавеса».

Благодаря гимнастическим шоу я вдоль и поперек объездила Соединенные Штаты Америки: и в первый вояж после моей победы на Олимпийских играх в Атланте, и после Сиднея. Естественно, нам, юным гимнасткам, практически девчонкам, трудно было пройти мимо Диснейленда: там замечательный комплекс аттракционов с головокружительными горками. Хотелось лететь, падать и орать во всю глотку, как все вокруг! Нам-то не страшно было, мы к кульбитам привыкли. Но там все кричат, и мы, за компанию, наорались. А все эти игрушки, автоматы — там, в Америке, все было так доступно, нам же, детям из Советского Союза, — в диковинку. Ох мы там после Олимпиады «отрывались»! Буквально часами «зависали».

А еще Америка поражает большим количеством крупных,

толстых людей и большими, просто огромными порциями еды, которые я, как ни старалась, даже наполовину никогда не могла съесть. Там можно не заказывать, как у нас в ресторане — первое, второе и третье, а заказать одну порцию и насытиться до вечера.

Наши путешествия по США с гимнастическими шоу не могли не завести нас в Лас-Вегас, где мы также выступали с огромным успехом. Мы жили там в «Cizar-Palace». Это грандиозный комплекс в греческом стиле, где есть все и откуда можно в течение нескольких дней вообще не выходить на улицу: и гостиница, и игровые залы, и спортивный комплекс, и внутренние дворики. Больше всего мне нравится отель «Bellagio» и музыкальные фонтаны рядом с ним. В свободный вечер я спустилась как-то в игровой зал, уселась к автоматам, сыграла на 100 долларов, проиграла, а потом выиграла и осталась при своих. К картам я не подходила, я их не люблю, как и сами казино в принципе. Хожу туда исключительно с друзьями за компанию, да и то не часто. В зависимость от азартных игр лучше не попадать, потому что можно уйти из казино в одних трусах.

Лас-Вегас — особенный город. Как же там красиво, все в огнях! Этот искусственно созданный развлекательный центр посреди неживой пустыни впечатляет. Только американцы так умеют собрать на одном клочке земли чуть ли не все чудеса света. Мы гуляли по Лас-Вегасу, удивлялись копиям Лувра, Эйфелевой башни и Триумфальной арки, построенным на одном пятачке в комплексе «Paris», сокровищам Египта, Луксора и шедеврам итальянской архитектуры. А сколько там потрясающих шоу! На любой вкус. Мы там, естественно, тоже несколько дней выступали.

Когда я впервые оказалась в Лос-Анджелесе, он произвел на меня впечатление большой деревни, так же как и Голливуд. А уж как там люди одеваются — вообще песня! Никого не интересует, что ты в шортах и шлепанцах пошел в ресторан — это считается нормальным. Это в Москве — и «дресс-код», и «фейс-контроль». Есть, конечно, в Америке нормальные серьезные клубы: туда лучше не надевать рваную майку, но джинсы уместны везде. Кроссовки… Нет, это вряд ли пройдет. Хотя, если себе это позволит голливудская звезда, на это посмотрят сквозь пальцы.

Конечно, в Лос-Анджелесе надо побывать на горке, где написано Hollywood, побывать на бульваре звезд, где они оставили отпечатки своих ладоней и следы от ботинок… Надо посетить Родео-драйв, где замечательные магазины; сходить туда, где снималась «Красотка» — в отель «Wilshire» на Беверли-хиллз. Стоит посмотреть студию «Юниверсал» в парке развлечений… Впрочем, если смотреть Диснейленд, я бы посоветовала поехать в

Орландо — там мне понравилось больше.

После того как мне посчастливилось попутешествовать по миру в составе спортивных делегаций, я мечтала вывезти за границу своих родителей и сестру. И однажды мы выехали все вместе отдыхать на Кипр. Было лето, чудная погода, мы заказали себе несметное количество экскурсий по историческим и культурным местам, а также экстремальных развлечений, связанных с джипами в сафари, погружениями с аквалангами, сплавами по горным речкам и тому подобное. Одна из экскурсий была на знаменитый винный завод. Нам показали весь процесс производства: от выращивания чудного винограда до финальной и самой приятной части — дегустации лучших произведений винодельческого творчества. И мы попробовали всю гамму напитков, которые представлены на этом заводе: от самого легкого вина до крепчайшей виноградной водки… После всего этого угощения мы были очень веселы и счастливы, шутили и смеялись. А сотрудники завода удивленно переспрашивали: неужели мы на самом деле из России? — как потом выяснилось, они уже привыкли к тому, что наша публика ведет себя на этих приемах иначе. Нам рассказали, что самыми частыми гостями на этом производстве бывают русскоязычные туристы, которых чаще всего выводят из дегустационного зала «под белы ручки»… Мне очень понравилось вино киприотов, хотя я все-таки предпочитаю итальянские, чилийские, южноафриканские и некоторые французские и американские вина. Труднее вспомнить названия, поскольку я всегда доверяюсь вкусу мужчины, который меня угощает. И очень часто вкусовые впечатления меняются в зависимости от настроения и обстановки, в которой ты находишься. Во всяком случае, я обычно выбираю для себя вино на обед или ужин по состоянию души, по месту и компании, в которой я нахожусь в конкретное время.

Вообще-то я мечтательница. Я могу сказать, что я бы съездила в те города и страны, где еще не была. Жизнь никогда не заносила меня в Индию, Антарктиду и на Южный полюс. Я не была на Аляске и в Новой Зеландии. Мне очень хотелось бы побывать на бразильском карнавале, да и в Аргентине есть на что посмотреть. Съездила бы на Кубу: я только проплывала как-то на корабле по заливу, недалеко от Кубы, а вот к самому острову Свободы причалить не удалось. Впереди еще немало мест, где не ступала хоркинская ножка (кстати, признанная в пятерке самых лучших ног неважно какого года). Вот сынишка чуть подрастет, и уже с ним начнем ликвидировать белые пятна на моей карте освоения мира.

Глава восьмая
Шипы и розы больших побед

Итак, Советский Союз распался. Нас, бывших членов сборной команды СССР, кто проживал на территории России, вызывают в Москву. Нам тогда громко объявили: будет сформирована новая национальная сборная. После Олимпиады в Барселоне из россиянок почти никто не собирался продолжать тренироваться и выступать. Ну, разве только Елена Груднева из Кемерово и Дина Кочеткова из Москвы. Да и то Лена говорила, что выступает только с показательными выступлениями, на этом свою карьеру заканчивает и уходит из спорта. А сегодня, кстати, Елена Груднева работает хореографом сборной страны. Правда, оставался еще кое-кто из «молодняка», который вместе со мной год назад выступал на «Комсомолке». Старшего же тренера в сборную России еще не утвердили. Тем не менее мы со своими персональными наставниками продолжали тренироваться и готовиться к командному чемпионату России. Наступил 1993 год. Мне исполнилось 14 лет, и я выиграла этот чемпионат, который, если мне не изменяет память, проходил в Воронеже. Несмотря на то что в моем багаже еще было не очень много медалей с национальных первенств, уже тогда я почувствовала, что чемпионат России стал для меня не более чем контрольной тренировкой, на которой я опробовала новые элементы своих программ, с которыми собиралась сражаться на международных первенствах. И первое из них уже было не за горами — первенство Европы среди юниоров в Женеве.

Швейцария — это не просто страна, это сказка. У меня было такое впечатление, что я вошла на страницы ярко иллюстрированной книжки или туристического путеводителя, желающего привлечь в эти потрясающие места побольше путешественников. Я не могла поверить: не сон ли это? Просто нереально красиво!

И в Женевском озере на самом деле удивительно голубая вода. Она не просто чистая, она хрустальная. И сумасшедшие горы с вершинами, увенчанными снегами, которые возвышаются вокруг озера и отражаются в его воде. Увы, посмотреть Женеву, побродить по ее историческим улочкам нам тогда не удалось. С самолета — сразу в спортзал, потом в другой, потом на арену соревнований и снова в гостиницу. И так изо дня в день. Мы видели только гимнастические снаряды и своих соперников.

К тому времени уже утвердили старшим тренером

российской сборной Леонида Яковлевича Аркаева. Мы с Пилкиным подготовили к выступлению очень сильную программу. Настрой у меня был весьма серьезный. Но как нужно выстраивать тактически свои выступления на таких соревнованиях и как вести себя, я тогда еще не знала — не было опыта.

Я много хотела от этих стартов, хотела не меньше, чем побед, но распределять себя и свои силы еще не умела. Оттого-то ничегошеньки у меня не получилось — перегорела…

А началось все с того, что я практически не спала по ночам. То состояние, в котором я пребывала, трудно было назвать сном. Может быть, я и спала, но нервная система была на взводе: мысли постоянно работали, прокручивая все элементы шаг за шагом. В этом состоянии полудремы я прокручивала в голове весь ход соревнования, все свои действия, все свои комбинации. Тогда я еще не знала, что тех безмятежных снов, когда я, как в детстве, проваливалась в омут и ничего не видела, у меня больше не будет ни перед одним серьезным состязанием в жизни. Не понимала, что беззаботное спортивное детство кончилось, начался профессионализм на долгие годы и серьезные психологические перегрузки, которые способен выдержать только сильный духом человек и будущий олимпийский чемпион.

В Женеве я этого кошмара перенести не смогла. А психолога, который бы научил справляться с собой, владеть своими эмоциями и самовнушением, в сборной команде тогда не было. У меня был только мой мудрый тренер, который умел настраивать меня перед выходом к снаряду. А вот ночами бороться с собой и своими мыслями, которые раздирали мое сознание, приходилось в одиночку.

Потом со временем в сборной России появился и психолог. И я знаю, что некоторые гимнасты, скажем Леша Бондаренко, Аня Павлова и другие девочки, пользовались его услугами, ходили на беседы, подолгу общались с ней. И, я так полагаю, это им помогало. Кстати, этот специалист и по сей день работает с нашей сборной. Но я все-таки старалась рассчитывать на собственные силы и опыт. Ведь, слава богу, он у меня немалый, и за многие годы в сборной я научилась сама и готовиться психологически, и настраиваться. Тогда зачем мне нужно вмешательство другого человека? Зачем что-то придумывать новое, когда есть хорошо проверенное старое? Тем более что с годами я и сама уже стала для себя профессиональным психологом, — тем более перед стартом.

Даже в Греции, на Олимпиаде, когда я в ночь перед состязанием пребывала в уже привычном состоянии полудремы, я

смогла настроить себя на победную борьбу. И если сразу после Олимпиады еще пыталась заниматься каким-то самоедством, что-то внутри себя анализировать, сопоставлять факты, искать причину в себе самой, то сейчас безапелляционно могу заявить: *там мне удалось абсолютно все! Причина моей неудачи была не во мне, а в интригах!*

Да, я, как обычно, ночь перед стартом провела в полудреме. Но я к этому давным-давно привыкла. И смирилась с тем, что такова особенность моей психики, и от этого никуда не убежать. И давно уже от этого не страдала, не переживала: «Ах, я сегодня всю ночь не спала, я не выспалась!..» Это было нормальное боевое состояние, наработанное годами. Да и на самом деле я не была полностью уверена в том, что не спала. Может быть, мне так казалось. А на самом деле нормально отдыхала, просто подсознание продолжало работать, готовясь к предстоящему состязанию. Я настраивалась… И я благодаря этому уже на уровне подсознания могла мгновенно принимать решения в сложных ситуациях, которые неминуемо возникают по ходу выступления на помосте. Наверное, поэтому и утром я не чувствовала себя разбитой и утомленной. Наоборот, была абсолютно свежей и готовой к бою. А потом мне даже стало нравиться, что именно так подхожу к соревнованиям. У меня действительно во сне прокручивалось огромное количество вариантов борьбы, все было продумано до мелочей.

Но после первой ночи, проведенной в таком состоянии, я перепугалась, переживала, потому что мне казалось, что я не выспалась. Когда же стала прокручивать свое состояние в голове, сама себя спросила: «Почему же не выспалась, если проснулась бодрой и спать совсем не хотелось… Я готова была идти в бой? Готова! Значит, ничего страшного не произошло. Надо это просто принять. Значит, это именно мой, хоркинский подход к предстоящему старту».

Самое главное, что еще после Женевы я поняла, что такого ночного состояния не нужно пугаться. Надо относиться к этому философски. И доверять своим ощущениям. Понятно, что перед стартом катастрофически не хватало времени для того, чтобы все прокрутить в голове. Поэтому и включалось подсознание, которое выполняло за меня всю эту работу во сне. Ведь когда ты выходишь на старт, окунаешься в чудовищную атмосферу борьбы и праздника одновременно. Там — толпа людей, ревущие трибуны, какая-то суета, яркий свет, крики… Все это шокирует. Я же благодаря колоссальной внутренней работе во сне уже ко всему этому была готова, защищена своей внутренней установкой. Считаю, что у меня был свой подход, своя

психологическая защита, и я очень рада, что все это выработалось как-то само собой.

Тогда, в Женеве, думаю, что и мои подруги по команде: и Женя Рощина, и Лена Грошева, и Лена Долгополова — тоже были слишком взволнованны и возбуждены перед своим первым большим стартом. Но мы старались не показывать виду и своей растерянности. И надеялись исключительно на то, что сможем противостоять соперницам невероятной сложностью своих программ. Скажем, на бревне. И хотя все спортсменки выступали с набором достаточно сложных элементов, у каждой из нас были такие, которых тогда еще никто не решался делать. Мы совершали по тем временам огромный рывок вперед. К примеру, на бревне у нас троих был сложный элемент — «винт». А я делала его еще и с колеса. И ведь у нас не было страха перед исполнением, перед падением или возможной ошибкой… Хотя тогда, может быть, и не надо было так рисковать. Может быть, стоило выбрать упражнения постабильнее, которые были обкатаны и выполнялись максимально точно и технически выверенно. Но мы еще не знали, что на ответственных стартах лучше делать более отработанные комбинации, тем более на собственных смотринах, когда ты выходишь на международный помост в первый раз, когда только пристреливаешься, когда впервые видишь своих главных соперников и судей, а они впервые видят тебя… Но мы шли ва-банк и ничего не страшились. Так же, как и Аркаев, — он тоже на тех состязаниях, скорее всего, присматривался к положению дел в мировой и европейской гимнастике, оценивал ситуацию: кто из сильнейших еще остается в строю после Олимпиады, кто претендует на их место, кто на подходе и с кем нам предстоит бороться в наступивший олимпийский цикл.

А основными соперницами у нас тогда были румынские гимнасты. Они брали как раз стабильностью своих программ. У нас же, наоборот, на тот период была сложность, но еще не хватало уверенности. И хотя среди румынок тоже было много еще «зеленых» гимнасток, но остались еще и матерые мастера, такие как Джина Гаджан и Мила Милосович. Не просто гимнастки — живые легенды. И мы смотрели на них огромными и удивленными глазами, забыв про то, что теперь они для нас просто соперницы. А на спортивном помосте все сражаются на равных, ни перед кем не преклоняясь, никому не уступая и не отдавая предпочтений. Тогда мы об этом еще не знали. И были скованные, испуганные, зеленые новички. Ну и, естественно, наделали массу ошибок во время выступлений, попадали со снарядов. И медалей никаких не завоевали. Опыт поражений —

это тоже опыт, который, если ты стремишься к спортивному росту, складывается со временем в копилку твоих будущих побед. Кроме того, мы увидели расстановку сил. Нельзя сказать, что мы ни капли не расстроились. Зато теперь уже точно знали, что нам делать и в каком направлении. Кроме того, мы показали свои новые программы, сделав тем самым достаточно серьезную заявку на будущее. И все теперь знали, что по сложности они значительно выше, чем у всего гимнастического бомонда на тот день, что нам нужно только нарабатывать стабильность их выполнения. А это уже вопрос времени. Во всяком случае, и мы, и тренеры были спокойны насчет будущего. И Аркаев в нас поверил.

И мы, окрыленные будущими планами, с головой бросились в работу. Конечно, с приходом Леонида Яковлевича Аркаева в команде многое изменилось. Ведь с развалом СССР в российской сборной первое время не было ничего: все же разрушилось и все пришлось создавать заново. Наконец-то появилась жесткая дисциплина. Тренировки четко в одно и то же время, опоздания без веских причин недопустимы, врачи постоянно были рядом. Я все-таки считаю, что для хорошего результата важнее не демократия, хотя без нее тоже нельзя, а четкая организация процесса. Ведь даже лошадь может пойти куда угодно, если всадник не будет направлять ее твердой рукой. И мы начали работать четко, по заранее составленным планам под руководством Аркаева. У нас появился график выступлений на внутренних и международных соревнованиях. И это быстро принесло свои плоды: результаты не заставили себя долго ждать.

Мы по-прежнему тренировались в Подмосковье, на базе «Озеро Круглое», где и сейчас находится спортивная база нашей сборной по гимнастике. Там очень живописные места, но любоваться красотами природы, как правило, некогда, потому что большую часть времени спортсменам приходится проводить в тренировочном зале. Еще тогда некоторые шутили, мол, на базе — как в монастыре. Но я так никогда не считала. Если человек выбрал для себя путь в большом спорте, то следует отдавать всего себя достижению поставленной цели. Тем более что там, на базе, для нас были созданы все необходимые условия, чтобы мы не чувствовали себя отрезанными от мира. Всегда в нашем распоряжении были и телевизоры, и видео-, и аудиосистемы. А еще нам не давали забывать об учебе, о школьных учебниках… Словом, скучать было некогда.

На протяжении нескольких лет я жила в одном номере с моей подругой Леной Грошевой. И несмотря на то что очень долго жить в номере с одним и тем же человеком психологически очень

сложно, я до сих пор удивляюсь, как легко мы с ней находили общий язык. Тем не менее был период, когда мы решили пожить врозь. Не потому, что поссорились, а просто обоим захотелось новых впечатлений и эмоций. И какое-то время я пожила в комнате с другой девочкой. Но потом мы снова сошлись вместе, пока в 1997 году моя Ленка меня бросила, завершив свою спортивную карьеру. Какой-то период мы жили в номере с Леной Продуновой, а уже после 2000 года я уже предпочитала жить одна, в собственном отдельном номере.

Жизнь спортсмена на протяжении многих лет подчинена жесткому графику и распорядку дня. Отработали тренировку, приняли душ, поели, сделали уроки, почитали книгу, легли спать, чтобы к следующей тренировке быть отдохнувшим и бодрым. Потом можно посмотреть «видик» и снова спать. В другой день можно попеть караоке, чем я особенно любила заниматься. Ну, естественно, нужно еще сходить на восстановительный массаж, попариться в бане, поплавать в бассейне или в озере, зайти к доктору, поболтать по телефону с родными… Если я вдруг начинала чувствовать психологическую перегрузку, брала плеер, надевала наушники и отправлялась гулять в лес. Слушала все подряд, что в тот момент было созвучно времени и состоянию моей души. Я любила и классику (кстати, многие мои вольные упражнения проходили под классическую музыку), и современную эстраду… Наши мальчишки всегда четко отслеживали музыкальные новинки, и у нас в сборной команде всегда было очень много дисков. Обычно я прослушивала все новое, что появлялось, а то, что нравилось, могла слушать еще и еще… Иногда мне хотелось вырваться куда-нибудь на дискотеку, в ночной клуб, где играют громко и весело, чтобы «оттянуться». Могла наслушаться музыки до одурения. Такое тоже иногда было нужно, правда очень редко. Но чаще мне хотелось одиночества, возможности побыть в тишине. Особенно перед соревнованиями. В самом начале спортивной карьеры Борис Васильевич советовал мне: «Останься одна, подумай, разберись, настройся, не суетись, не балабонь, растрачивая эмоции и энергию зря…» Подходили старты, и я замыкалась. Многие девчонки этого не понимали, даже обижались на меня. Но я всегда говорила им, что по-другому не могу. Мне это нужно было для накопления внутренней энергии. Со временем к этому привыкли, и ко мне уже никто не подходил. Все знали, что в то время, когда я настраиваюсь, меня лучше не дергать. Зато после финиша я была душой компании, и посмеяться любила, и покуролесить…

А когда перестала тренироваться, настолько забросила всю свою музыкальную коллекцию, перестала следить за новинками,

что сейчас даже и не знаю, что можно назвать модным, а что нет… Слушаю то, что хочется душе и не режет ухо.

После возвращения из Женевы мы с Борисом Васильевичем старались больше смотреть записи и трансляции выступлений сильнейших гимнасток мира. И он мне всегда говорил: «Света, смотри на китаянок!..» Он обращал мое внимание на все снаряды, где работали спортсменки из Китая… Мы делали ставку на брусьях, и он показывал мне, как они исполняли композиции на брусьях, вытаскивал из программ отдельные элементы, заслуживающие внимания. А что они вытворяли на бревне! Какой это был потрясающий уровень: там и чистота была, и классика. И они как пушиночки на нем! Китаянки настолько органично работают на бревне, что создается впечатление, что они на нем родились… Ну очень красиво! Я настолько четко научилась распознавать школу китайской гимнастики, что вы можете обрядить китаянку в купальник любой другой страны, загримировать до неузнаваемости, я все равно по стилю ее работы скажу, что это выступала китайская спортсменка. Шикарную китайскую работу ни с чем не спутаешь. Румынки работают более жестко. Борис Васильевич всегда говорил: «Учись стабильности у румын, а красоте и качеству — у китайской гимнастики.

А лучше смотри на Китай. У них ты найдешь все!» И я во все глаза на всех соревнованиях следила за китаянками и другими лидерами мировых турниров, как за идеальной моделью. Всегда за всеми подсматривала, но никогда виду не показывала, что я за кем-то слежу, хотя мои глаза всегда четко и вовремя выхватывали из общей массы именно того субъекта, который мне был интересен, у которого я хотела чему-то научиться, что-то перенять. Я считаю, что молодым спортсменкам не нужно этого стесняться, не нужно бояться учиться и бояться признавать, что в чем-то они еще совсем зеленые. Я постоянно училась, наблюдала, а потом переплавляла в свое, хоркинское.

В Китае гимнастика всегда была спортом номер один. И спортсмены этой страны всегда понимали, что успехи на помосте помогают им выбиваться в люди, зарабатывать деньги, находить хорошую профессию и место под солнцем в будущей жизни. Раньше, в советские времена, у нас тоже гимнастика была в фаворе. И тоже было немало детских и юношеских гимнастических школ. Потому что все понимали, что для общефизического развития гимнастика — это спорт номер один. Сейчас же все изменилось. И у нас в стране для состоятельных людей и их детей открываются не гимнастические, а в основном теннисные, горнолыжные, хоккейные школы или фитнес-клубы. И

мне осознавать это очень обидно. Хотя гимнастика — это тот же фитнес. Главное привести ребенка в гимнастику, а там, глядишь, ему понравится, как это было со мной, и уже силой из зала не уведешь. А не понравится — пусть хотя бы создаст себе общефизическую базу, разовьет гибкость, координацию движений, а потом, ради бога — переводите в теннис, горные лыжи, да куда угодно… Тот же Шамиль Тарпищев в беседе со мной сетовал на то, что в каждом наборе детей, который они ежегодно проводят в теннисе, от силы человек пять оказываются более или менее здоровыми, и то это можно считать за счастье.

Хотя даже в детских поликлиниках врачи-специалисты рассказывают и показывают мамам, как нужно заниматься с ребеночком гимнастикой, какие упражнения делать для нормального развития. Но потом мамам, видимо, становится лень, а в детских садиках физкультуре стали уделять значительно меньше внимания. Все стараются пораньше детей научить читать и писать, не задумываясь над тем, что все должно быть гармонично развито. Нужно учить детей быть здоровыми, сильными, ловкими и умственно развитыми. Я помню те годы, когда у нас в стране проводились массовые соревнования «Мама, папа, я — спортивная семья!» И, между прочим, участвовала в них вместе со своими родителями. Я считаю, что нам нужно возрождать такие программы, которые не только укрепляют семью, но и воспитывают здоровые отношения, поддержку и взаимопонимание.

Я понимаю, что и здесь должна быть, прежде всего, государственная программа, как раньше были комплексы ГТО и тому подобное. Но нельзя сбрасывать со счетов и личное желание руководства того же садика или общеобразовательной школы. Я очень хорошо помню, что раньше в каждой школе и через «козла» прыгали, и по бревну ходили, и на брусьях висели… А сейчас? Куда все это подевалось? Почему перестали приучать детей к гимнастике с раннего детства? Я уж не говорю про различные массовые физкультурные праздники на стадионах. В Китае и даже в Ванкувере я просыпалась ранним утром от того, что с улицы раздавались ритмичные звуки командных «речевок», типа нашего: раз-два, раз-два… Выглядывала в окно, а там толпы китайцев (или канадцев) занимаются утренней гимнастикой… Когда я первый раз увидела это зрелище — обалдела. И порадовалась за их правильный жизненный настрой.

Больше того, этому замечательному виду спорта взялись создавать самую настоящую антирекламу, заниматься каким-то черным пиаром. Да, в каждом виде спорта есть свои проблемы, есть моменты, когда можно получить травму. От этого в спорте

никто не застрахован. А тут в одном документальном фильме (не называю его из принципиальных соображений, чтобы не делать рекламы ни передаче, ни телеканалу, который ее создал) собрали нескольких известных гимнасток. В разное время они получили серьезные травмы и были вынуждены со спортом закончить. Но они все девчонки настойчивые, с мозгами, выучились… Тем не менее все они жаловались, что остались они такие несчастные, брошенные, никому не нужные, что их использовали, пока был результат, а потом забыли. Конечно, было бы хорошо, если бы наше государство помогало безболезненно переходить от одного жизненного этапа к другому. Но ведь это проблема не только спорта, но и многих других сфер нашей общественной жизни. Вспомните известных актеров театра и кино, цирка или шахтеров, да кого угодно. Везде есть подобные истории. К сожалению, в нашем государстве пока этот механизм не отработан, и мы должны рассчитывать только на свои силы и на помощь близких и сами думать о своем будущем.

Да, никто в спорте не застрахован от неудач и от травм, как из-за собственных ошибок, так и из-за ошибок тренера. Но это вовсе не означает, что этот вид спорта нужно ликвидировать и не давать детям им заниматься. Кстати, я тоже участвовала в этой программе, но говорила совершенно о другом, не о проблемах, а обо всем лучшем, что дал спорт, в том числе и этим гимнасткам, хотя они за собственными трудностями не желали этого признавать. А гимнастика ничуть не опаснее горных лыж, тенниса, хоккея, футбола, велогонок. Везде можно грохнуться так, что потом руки-ноги не соберешь. Я уж не говорю об экстремалах, которые сами ищут приключений на свою голову, ради «глотка» адреналина.

Спорт всегда был именно тем и привлекателен, что он предоставляет человеку возможность побеждать себя, чувствовать себя хозяином своей судьбы. А создавать плохой пиар виду спорта, который тебя вырастил и воспитал как личность, явно не стоит. Девчонки не задумались над последствиями такой антирекламы — ведь детей просто перестанут отдавать в гимнастику… Хотя спортивная гимнастика еще с древнегреческих времен ценилась как вид спорта, дающий человеку самое гармоничное развитие. И я считаю, что нужно максимально его пропагандировать, работать на местах, проводить турниры, как я это делаю в родном Белгороде. Конечно, это непросто, требует немало времени и средств, но я буду этим заниматься, пока хватит сил. Жаль только, что спонсоры до сих пор не проявляют к нему большого интереса. Но думаю, что и это придет.

Когда я начинала заниматься спортивной гимнастикой, у нас

еще не было возможности снимать на видеокамеру ни мои выступления, ни тренировки. Единственное, с чем можно было работать, так это с телетрансляциями спортивных соревнований, записанными на видеомагнитофон. Но и тогда их было не так много, как хотелось бы. И показывались они в доступное для детей время, а не ночью, как сейчас.

Потом спорткомитет Белгорода выделил нам с Пилкиным камеру, и мы стали записывать себя сами. И когда с Борисом Васильевичем все это вместе просматривали и разбирали, я каждый раз ругала себя на чем свет стоит: какая же я дура, что не могла понять такую простую ошибку… А Борис Васильевич только посмеивался: мол, лучше тебе один раз показать, чтобы ты своими глазами посмотрела, чем я тысячу раз тебе буду талдычить одно и то же. Все-таки мудрый у меня был тренер…

Вообще я всегда относилась к себе очень критично. И все время твердила: «Господи, какая же я страшная, неповоротливая, и как у меня все плохо получается…». Да и чтобы у Бориса Васильевича заработать на тренировке похвалу, нужно было я даже и не знаю, что сделать: надо было сработать даже не на десять, на одиннадцать баллов… Хвалил он крайне редко. Обычно он говорил: «Получше, но…» И это означало, что я сделала почти «на отлично». Правда, иногда он вдруг говорил: «Ну вот, а это было хорошо…» — что означало: все было просто «супер», и значит, что уже никто вообще рядом не стоит.

Когда тебя приглашают тренироваться в составе национальной сборной команды, нужно понимать, что претендуешь ты на место под флагом страны не один-одинешенек, даже если ты был лидером по итогом всероссийских состязаний. Наравне с тобой приглашают еще человек десять — пятнадцать, хотя мест в команде всего семь, с учетом запасных.

Причем эта «десятка» — не кандидаты, а именно те, кто рассматривался или будет рассматриваться на предстоящий олимпийский цикл. Из той когорты, которая пришла вместе со мной, не все дошли даже до промежуточного финиша. Кто-то ломался психологически, кто-то не выдерживал физических нагрузок, кто-то уходил по личным обстоятельствам, кому-то просто надоело… А ведь среди них такие перспективные девчонки были! С такими фантастическими природными данными! Увы, не каждый личный тренер мог постоять за свою воспитанницу, мог пойти и поспорить со старшим тренером, что ей не нужно такой сумасшедшей нагрузки, потому что она к ней не привыкла и не в состоянии ее переварить, что у нее что-то болит и нет сил терпеть. Да и моему Пилкину не все давалось легко, не случайно из-за таких «дипломатических» переговоров он

пережил не один микроинфаркт. Тем не менее он всегда стоял за меня горой и почти всегда был рядом, и это оправдалось…

А вот в австралийском Брисбене, на моем первом чемпионате мира 1994 года, Бориса Васильевича рядом не оказалось, он приболел и со мной не поехал. Мне казалось, что этого путешествия я просто не вынесу. Во-первых, мы летели с пересадками, потому что федерация не располагала средствами для комфортного перелета с максимально удобными стыковками самолета, поэтому покупали самые дешевые билеты. Помимо того что мы летели с пересадками, так еще и в эконом-классе. А это значит, что кресла были тесные, ноги не вытянешь, и они затекают. И пока мы взлетали и садились, мучились во время полета, я думала, что умру раньше, чем мы доберемся до места. Ноги-руки опухли, стали какими-то деревянными. Но мы все-таки доехали живыми, хотя и не совсем здоровыми. До соревнований была еще неделя, а это значит, можно было хоть немного прийти в себя. Но кроме тяжестей перелета, нужно было еще приспособиться к разнице во времени. По ночам мы бодрствовали, как совы, не зная, что с собой делать ночью, а днем, наоборот, были как сонные и вареные мухи. Но мы старались изо всех сил. Особенно тяжело стало на третий и четвертый день. На эти дни как раз и приходится пик акклиматизации. Но это никого не волновало: ты приехал соревноваться и выступать, и то, что ты не акклиматизировался — твои проблемы, а не организаторов турнира. Судьи сидят, на тебя смотрят, и ты должен несмотря ни на что выходить и тренироваться, делать свои программы по всем видам предстоящих выступлений. Было очень тяжело. Но судейские бригады были хитрее нас, спортсменов. Они приходили на тренировки и смотрели наши программы заранее. И уже перед началом самих соревнований они знали, с чем я буду выступать: у них все было расписано по элементам — и сколько ошибок я допустила во время тренировки на каждом снаряде. То есть они уже создали обо мне свое впечатление. Я всегда считала, что это неправильно, что нельзя смотреть выступления спортсменов с заранее сложившимся мнением и предубеждением на их счет. И вообще я против того, чтобы судьи присутствовали на тренировках. Их задача оценивать результаты в пылу сражения, а не во время черновой работы. Оппоненты считают, что такая предварительная подготовленность придает динамику ходу соревнований, что это более выгодно для телевидения. А поскольку именно телевидение в последние годы правит бал во всех видах спорта, и в гимнастике в частности, именно телевидение привлекает главных спонсоров и от него зависит

бюджет соревнований, то оно, соответственно, и «музыку заказывает»…

Несмотря на сложности акклиматизации и накал предстоящей борьбы, нас отвезли на экскурсию в местный зоопарк. Стоит заметить, что зрелище это впечатляющее. Таких экзотических животных я еще ни разу в жизни не видела: какие-то странные коалы, дикая собака динго… Я и понятия не имела о существовании каких-то диких динго. Я знала только о бродячих собаках. А какие там были громадные попугаи! А уж кенгуру — особые эмоции.

И выглядит смешно, и еще можно было к ней подойти и покормить. А она сидит на хвосте и смотрит на тебя удивленными глазами… Нельзя подходить только к самке с детенышем… А какие там сумасшедшие страусы! Бежит за тобой, шипит — с ума сойти можно! Конечно, мы и нахохотались там, и с коалами, и с кенгуру фотографировались. Эмоции перехлестывали. Мне безумно понравилось в Австралии. Это очень интересная и познавательная страна. И вокруг абсолютно все по-другому, не как у нас. И такое все зеленое — прямо изумрудное, как в сказке. И люди какие-то другие, хотя и говорят по-английски, да и жизнь какая-то размеренная и спокойная.

Нас поселили в центре, а не как обычно, где-нибудь на окраине. И мы гуляли по городу, заходили в кафе, ели всякие необычные вкусности, ходили по магазинам… А на соревнования нас возили на автобусе. Пробок на дорогах практически не было, только к вечеру. Да и те с московскими не сравнить. У нас если пробка, то просто тупо встали и стоим. Там же все двигается. Но только медленно. И существует культура вождения! Единственный минус — очень далеко от России. Была бы Австралия поближе, я бы летала туда регулярно, как в Италию или во Францию, на отдых.

Бесспорной фавориткой на чемпионате мира в Брисбене была олимпийская чемпионка, американка Шеннон Миллер. Она же и выиграла там состязания в абсолютном первенстве.

Меня поставили выступать на двух снарядах — на прыжке и на брусьях. Судя по записям, которые у меня остались после выступления, прыгнула я тогда тот самый Куэрво просто шикарно. Но чтобы судьи отдали первенство мне, видимо, не хватило имени (судьи только-только узнавали меня и мои способности), потому и оставили меня на второй позиции. А вот на брусьях я сама допустила ошибку на приземлении: надо было встать на месте не шелохнувшись, а меня чуть занесло, и я отпрыгнула чуть-чуть вперед.

В итоге пропустила вперед китаяночку. И хотя в личном

зачете в многоборье я оказалась всего лишь девятой, две серебряные медали я все же заработала. Причем эти медали оказались единственными в копилке российской команды.

Я думаю, что именно после этого чемпионата мира и судьи, и гимнастическая общественность поняли, что Хоркина — это серьезно. А мне больше всего было обидно за ту дурацкую оплошность, которую я допустила при соскоке с брусьев, — ведь она стоила мне золотой медали. Я была еще такая юная, и у меня ведь был такой маленький шажочек на соскоке, а с меня сняли баллы по-взрослому. Можно было простить — и я бы выиграла. Но у меня тогда еще не было серьезного авторитета, я только-только начинала диктовать свою игру. Я говорила себе, что жалко, но сама виновата — надо встать мертво и не давать повода судьям для снятия с себя этих десятых и сотых балла… А для себя я тогда решила: «Запомни, просто так тебе в жизни никогда и ничего не доставалось. Российским спортсменам в мире никогда не прощают даже малейших погрешностей. Ты должна отработать все так, чтобы ни у кого даже вопросов не было по твоему поводу. И, естественно, должна мертво вставать на соскоке…».

Честно говоря, в то время я на самом деле верила, что все дело в авторитете. Но мне и в другие годы, да, пожалуй, всю мою спортивную жизнь никогда и нигде поблажек не давали. С меня всегда требовали по большому счету. Потому что всегда ждали от меня чего-то эдакого, всегда «супер». И никогда не прощали даже самых маленьких погрешностей. Как это было на тех же олимпийских играх в Афинах, где я чуть-чуть на бревне качнулась, тем не менее эти «десятые», которые с меня сняли по-черному, стоили мне золотой медали в многоборье.

Впрочем, к такой особой любви к собственной персоне я тоже давно привыкла, поскольку «виновата» в этом сама же, приучив судей к тому, что каждое мое выступление — это обязательно шедевр по сложности, техническим новинкам, замысловатым элементам, отточенности движений, безошибочности и артистизму. Да и я сама никогда не хотела снижать планку собственного мастерства, поскольку всегда была максималисткой, считая, что я должна быть либо лучшей, либо вообще никакой. А тогда, в Австралии, я себя не только успокаивала, но и «заводила» на будущую работу, говоря, что этот чемпионат мира — первый в моей жизни, что медали у меня все-таки есть, и что все учатся на ошибках…

Мы вернулись в Москву, и я, зная, что впереди чемпионат Европы в Швеции, провела серьезную работу над ошибками. И в Стокгольм я ехала с серьезным боевым настроем.

Швецию считают страной самых привлекательных девушек в

мире — белокурые и голубоглазые. Но я бы с этим поспорила: девушки из бывшего СССР — самые красивые. Уж, поверьте, я объездила почти весь земной шар и многих повидала…

В Швецию, в Стокгольм, я ехала впервые. Ужасно хотелось его посмотреть, как и все новое. Но, как всегда, не хватало на это времени. Мы выступали в новом спортивном комплексе, который поразил необычной архитектурной формой — это был большой шар. Я думаю, это был какой-то универсальный комплекс, где наверняка проходили не только соревнования, но и концерты.

Тогда бесспорным лидером была Джина Гогян из Румынии. Она же и выиграла состязания в многоборье. А я стала второй, совсем немного проиграв абсолютной чемпионке, но завоевала золотую медаль на брусьях и еще серебряные медали на других снарядах. Словом, урожай собрала приличный.

Тот же 1994 год был отмечен в моей спортивной биографии успешным выступлением на Играх доброй воли. Эти состязания появились в спортивном календаре в период «холодной войны», еще в 80-е годы, после того, как американцы бойкотировали московскую Олимпиаду. Однако борьба за первенство на этих альтернативных Играх была очень даже жаркой, поскольку на них приезжали практически все сильнейшие гимнасты мира. В этот год состязания проходили в Питере. И там мы впервые за время существования российской сборной выиграли командные соревнования. Как раз на этих Играх доброй воли в свое время и произошло примирение США и России. Ну и я выступила очень успешно: утащила с этого турнира большую кучу медалек. Можно сказать, что эти Игры еще больше утвердили мой авторитет в спорте.

Потом был оздоровительный сбор в итальянском Порто Сан-Джоржио, где я позволила себе первые революционные эксперименты с собственным стилем, но об этом более подробно в следующей главе. А следом за ним был командный чемпионат мира в немецком Дортмунде, где наша команда довольствовалась лишь «бронзой». Хотя я выступала там очень успешно. Завершая этот год признанным лидером мировой гимнастики.

Но Дортмунд запомнился мне не только спортивными эмоциями, но и смешным приключением. Нам на каждую поездку, в качестве карманных расходов, выдали так называемые «суточные». Выдали американские доллары. А в Германии в то время в ходу были немецкие марки. И нам, естественно, для всяких шоколадок и сувениров доллары надо было где-то обменять. Но вот где? Мы понятия не имели! На своем не очень уверенном английском стали спрашивать, где находится ближайший банк? Обратились к первому встречному прохожему.

И вдруг он на чистом русском языке объяснил нам, что, во-первых, сегодня суббота и банк не работает. А деньги можно поменять прямо в гостинице, где мы жили.

Увы, вслед за радостями от успехов и завоеванных позиций пришли и первые серьезные проблемы. У меня начала очень сильно болеть спина. Даже не могу точно сказать, что явилось тому причиной, но боли стали просто адскими.

Понятное дело, профессиональный спорт — это не общефизическая подготовка и далеко не фитнес. Фитнес — это сплошное удовольствие, даже если ты и чувствуешь после тренировок приятную боль в мышцах. Она способствует укреплению твоего организма, развивает его. А делая выбор в пользу профессионального спорта, ты понимаешь, что нагрузки будут нешуточные. И ты вкладываешь все свое здоровье, энергию и время в результат, в ежедневные сверхчеловеческие нагрузки. И очень часто бывает так, что во время интенсивных тренировок не обращаешь внимания на какие-то мелкие воспалительные процессы, поскольку все спортсмены сызмальства приучены терпеть и бороться со своими недомоганиями. Возможно, спина и по жизни была у меня слабым местом, этакой ахиллесовой пятой, но до поры до времени я этого не знала. Во всяком случае, и сейчас, когда меняется погода, у меня, как у бывалого солдата, спина напоминает о себе, как старая рана.

Когда ты молод, многие мелочи не замечаешь, что-то не долечиваешь, боясь выйти из графика, ритма и формы… И в этой круговерти тренировок, соревнований, соревнований и тренировок у меня спина так воспалилась, что в один прекрасный момент я просто упала и не смогла встать. Боли были просто невыносимые.

В начале очередной тренировки, на разминке, я села на шпагат. Слегка повернулась и почувствовала, что в спине что-то хрустнуло. А следом — острая боль… Попробовала встать — не могу. Невероятными усилиями заставила себя подняться и еле добрела до места построения. А когда вошел старший тренер и скомандовал: «Построились!» — а строились мы по росту и я, естественно, стояла первой. Но когда мы поприветствовали старшего тренера и Аркаев скомандовал: «Направо! Шагом марш!» — я не смогла сдвинуться с места и рухнула на пол. Меня сразу же подхватил наш массажист и отнес в массажный кабинет, но я не давала никому дотронуться до моей спины, я орала от боли и ужаса. Состояние было чудовищным. Мне вкололи обезболивающее… На следующий день меня повезли в ЦИТО — Центральный институт травматологии и ортопедии — место, ставшее впоследствии моей палочкой-выручалочкой, ведь я за

годы своей спортивной жизни не раз обращалась туда для лечения и профилактики. Но там мне сказали, что подобные вещи махом не лечатся, надо ложиться на обследование. И чем скорее, тем лучше! Мол, приезжайте завтра, ложитесь, и будем лечиться. А я думаю: «Как — „ложиться“? Как — „лечить“? Ничего подобного! У меня послезавтра контрольная тренировка — отборочная на чемпионат мира в Японии, в Сабайо. Ну уж нет! Я просто так не сдамся! Я же так здорово готова к этому турниру…»

Борис Васильевич, видя мои мучения и в то же время нежелание сдаваться, пошел на переговоры к Аркаеву. А на тренировке, на которую я еле доползла, Аркаев сказал: «Пройдет Света „прикидку“, и если в это время у нее ничего не оторвется и она будет чувствовать в себе силы выступать — поедет в Японию». Как сейчас помню эти слова. Я обрадовалась, а сама чувствую, что боль невыносимая… И понимаю, что пройти эту контрольную тренировку выше моих сил. Но разве для Хоркиной существует что-то невозможное? Пилкин попросил, чтобы мне разрешили разминаться индивидуально, отдельно ото всех… Я надела специальный пояс почти во всю спину шириной, сидела в разминочном зале и утирала слезы, не в силах сделать первый шаг… Превозмогая боль, попыталась залезть на канат, но тут же сорвалась вниз и разрыдалась. Борис Васильевич успокаивает: «Да ладно, Свет, не мучайся… Да бог с ним, с этим чемпионатом! Не надо так рисковать. Пусть пройдет без нас… А мы с тобой тем временем подлечимся, а потом и наверстаем все…» Как меня это взбесило! Как это не мучайся! Я столько сил отдала этой подготовке! Да вы посмотрите, какая у нас шикарная программа… И главное, что я чувствовала, что этот чемпионат мира должен стать моим… В то время гимнасты еще выступали с обязательной и произвольной программами. И именно обязательную программу надо было пройти на «прикидке». В чем-то было проще, а в чем-то и сложнее… И пошла в зал, безапелляционно заявив своему тренеру, что я буду выступать, чего бы мне это ни стоило. Ну а Борису Васильевичу ничего не оставалось делать, как идти вместе со мной и по возможности помогать.

Сначала мы делали прыжок. Понимая всю сложность моего состояния, Пилкин вместе с другими тренерами настелили мне в зону приземления кучу матов, чтобы я приземлилась максимально мягко. И чтобы у меня ничего не порвалось, и я могла бы продолжить эту мучительную тренировку. Разбежалась и кое-как прыгнула. Мне поставили «галочку»… Потом также с горем пополам забралась на брусья и также спрыгнула в конце комбинации на кучу матов. Кряхтя, влезла на бревно… Можно

было подумать, что я готовлюсь выступать на соревнованиях среди инвалидов. Шаг за шагом на бревне — муки ада. И, наконец, вольные… Вот тут-то предстояли самые серьезные испытания, потому что здесь уже не было матов и мне нужно было продержаться всего лишь полторы минуты… И тогда я еду в Японию.

Я настолько мобилизовала свои силы и эмоции в кулак, что перестала слышать музыку и видеть кого-то рядом. Я не чувствовала ни боли, ни прыжков, ни приземлений. Я вообще больше не чувствовала своего тела, как будто наблюдала за всем происходящим со стороны. Нет, я не теряла сознания, я видела все вокруг и понимала, что я делаю свою программу. И в то же время я ничего не ощущала. В этом же состоянии нереальной отрешенности от реального мира я сделала свои вольные упражнения. Но боль тут же вернулась, как только я закончила упражнение и ушла с ковра. Это состояние стало для меня самым настоящим открытием. Уж не знаю, что это было, но явно не «второе дыхание» и даже не «третье». Наверное, именно таким образом индийские йоги умудряются ходить по стеклу и лежать на гвоздях. Но самое главное, что я тогда поняла, что можно абстрагироваться от боли, если очень сильно чего-то хочешь и у тебя есть большая цель. И раз это состояние пришло ко мне один раз, значит, оно вернется снова. И я смогу сделать все, на что способна. Значит, я могу ехать на чемпионат мира и я смогу победить. А настроена я была исключительно на победу.

Стоило ли так рисковать? Сегодня я думаю, что не стоило. Но тогда мне было жалко сил, которые были потрачены на подготовку и на эту фантастическую программу. И я верила в то, что обязательно выиграю. К счастью, мы летели прямым рейсом, не было бесконечных взлетов и посадок. Наш доктор Вячеслав Михайлович держал меня все дни до старта на таблетках и на уколах. В самолете устроили на двух сиденьях, и я обложилась подушками…

За день до старта все гимнасты выходят на помост — это так называемый «опробовочный» день, когда ты можешь попробовать все снаряды и сделать свои разметки для разбега. И почувствовать зал. И в этот день на тебя все смотрят: и судьи, и соперницы. Это своего рода генеральная репетиция. И ты уже не имеешь права ударить в грязь лицом. Эти смотрины я прошла с честью, без единой помарочки. Даже старший тренер потом пошутил, мол, «мастерство не пропьешь», и безо всяких «если» поставил меня в команду. И пройдя все абсолютно чисто, я вышла в финал многоборья. И вот тут-то силы меня оставили: я не смогла сделать сложный элемент в конце вольных упражнений и

проиграла Лиле Подкопаевой из сборной Украины. Она стала абсолютной чемпионкой мира. Ну что тут скажешь: если бы не травма — я была бы четырехкратной абсолютной чемпионкой мира… Но это «серебро» в абсолютном первенстве было для меня дороже «золота». И японский город Сабайо навсегда останется в моей памяти, ведь именно там я впервые стала чемпионкой мира на брусьях. Именно там, в Японии, я впервые познакомилась со своими фанатами, которые даже создали фан-клуб. Они дневали и ночевали около моего номера в гостинице, засыпали цветами, подарками, фотографиями с соревнований, на которых я уже выступала. И оказалось, что они уже много лет следуют за мной на соревнованиях. И все следующие годы спортивной жизни они продолжали следить за моими успехами на помосте и присылать свои фотоальбомы и публикации в прессе, которые выходили в разных странах мира.

О Японии у меня остались незабываемые впечатления. Меня поразил не только Токио, но и Сабайо. Боже мой, это и сумасшедшие небоскребы, и фантастические интерьеры, и изысканные рестораны, с настоящей японской кухней, и свежайшей сырой рыбой…

Там все буквально вспыхивает, зажигается вечером и горит в огнях. Помню, зашла как-то в магазин, увлеклась, потеряла счет времени, выхожу на улицу и не могу понять: где нахожусь? Город просто стал другим… И хотя до гостиницы было минут пять ходу, мне пришлось взять такси: мне показалось, что я заблудилась.

Техника и электроника, окружающие тебя на каждом шагу, настолько ушли далеко вперед по отношению к нам, что ты не перестаешь удивляться: «Боже мой, мы живем в другом веке!» Меня поразила до глубины души их традиционная культура отношений, субординация: уважение малого к старому и старого к малому, все эти поклоны, — настолько это здорово и очень правильно. И честный рост по служебной лестнице: ты не сможешь, закончив вуз, сразу же встать у руля компании, а будешь честно работать и только к годам к 50–60 выйдешь на руководящие позиции…

А еще меня удивило то, что и в этой, на мой взгляд, не поддающейся пониманию стране, живет немало русских. Все-таки мы поразительная нация — мы можем найти себя везде, где только захотим, даже в самых экзотических странах мира. Я бы с удовольствием подольше пожила в Японии, насладилась моей любимой японской кухней, поездила по стране. Но спортивная жизнь диктовала свой график. К тому же мне надо было срочно что-то делать со спиной. И я поспешила в Москву, лечиться.

Потом были полтора месяца, проведенные в ЦИТО, где без

оперативного вмешательства мне подлечили спину. За это время я набрала большой лишний вес и ощущала себя такой кругленькой свинкой. Но вышла из клиники с большим желанием свернуть горы, ведь впереди 1996 год — Олимпиада в Атланте. Я даже не поехала на Новый год домой, оставшись на базе на «Озере Круглое» и встречала его почти в одиночестве. Но я знала, что впереди главные старты четырехлетия, а мне надо было срочно сбрасывать вес, показывать программу, — чтобы ни у кого не было сомнения в том, что Хоркина является капитаном и лидером сборной команды России по праву.

Уже к тому времени я стала опытным бойцом и позволяла себе в процессе разминок закручивать такие интриги, что соперницы начинали мандражировать задолго до выхода на помост. Ко времени японского чемпионата мира у меня были уже четко отработанные программы. Но я могла во время разминок сделать какой-нибудь совсем свежий элемент, с которым собиралась выступать. Он был суперсложным, и я специально на разминке делала его с помарками, чтобы другие гимнастки немножко испугались и помечтали о том, что я, вставив этот элемент в упражнение, свалюсь на нем в соревновании. На самом деле это было чистой воды баловство, поскольку я уже в мельчайших деталях, на уровне двигательной памяти, выполняла этот элемент играючи. На показательной тренировке да на разминке мне было весело немного пустить пыль в глаза, нравилось вводить конкуренток в заблуждение. А еще в запасе у меня всегда был какой-нибудь элемент, который мы еще только думали вводить в программу, но для состязания он был еще сыроват. Но ради интриги Борис Васильевич вдруг предлагал: «Ну что, покажем соперницам класс? Попробуем сделать? Есть у тебя желание?» А я всегда только этого и ждала! Мне только дай волю: раз! И, как это ни странно, все получалось нормально. Сделала и пошла как ни в чем не бывало… Зато у других был серьезный повод для раздумий. Мой тренер всегда говорил, мол, пусть теперь поломают свои мозги, как это я такое смогла сделать? И буду ли я показывать эту штуку в программе?

А иногда во мне просыпались неведомые актерские таланты, и я начинала ныть, изображая недомогание, будто у меня что-то болит, а потом выходила на помост — и все хвори как рукой снимало — работала на все сто.

А порой мне казалось, что я и сама себя разыгрываю. Или, вернее, у меня была такая особенность организма, что перед днем соревнований он сам подсказывал, что нагрузку нужно максимально снизить, будто сам организм требовал передышки перед ответственным выходом. И Борис Васильевич, почувствовав

это во мне, стал перед стартами снижать нагрузку, чтобы дать мне и физически, и эмоционально передохнуть. И мы на этих тренировках все делали играючи, даже не вспоминая о том, что завтра, может быть, главный старт в моей жизни… И получив такую разрядку, на следующий день я выходила на помост, как натянутая струна, и «бомбила» на всю катушку.

Это все нюансы подготовки, которые вырабатываются годами совместного труда тренера и ученика. И тем не менее мне всегда хотелось узнать чего-то большего из опыта лучших гимнасток мира. Именно поэтому я с жадностью хваталась за книжки воспоминаний сильнейших гимнасток мира, каждый раз выискивая для себя ответы на новые вопросы, которые постоянно возникали. То это было связано с подготовительным процессом, с тренировками, то отношениями с личным тренером и тренерами сборной команды, отношением к самой себе, с психологией борьбы, то с какими-то тактическими ходами… Во многом благодаря этим книгам я поняла, как это важно, чтобы с тобой всегда был твой тренер. И как много от него зависит. Он должен досконально знать свою ученицу. И постоянно, на всех тренировочных сборах, обязательно должен быть с ней рядом, чтобы разрабатывать стратегию и тактику подготовки своей воспитанницы. По-другому просто нельзя: иначе и девочку можно загубить, и сборную, которая рассчитывает на эту спортсменку. А дальнейший результат не заставит себя ждать.

Но одно дело, когда тебя всему учит тренер, и совсем другое, когда ты до каких-то вопросов доходишь самостоятельно. Ведь в тот период я переживала еще и переходный возраст. И многое стремилась делать сама, не желая слушаться советов старших.

А это значит, не всегда следовала голосу разума, частенько поддавалась сиюминутным желаниям — вкусно поесть, не лечь вовремя спать, нарушить режим, не послушаться замечаний тренера, забывая о том, что это в нужную минуту может помешать, или позволяла себе расслабиться в компании, думая: «Да, ладно, пройдет». Хотя на самом деле у меня никогда и ничего просто так не проскакивало. И только с возрастом я стала понимать, что в большом спорте мелочей не бывает. И именно эти мелочи чаще всего и ложатся на чашу весов, когда спор идет на такие мелкие десятые и сотые балла.

Несмотря на то что у меня никогда не было проблем с лишним весом, я всегда знала, что должна контролировать его перед выступлением, держать вес на минимальном для себя уровне, чтобы потом было легче. Я довольно быстро поняла, что нужно ограничивать себя в еде, чтобы соревновательный вес был хотя бы на килограмм меньше обычного. На самом деле ты

сбрасываешь его уже непосредственно накануне старта автоматически, потому что нерв-ничаешь. Но лучше, если ты позаботишься об этом заранее, хотя бы для того, чтобы тебе самой потом было легче, чтобы была воздушность, ощущение полета, а не чувства, что ты еле ползаешь и пыхтишь под тяжестью собственного веса. Именно поэтому важно следить за тем, что ты ешь, как ты отдыхаешь, как проводишь свободное время, на что расходуешь силы и стоит ли это занятие того, чтобы тратить на него силы.

К счастью, в моей спортивной жизни было мало таких ситуаций, когда мой тренер не смог со мной куда-то поехать. Но был случай, когда я всерьез испугалась и задумалась над тем, что и мне стоит поберечь своего спортивного «папу», — все-таки пятьдесят лет разницы в нашем возрасте не шутка. Однажды мы выехали с ним на поезде в Ленинград, где проводился чемпионат России. Почему-то ехали в разных купе. Выходим в Ленинграде, а мне говорят, что Бориса Васильевича увезла «скорая». Как — «скорая»? Куда? Зачем? И у меня тоже сердце прихватило. Я в ужасе… Некоторые тренеры наперебой предлагали мне свою помощь. А у меня непроизвольно потекли слезы — с родным для меня человеком что-то стряслось, а я не могу быть рядом, потому что должна выступать на чемпионате. Ведь на этом турнире я должна работать не только за себя, за нас обоих, и мои оценки — это результат нашего совместного творчества. И по его результатам будет формироваться команда…

Я в истерике позвонила маме: мол, Бориса Васильевича увезли в больницу, я не могу без него нормально подготовиться к старту, у меня ничего не получается, я не смогу выступать. И мама, как верный и самоотверженный борец, в тот же день сорвалась сама, собрала моего белгородского хореографа Ларису и выехала в Ленинград. На утро следующего дня я, как обычно, вышла на тренировку, у меня по-прежнему ничего не получалось. Да еще страх за тренера прибавился. Кое-как что-то поделала и снова со слезами на глазах ушла из зала. Брела в растерянных чувствах по аллее и вдруг увидела, что навстречу мне шел… мужик в противогазе! Впервые за несколько дней я рассмеялась: ведь не было тревоги «Газы!» и погода стояла прекрасная… А потом посмотрела в сторону гостиницы и увидела на крыльце свою маму и Ларису. Я подумала, что это сон, ведь только вечером я плакалась маме в телефонную трубку, а она уже здесь. Да еще и с Ларисой. «Ну, слава богу! — обрадовалась я. — Родные люди рядом, значит, еще не все потеряно…» Забрезжил лучик надежды.

Они, чтобы отвлечь от грустных мыслей, потащили меня

гулять по городу. Но сначала позвонили Борису Васильевичу, и нам сказали, что ему гораздо лучше. После этого до конца дня мы гуляли, болтали, смеялись… А уже на следующий день я вышла на старт. Мама на меня вообще боялась смотреть. Раньше она ходила на все детские соревнования, в которых я выступала, болела за меня, помогала. А вот когда я уже выросла, в ней будто что-то перевернулось. И всякий раз, когда соревнования транслировались по телевизору, папа обязательно все внимательно смотрел, а мама находила себе тысячу дел на кухне, лишь бы не видеть, что и как я там вытворяю… И в тот день, в Ленинграде, когда я, воодушевленная ее приездом, вышла на помост, она хоть и была в спортивном комплексе, моральных сил, чтобы выйти на трибуны, ей не хватило.

И мама моей подружки Лены Грошевой в этот день взяла на себя роль связной. Моя мама скрывалась под трибуной, а Ленкина ей транслировала происходящее: «Люб, да все нормально. Прыгнула. Стоит. Выступила на брусьях. Четко, стоит. Вольные, Люб, стоит…» А потом как закричит: «Люб, она выиграла! Иди…»

В этот день я была на таком подъеме, что завоевала абсолютно все медали, которые там разыгрывались. И после этого поехала к Борису Васильевичу в больницу и ему, счастливому и довольному моим результатом, посвятила все свои медали этого чемпионата.

Я очень любила своего тренера. Конечно, у нас не все и не всегда было гладко. Когда друг с другом бок о бок проводишь многие месяцы, годы, десятилетия подряд, надоедаешь по полной программе.

И я никогда не поверю, что кто-то из спортсменов провел свое многолетнее общение с личным тренером без шероховатостей и конфликтов. Лет в семь — десять я, естественно, слушалась его во всем и у меня не было своего «я». Но я взрослела, и возникало недопонимание, особенно в переходном возрасте, когда он мне говорил одно, а я хотела все делать по-другому. А сколько раз ему приходилось выслушивать мои капризы, типа: «мне это плохо», «мне это не нравится», «я боюсь и не буду»… И он относился к этому спокойно, давая мне возможность самой наступить «на грабли». И любил приговаривать: «Пока тебя мордочкой в грязь не ткнешь, ты будешь стоять на своем. Зато потом быстро все понимаешь… Ведь я прожил уже столько лет, столько всего видел и вижу…» И я всякий раз с ним соглашалась, извинялась, и мы снова продолжали работать.

Но с возрастом я становилась все более и более упертой… Думала, что теперь мы уже и «сами с усами». Хотя до «самости» было еще ох как далеко! И я абсолютно точно знаю, что все мои

ошибки и проигрыши были только из-за того, что я шла поперек предложений своего мудрого тренера. К сожалению, понимаешь это только потом, когда взрослеешь и умнеешь.

Глава девятая
Роман с Олимпом

В 14 лет, выиграв чемпионат Европы, я получила почетное звание заслуженного мастера спорта России. А теперь в моем багаже был еще один чемпионат мира. После него я уже не боялась никаких травм и готовилась к Олимпиаде в Атланте как заведенная. Мне нужна была только победа. И зная, что лишние килограммы, набранные в ЦИТО (Центральном институте травматологии и ортопедии), не исчезнут сами собой, я всерьез занялась своим весом. Кроме того, я понимала: если поеду домой (а это было как раз накануне Нового года), то привезу оттуда еще «трешку» килограммов. И тут уж никакая сила воли не поможет, поскольку на праздник у нас всегда стол ломится от вкусных угощений, искусно приготовленных маминым и Юлькиными руками. И, естественно, я не смогла бы только смотреть на них.

Борис Васильевич вернулся в Белгород, а я осталась на «Круглом». Бегала кроссы, ходила в зал, делала подкачку на тренажерах, плавала, чуть подсушивалась в баньке и сильно ограничивала себя в еде. Вообще-то я люблю вкусно покушать и с удовольствием ем все, кроме морских ежей. Уже тогда я поняла, что особых ограничений в еде мне не требуется, разве что по количеству потребляемой пищи и хлеба. Пирожные и торты я и так не люблю. Из сладостей — только шоколад. Времени на восстановление у меня было не очень много — всего полгода. И хотя я была в команде в числе лидеров, мне буквально дышали в спину еще несколько гимнасток. Это Дина Кочеткова и Роза Галиева, с которыми мы были вместе еще в сборной СССР. Они обе — ученицы Аркаева. И он, естественно, лоббировал их интересы, когда, как представитель команды, распределял порядок выступления спортсменок на турнирах. А меня все время выпускали в первых рядах, хотя по расстановке сил в команде я была лидером, поэтому должна была выступать в конце. Но меня это не пугало, я шла как забойщица и, несмотря на это, показывала лучшие результаты в команде.

И тем не менее буквально до последних дней перед выездом в Атланту не было известно, кто точно будет выступать на Олимпийских играх. Ведь это была первая Олимпиада для России и российской сборной, и все старались заполучить себе место в команде. Конкуренция и интриги были жесточайшими. Каждый из спортсменов чувствовал себя как под микроскопом. Следили за каждым шагом друг друга. Особенно этим увлекались те, у кого

было меньше всего шансов попасть на Олимпиаду. Мы же все готовились в одном зале, и все могли видеть, кто выполняет задание полностью, а кто мухлюет. А замеченные недочеты специально обсуждали так громко, чтобы информация долетела до ушей главного тренера.

А уж он поступал с провинившимися по собственному усмотрению: кого карать, а кого миловать… И если кто-то из явных претендентов, не дай бог, сделал что-то не так либо попался на глаза с бубликом или еще какой-то сладостью, этот компромат тут же доносился до старшего тренера. Место в команде никому не было гарантировано. Отбор в нее шел все-таки по спортивным результатам: как правило, это происходило на чемпионате или Кубке России. Именно на этих соревнованиях и закручивались самые жесткие психологические игры. Там могли подстроить какие-то ситуации, пустить сплетни или сказать обидные слова перед самым выходом на помост — чтобы сбить тебя с ритма, чтобы у тебя что-то не получилось, чтобы ты психанула и уже не смогла успешно выступить. И у меня бывали такие ситуации, но я проявляла максимум выдержки, чтобы на них не реагировать. Ведь в этой психологической войне выживали сильнейшие. Меня это откровенно шокировало: я всегда любила честную игру. Но Пилкин научил меня погружаться в себя и не обращать ни на кого внимания. И вместе с тренером мы были сильны. Как показал чемпионат мира в Японии, я могла абстрагироваться не только от всего происходящего вокруг, но и от собственной невыносимой боли. Кроме того, все понимали, что Олимпиада — это не только престижный результат и звание, но и немалые призовые деньги.

Тем не менее на Кубке России я не старалась лезть из кожи вон. Мне казалось более разумным хорошо подготовиться к Олимпиаде. У меня был абсолютно новый элемент на брусьях, которого не делал еще никто в мире. И я должна была его досконально выверить, прежде чем вставлять в свою олимпийскую программу.

За месяц до начала Игр мы вылетели на предолимпийский сбор в американский город Джексонвил. Нужно было акклиматизироваться, привыкнуть к жаре, которая доходила до 40 градусов. Нас разместили в университетском городке. Удивительно, что там не оказалось нормального гимнастического зала — олимпийские снаряды расставили в обычном универсальном игровом зале. Это означало, что мы должны были ежедневно по несколько раз в день приземляться со всех прыжков на жесткую опору, а не на привычные смягчающие покрытия, которые мы использовали на тренировках, чтобы защитить от

ударов ноги и спины. Даже здоровому организму трудно было такое выдержать. Уже после нескольких тренировок из-за этих жестких приземлений и у меня, и у Алексея Немова, который одновременно со мной в ЦИТО лечил плечевой сустав (ему даже делали операцию), воспалились наши недолеченные травмы. Мы, естественно, стали сокращать нагрузки. Это заметил не только Аркаев, но и все недоброжелатели. Особенно когда мы стали отказываться от участия в контрольных «прикидках». И начались разговоры о том, что нас, лидеров сборной, вряд ли стоит ставить в команду, у нас ведь «болячки». Тогда на одном из построений Аркаев попросил меня и Лешку выйти из строя и перед всеми задал вопрос прямо в лоб:

— Вы сможете выступать в полную силу на Олимпиаде? Вы вообще сможете бороться?..

Мы уверенно ответили:

— Сможем!

Тогда он спросил у доктора:

— Вы берете на себя ответственность за их здоровье и подтверждаете, что они смогут бороться?

И доктор ответил:

— Я за них отвечаю! Они смогут!.. Они бойцы!

И мы с Лешкой облегченно выдохнули: нам дали карт-бланш.

В древности во время проведения Олимпийских игр прекращались все войны. В наши дни Олимпиада — это для многих экстремистов возможность заявить о себе, ведь в одном месте сосредоточиваются представители практически всех стран мира. Именно поэтому в последние годы, особенно после терактов 11 сентября 2001 года в США, на Играх принимаются беспрецедентные меры безопасности. Но в 1996-м, несмотря на бдительность охраны, вблизи олимпийской деревни все-таки прогремел взрыв. Мы были на тренировке, когда к нам в зал прибежали какие-то люди и сообщили, что неподалеку эвакуировали всех из зала по художественной гимнастике, поскольку кто-то предупредил, что там заложена бомба. Потом по той же причине последовала эвакуация всех, кто находился в пищеблоке. Но взрыв прогремел совсем в другом месте — в малом развлекательном комплексе, совсем рядом с олимпийской деревней. Не знаю, были ли там пострадавшие, но ощущение страха у нас появилось. И, естественно, после этого серьезно усилились меры безопасности. До олимпийской деревни, где находился дворец спорта по спортивной гимнастике, было не очень далеко. Но водители, которые возили нас в специальном автобусе на состязания, долго крутились по окрестностям, прежде чем доставить нас в зал. Уж не знаю, то ли они настолько плохо

знали улицы Атланты, что все время в них путались, то ли делали это специально, чтобы усыпить нашу бдительность, но уставали мы от этих переездов немало. И это тоже давило психологически. Причем происходило это исключительно с автобусами, на которых ездили российская и румынская команды — явные претенденты на медали.

С первых же часов на Олимпиаде развернулась отчаянная борьба в командных соревнованиях. Наши гимнастки, в том числе и я, показали хорошие результаты. Однако американки, вдохновленные поддержкой зрителей и присутствием на состязаниях президента США Билла Клинтона, с помощью судей, которые довольно беспардонно обеспечивали им улицу без светофоров и перекрестков, показали результат, значительно превышающий их объективные возможности, и стали олимпийскими чемпионками. Огромное напряжение командной борьбы сменилось неизбежным спадом в индивидуальных состязаниях. В программе многоборья я сорвалась со своего любимого снаряда (брусьев) как раз на том самом элементе, который я успешно опробовала накануне в России… После «штальдера» с поворотом на 360 градусов следовал перелет Шапошниковой с поворотом на 180 градусов с нижней жерди на верх-нюю. Это довольно известный перелет, который мы с тренером серьезно усложнили. Настолько серьезно, что до сих пор его не делает в соревновательных комбинациях ни одна гимнастка в мире.

Мы с Борисом Васильевичем пошли ва-банк, включив прямо накануне старта в мою программу на брусьях этот новый элемент. Мы всегда отличались смелостью. Кстати, ведь и прыжок, который я совершила в австралийском Брисбене, тоже назван моим именем… Да, мы сильно рисковали, поскольку у меня все-таки были шансы выиграть и абсолютное первенство. В то же время мы получили возможность проверить новый элемент для финальных соревнований на брусьях, чтобы уже там бить наверняка, рассчитывая на победу. Да, все медали в абсолютном первенстве достались тогда представительницам других стран. Но зато через день я с помощью этого же коварного элемента блестяще выполнила свою сложнейшую комбинацию на брусьях и опередила всех соперниц. И стала олимпийской чемпионкой! Несмотря на то что американские зрители, как и все предыдущие дни, кричали и топали так, что спортивный помост во время моего выступления ходил ходуном. На сей раз им не удалось мне помешать и сделать так, чтобы американцы стали лучшими.

В прессе потом писали, что нужно было обладать недюжинной психологической устойчивостью и большой силой

воли, чтобы через день на этом же снаряде никому не оставить шансов на победу. И что золотая медаль Хоркиной оказалась единственной наградой у российских гимнасток в личных соревнованиях.

Ну не стала я тогда абсолютной чемпионкой, и что с того? Зато выиграла точно такую же олимпийскую медаль на брусьях. И достоинством она ничуть не ниже, и звание и почести приносит такие же. Главное, что Олимп был-таки покорен. А может быть, это было и к лучшему, что я не стала тогда абсолютной чемпионкой Олимпийских игр. Ведь завоюй я тогда медаль в абсолютном первенстве, глядишь, на этом моя спортивная карьера и закончилась бы: ведь мечта осуществилась и стремиться больше некуда. И я ушла бы из спорта.

А как же, — спросите вы, — те семь олимпиад, на которые я замахнулась, когда делала только первые шаги в сборной СССР? Ну, прежде всего, мне тогда казалось, что Олимпиады проводятся каждый год. И я еще понятия не имела о том, какая это сумасшедшая психологическая нагрузка — Олимпийские игры. Но уже после первой победы я думала, что на большие подвиги меня уже не хватит. Однако тогда, после Атланты, я даже не предполагала, что мой роман с Олимпом затянется еще на целых восемь лет! И что я побью все существовавшие до меня в спортивной гимнастике рекорды.

Мы закончили свое выступление на Играх, но Олимпиада еще продолжалась. И у нас оставалась целая неделя на развлечения. Уж мы побесились в Атланте! Исколесили ее вдоль и поперек. А что вытворяли в «Six flags»! Это своего рода Диснейленд, там замечательный комплекс с горками — петли, накрученные одна на другую. И мы там, заведенные всеобщим ажиотажем, хотели бесконечно летать и орать, как обычные посетители. Нам-то, конечно, не было страшно, мы и не к таким кульбитам привыкли. Но там все кричат, поэтому и мы за компанию наорались. На этих аттракционах мы просто «зависали» — не было, пожалуй, ни одного, который мы бы не посетили. А все эти игровые автоматы, развлекательные комплексы — для нас это было в диковинку, а там, в Америке, все абсолютно доступно. Особый кайф мы испытывали оттого, что нас на каждом шагу узнавали и просили автографы, причем не только американцы, но и туристы со всего мира. Ведь мы были героями Олимпиады!

Кстати, только совсем недавно я узнала от известного тележурналиста Владимира Владимировича Познера, что для Штатов большое количество толстых людей стало настоящей проблемой: порядка 60 процентов населения страдает от ожирения, причем американцы не просто толстые — они

огромные. Нам все время говорят о том, что здесь многие увлекаются здоровым образом жизни, ходят в фитнес-клубы, бегают в парках. На самом деле, и мы это видели, бегают в Штатах далеко не все, хотя это очень распространено. А увлечение спортивным образом жизни, как ни странно, стало классовым признаком. «Стройная и худощавая» Америка, которая правильно питается, не курит, бегает, следит за собой, — это Америка образованная и хорошо оплачиваемая, то есть высший класс. Америка «толстая» — та, что ест «фаст-фуд», пьет пиво в больших количествах и не занимается спортом, — это Америка рабочая, низший класс. Ведь если посмотреть, как они едят, просто в ужас приходишь от размеров их порций. И их никто и ничто не может убедить есть поменьше, даже тот факт, что в США модно быть стройным и на это работает гигантская индустрия похудения. Но все это их как будто не касается. Хотя, мне кажется, каждый в Америке понимает: если хочешь преуспеть, ты не должен так выглядеть. Ты должен следить за собой и своей внешностью.

Олимпийская деревня в Атланте и в самом деле напоминала огромную деревню, хотя и не была одноэтажной. И по сравнению с другими «деревнями», в которых я потом жила в Сиднее и в Афинах, она мне понравилась больше. Национальные делегации разных стран были размещены по разноцветным зонам. Россияне жили в голубой, украинцы — в желтой и так далее. Мы с украинцами были соседями. После завершения нашей олимпийской программы мы устроили себе «расслабуху» в полный рост. Накал борьбы был столь велик, а захлестнувшая нас радость — такой бурной, что нужно было полностью расслабиться, чтобы потом начинать новую жизнь с чистого листа. Мы столько лет шли к этой вершине, отказывая себе во многих удовольствиях, что теперь, достигнув ее, могли «оттянуться»: по-черному нарушить режим и даже злоупотребить алкоголем. В ход шло все: горилка, водка, шампанское, вино, виски — у кого что было припасено. И коктейль получился зверский. Мы гуляли с русским размахом, не задумываясь больше ни о чем, — главное, что у нас в команде были золотые олимпийские медали: наши мальчишки стали золотой командой, у Немова было и «золото», и «серебро», и «бронза», девчонки получили «серебро» в команде и у меня были «золотые» брусья. А потом к нам присоединились чемпионы и в других видах спорта. И все понимали, что на русской улице — большой праздник.

Это гуляние продолжалось и в самолете, когда мы больше десяти часов летели в Москву. Наш самолет, по-моему, летел не горизонтально, а переваливаясь то вверх-вниз, то из стороны в

сторону. Даже командир корабля несколько раз во время полета обращался к нам с просьбой: мол, ребята, я, конечно, все понимаю, победа есть победа, но вы бы все-таки рассредоточились по всему салону, а не собирались все в одном месте, а то у нас постоянно хвост вниз заваливается… Для меня это гуляние стало своеобразным испытанием на прочность. Вообще-то я крепких напитков не пью. В винах мы тогда не разбирались, шампанское изредка могли себе позволить в дни рождения, и то по капельке. Обычно перед днем отдыха (как правило, в субботу после бани) я могла выпить немного пива. Я, между прочим, до сих пор ненавижу водку. А тогда вообще многие крепкие напитки попробовала в первый раз. Но и олимпийская победа у меня была в первый раз! И на волне этих эмоций я просто не ведала, что творила. Почти у каждого кресла мне наливали и поднимали тост за мою победу! Где-то во второй половине полета я, решив прогуляться до туалета, просто не смогла до него дойти — свалилась. Это меня, видимо, и спасло. Поскольку к моменту прилета в Москву я успела проспаться и немного прийти в себя. А то меня бы пришлось, наверное, из самолета выносить. И что бы подумала моя мама, увидев меня в Шереметьево в таком виде! Остальные, кстати, в итоге тоже выходили на своих ногах.

Тогда я для себя твердо решила, что со спортом завязываю. Наконец-то серьезно займусь учебой, буду, как все нормальные юноши и девушки, ходить на занятия в университет. Как раз накануне Олимпиады я экстерном сдала все хвосты за 10–11-е классы, выпускные экзамены и успела поступить в Белгородский университет на спортивный факультет. Конечно, мне, как уже именитой спортсменке, пошли навстречу: по правилам, мастера спорта при поступлении сдавали только один экзамен — сочинение. Ну а поскольку я не могла это сделать вместе со всеми (должна была уезжать на предолимпийский сбор), меня посадили в аудиторию, где писали сочинение абитуриенты, поступавшие на литфак. Несмотря на то что меня предупредили об особой строгости преподавателей на этом факультете, я, естественно, запаслась шпаргалками. И когда объявили темы, перекрестилась от счастья — такие темы у меня были. Выбрала сочинение по пьесе Горького «На дне». А вот моя соседка по парте решила писать про войну. Вижу: девчонка растерялась.

Я порылась в своих «шпорах» и нашла ту, что требовалась ей по военной теме. И, прикрывая друг друга, мы бросились списывать. Моя операция прошла успешно: поступила. Надеюсь, что и моя соседка тоже.

И когда я вернулась после Атланты в Белгород, то поняла,

что правильно сделала, сдав все экзамены до Олимпиады. И во время победной эйфории мне уже не нужно было изыскивать возможности уединиться, чтобы сесть за учебники. Как в Москве, так и в Белгороде на разных уровнях чествовали героев Олимпиады. В столице меня называли национальной звездой, постоянно приглашали на какие-то встречи и вечера в клубах. В Белгороде прямо на перроне встречали с оркестром и на лимузине катали по всему городу: везде на улицах стояли люди с цветами и флажками. Губернатор устроил прием, было море подарков. Ведь это была первая золотая олимпийская медаль для города.

Потом всех сильнейших гимнастов мира собрали в США на гимнастическое супершоу, с которым мы проехали по самым крупным городам Соединенных Штатов, выступая в лучших спортивных комплексах и огромных концертных залах. От России поехали я и Алексей Немов. Я даже не представляла себе, что в США настолько популярна гимнастика. Это был настоящий гимнастический бум: люди ломились в залы. Поверьте, это были не пяти— или десятитысячные залы, а гораздо более вместительные. Я не знаю, сколько стоили билеты. Но думаю, что тоже недешево. За все то время, что мы гастролировали, я не видела ни одного пустого места в зале. И это зрелище стоило того, чтобы его посмотреть. Оно было поставлено мастерски: мы в ярких красочных костюмах, эффектная музыка, свет, голография. Участвовавшие в нем спортсмены — чемпионы по спортивной и художественной гимнастике, акробатике — чувствовали себя еще и артистами. Это было эффектное зрелище с элементами риска и в то же время театрализованное шоу. И оно будоражило и захватывало зрителей. Не случайно после каждого представления мы часами стояли в зале, окруженные восторженной публикой, и раздавали автографы. Причем это было не только данью уважения к своему зрителю (которого я всегда очень ценила и любила, никогда не обходя вниманием), но и одним из важных пунктов наших контрактов. Мы должны были раздавать автографы в течение часа после окончания шоу, но фактически делали это до последнего зрителя.

В Америке эти программы проходили просто «на ура». И в плане зрительского интереса, и в плане организации. Мы всегда выступали в лучших залах, жили в отличных гостиницах и ездили на шикарных комфортабельных автобусах, в которых можно было жить: там тебе и полки-кровати, как в поезде, и кухня, чтобы поесть, и телевизор, и музыка, и кондиционер, и туалет. Предусмотрено все и на все случаи жизни. Жаль только, что у организаторов этих шоу не хватило пороха на то, чтобы

продолжать их и дальше, находить свежие идеи для сценариев, постановок и оформления.

И уже после афинской Олимпиады шоу чемпионов не проводилось.

А ведь эти шоу-программы, а также этапы Гран-при и Кубка мира помогали нам, чемпионам, неплохо заработать. Причем не только для себя, но и для нашего спортивного руководства и федерации. Ничего не поделаешь — такова спортивная жизнь: тебя вырастили, воспитали, вывезли на Олимпиаду, а теперь и ты должен поработать на тех, кто стоит у руля российского спорта.

И мало кого волнует, что спортивный век короток, и ты не знаешь, что ждет тебя потом, сможешь ли найти достойное место в жизни и обеспечить себе спокойную старость. У западных спортсменов с этим было гораздо лучше. Они зарабатывали на рекламе и коммерческих турнирах, вкладывали эти средства в бизнес, и это позволяло им впоследствии жить припеваючи, не зная забот и тревог.

Впрочем, мы не были настолько избалованы радостями жизни, для нас и такие заработки были большим подарком. Мы были рады уже тому, что нам платили стипендию, что мы жили на сборах на полном обеспечении, имея возможность с утра до ночи тренироваться. А уж выиграв Олимпиаду в 1996 году и получив премиальные (тогда Международный олимпийский комитет в первый раз стал выплачивать за золотую медаль по 50 тысяч долларов — по тем временам очень приличные деньги), я смогла купить себе норковую шубу. Руководство города и области подарило мне шикарную на тот период машину — 99-ю модель «Лады». До покупки собственного дома я тогда еще не доросла. Да и зачем мне был дом в Белгороде? Ведь большую часть времени я жила в Москве, в общежитии, и тогда не было со мной рядом никого, кто смотрел бы вперед, на перспективу. Я могла позволить себе покупать модную дорогую одежду. И на эти немалые средства мы уже могли нормально жить, не ограничивая себя. Хотя мои родители — люди старой закалки — привыкли жить скромно и меня никогда особенно не баловали. Тем не менее у меня всегда было все необходимое. Я росла в нормальной русской семье, где знают цену деньгам, понимают, как они зарабатываются и как их надо тратить. Тогда же мы с родителями решили положить большую часть премиальных на банковский счет, и они до сих пор там лежат. Я жила в Москве достаточно скромно на свою зарплату, периодически переправляла что-то родителям. И нам всегда хватало.

Постепенно стихли все празднества, связанные с чествованием героев Олимпиады, наступила осень, и я с

удовольствием начала ходить на занятия в университет. На лекциях я долго удивлялась, как это студенты успевали так быстро записывать за лекторами.

Я пыталась писать сокращенно, но уже не следующий день не могла разобраться в своих конспектах. Пришлось брать тетради у однокурсников и заново все переписывать. На спортивных занятиях я проходила азы других видов спорта, даже в баскетбол научилась играть. Так прошла неделя, вторая, третья, месяц. И, поверьте, мне нравилось учиться, но все-таки я почувствовала, что мне чего-то не хватает, я как будто не в своей тарелке.

Ставлю видеокассету с записями своих выступлений на разных соревнованиях, смотрю ее и плачу. Мама вернулась с работы, а я чуть ли не в голос рыдаю, даже не стараясь сдержать слез. Она испуганно спросила: «Что случилось?» И в этот момент из динамика телевизора прозвучало: «Первое место — Светлана Хоркина…»

А дальше шла запись пресс-конференции, где Аркаев комментировал мое желание завершить спортивную карьеру. Он твердо убежден, что Хоркина поторопилась с этим решением, что как гимнастка она еще не полностью раскрылась и только-только начала понимать, что такое вкус победы, что такое слава… Но ведь я тогда и сама не знала, что мой потенциал еще настолько велик.

Я осуществила свою детскую мечту, но не до конца осознавала, как сильно влюблена в гимнастику. Я еще не попробовала всех изысканных блюд, не наелась нагрузками и психологическим стрессами, да и самой гимнастикой. Я не могла знать тогда, что такой долгой разлуки мое сердце не выдержит.

«Соскучилась?» — спросила мама, утирая мои слезы. Я вместо ответа только закивала головой, потому что у меня снова из глаз покатились слезы. «Ну что ж, — сказала она, — пойдем собирать вещи, поезжай на „Круглое“. Молодняк там наверняка уже вовсю тренируется…»

После этих слов мою депрессию как рукой сняло. Мамуля всегда точно знала, что и как мне сказать, чтобы я воспрянула духом. Быстренько собрав шмотки, я рванула на «Круглое». И одновременно со мной туда приехала моя подружка — Ленка Грошева. Мы снова поселились вместе. И вместе возобновили тренировки после полуторамесячного перерыва. Соскучившись по нагрузкам, мы хотели выполнять все на равных с остальными. А на следующее утро еле-еле сползли с кровати — все мышцы до единой болели. Ковыляя, как инвалиды, и смеясь (мы ведь были еще и пухленькие, как колобки: за время отдыха набрали килограмма по три), побрели в зал. И всю тренировку дурачились

с нашим тренером-хореографом Мариной Васильевной Булашенко. Она, конечно, как женщина, понимала, насколько тяжело нам было возвращаться, после того, как мы вкусили свободы «на гражданке», оттянулись по полной программе. Мы смеялись над собой и над своим рвением, вспоминали веселые истории из прошлой, доолимпийской жизни. Вспоминали, как она нас иногда запугивала, какую твердость проявляла, чтобы мы выполняли то, что она просила. И как потом она нас расслабляла и восстанавливала.

На этих страницах я хочу выразить ей свою благодарность за терпение, понимание и почти материнскую любовь, которой она нас тогда окружила. Именно Марина Васильевна очень помогла мне, когда я еще совсем маленькой попала в сборную СССР, почувствовать себя уверенно на бревне. Когда она давала нам тренировки с утяжелителями (это такие грузики, которые прикрепляются как манжеты на голеностопе и запястьях), взрослые гимнастки успевали расхватать легонькие, а мне доставались самые тяжелые. Но не могла же я выступать с претензиями против старших. Приходилось тренироваться с этой тяжестью на руках и ногах. Марина Васильевна все это, конечно, видела и восхищалась моим терпением. Она оставалась после тренировок, и мы с ней могли отрабатывать многие упражнения индивидуально. Как сейчас помню те конфетки «Чебурашка», которые она вставляла мне в кисти между указательным и безымянным пальцами для «запоминания» правильной балетной постановки руки. Естественно, после этих мучительно-соблазнительных тренировок на бревне, меня ждал сладкий приз — «Чебурашки» отправлялись в рот. И благодаря этой «сладкой жизни», которую устроила мне Марина Васильевна, я довольно быстро «надрессировалась» на бревне, в движениях появилась какая-то особенная красота и своя индивидуальная линия.

Вообще всю спортивную жизнь бревно меня напрягало. Я ведь была девочкой высокой, длинноногой. А это означало, что центр тяжести у меня довольно высоко и мне труднее остальных стоять на бревне и держать равновесие. Но мы решили, что я вполне могу сражаться в многоборье, не слишком зацикливаясь на других снарядах и имея аккордную точку на брусьях.

Одна забавная история, приключившаяся со мной в марте 1997 года в Лозанне, куда я приехала в составе делегации национального олимпийского комитета, на долгие годы внесла загадочную интригу в мою жизнь. Хотя начиналось все достаточно прозаично. Мы, известные российские спортсмены, олимпийские чемпионы и официальные представители страны, проводили презентацию Санкт-Петербурга на конкурсе городов,

претендовавших на право принимать у себя летние Олимпийские игры 2004 года. Будучи еще новичками в спортивной дипломатии, в ее официальных и закулисных играх, мы посеяли тогда зерна, взошедшие только через десять лет. В 2007 году Сочи смогли выиграть претендентскую гонку и стать столицей зимних Игр 2014 года.

Как-то в свободный вечер, после очередного выступления, мы с моей подругой Юлей Бордовских решили поужинать в одном знаменитом лозаннском ресторане. Идти нужно было по набережной красивого озера, а я была одета слишком легко для вечернего променада. Но меня это не очень испугало: пойдем быстрым шагом, не замерзну. И вдруг Юля увидела своего приятеля и спросила меня:

— Ты не против, если я приглашу вон того симпатичного молодого человека в нашу компанию?

— Да с удовольствием, — рассмеялась я. — Мужчина наше общество только украсит. А ему еще и позавидуют, что он пришел поужинать сразу с двумя симпатичными дамами.

Кирилл оказался не только приятным компаньоном, но и галант-ным джентльменом: как только мы оказались у озера, он набросил на мои озябшие плечи свое легкое кашемировое пальто. В ресторане мы тут же заказали себе согревающего глинтвейна и стали живо обсуждать предстоящую презентацию. После ужина, раскрасневшиеся, сытые и довольные, вернулись в отель.

На следующий день мы неплохо выполнили свою задачу, но молодая Россия тогда была еще не в состоянии потянуть такой груз, как Олимпиада. И хотя я блестяще выступила с пламенной речью на чистом английском языке, право провести юбилейные Игры предоставили стране, где Олимпиада зародилась, — Афинам. Тогда я, конечно, не предполагала, что именно Афины станут последней ступенькой в моей спортивной карьере.

К сожалению, в Лозанне мы должны были расстаться с моим новым знакомым. Он улетал в Санкт-Петербург, где тогда жил и работал. А я возвращалась в свои пенаты — на «Озеро Круглое». Тогда же в Лозанне Кирилл сделал мне сумасшедший по тем временам подарок — мобильный телефон, чтобы в любую минуту, когда мне понадобится его помощь или просто моральное участие, я могла с ним связаться. Таких благородных ухаживаний в моей жизни до тех пор еще не было.

Мы часто созванивались, при любой возможности он прилетал в Москву, чтобы поддержать меня на чемпионатах и Кубках России, бывал в группе поддержки на чемпионате Европы в Питере и Москве, а потом и в коварном Сиднее. Он всегда оказывался рядом, как в самые трудные, так и в самые счастливые

мгновения моей спортивной жизни.

Хотя лично я в то время, как никогда, активно занималась делами спортивными, а не амурными. Смех смехом, но мы понимали, что уже не за горами чемпионат мира в швейцарской Лозанне. И я четко осознавала, что именно в Швейцарии должна сделать сверхмощный рывок, показав гимнастическому миру, что вернулась и готова к бою. Мои соперники тоже не дремали. Но козыри, которые мы заготовили с Пилкиным, придавали мне уверенности.

В командных состязаниях мы стали вторыми, и я завоевала право выступать в абсолютном первенстве. Вместе со мной это право получила Лена Продунова, воспитанница Аркаева. Перспективная была девчонка, очень прыгучая и с шикарной шевелюрой. Жаль только, что в голове у нее был ветер, и эта легкомысленность все время выбивала ее из тренировочного графика. Она как-то несерьезно ко всему относилась, не осознавала своих возможностей. Но тогда я думала, естественно, не о ней, а о своем собственном выступлении. Я была готова к жесткой борьбе, и дело было лишь за жребием.

И вот в «абсолютке» мне выпало начинать с бревна. А бревно для девушек — самый коварный вид состязаний (у мужчин это конь, на котором исполняют упражнения на руках и всевозможные махи). Бревно требует предельной собранности и концентрации внимания. Стоит на секунду отвлечься — и все. В лучшем случае — ты на полу, стоишь под ним и обнимаешь, как родного человека. Поэтому главной задачей для меня было пройти бревно. Я видела преимущество в том, что с него начинаю: голова свежая, борьбой не утомленная, можно сконцентрироваться и пробежать его на одном дыхании. У меня на бревне был фирменный элемент — фляк 360, который я выполнила первой в мире (об этом все знают, но моим именем его почему-то не назвали). И я его сделала, так же как и все остальное, — на одном дыхании. Хотя по результату я оказалась не в первых рядах, вольные, где я исполняла еще один авторский козырь — прыжковый элементик (махом одной ноги вперед с поворотом на 540 градусов в лежку на живот), тоже названный моим именем, приподняли меня в протоколах чуть выше. Отрыв от лидеров был вполне приемлемый. Я рассчитывала преодолеть его на последнем снаряде, поэтому большого значения этому не придавала, зная, что заканчиваю брусьями. А на брусьях у меня почти гарантированная фора в две десятых балла. Я четко прыгнула свой именной прыжок — 4101 — и переместилась уже на третью позицию. Оставались только брусья, где были сплошь мои фирменные элементы. И я отработала их просто супер,

впервые став абсолютной чемпионкой мира. Затем выиграла еще одно «золото» на брусьях, «серебро» на бревне и «бронзу» в вольных.

Кстати, до сих пор редкие гимнастки включают некоторые из моих именных элементов в свои программы. На бревне делают, а на вольных нечасто, разве только прыжок, даже еще усложняя.

А вот брусья, увы: чтобы делать мои элементы, нужно обладать супертехникой и легкостью исполнения, а также разобраться в схеме моих элементов на брусьях. Вот это, как оказалось, самое сложное. Понять, как это делается, просто нереально, хотя делается вообще-то легко — в этом как раз и состояла хитрость моего наставника.

Собрав такой богатый урожай медалей, я задумалась: а ведь на самом деле Аркаев был прав, сказав, что я не раскрылась. И этот вывод чрезвычайно повысил мою веру в собственные силы, в то, что я действительно только в начале своего большого спортивного пути. Тогда я с еще большим усердием, чем перед Олимпиадой в Атланте, отдалась работе. И как будто открылось второе дыхание: ничто уже не могло остановить меня на пути к новым спортивным вершинам. Кубки, чемпионаты России шли своей чередой, став проходящими контрольными стартами, где я по традиции представляла и обкатывала свои новые элементы.

Но, пожалуй, стоит остановиться на одной мрачной странице, датированной 1998 годом. Тогда в Нью-Йорке проходили Игры доброй воли. Именно там гимнастка-китаяночка сломала себе шею, и ее унесли с помоста на носилках… Мы потом анализировали, размышляли: почему произошла эта трагедия? Думаю, все дело в том, что она во время исполнения опорного прыжка немного растерялась. Мой тренер постоянно твердил мне: никогда не останавливайся на полпути и не передумывай. Лучше делай все до конца. Любые остановки и размышления во время исполнения сложных упражнений чреваты серьезными последствиями. Жалко девочку. У нас тогда все, слава богу, обошлось, мы получили свой комплект медалей, а я в очередной раз выиграла брусья. И моя победная серия продолжилась на чемпионате Европы, этапах Кубка мира. Честно говоря, я уже даже не помню, сколько раз становилась обладательницей Кубка мира, — раз «сто», наверное. Мне проще сказать, где я проигрывала, — это как-то еще помнится. Вообще этот год стал моим безоговорочно. А вот следующий — 1999 год, когда мировое первенство проходило в Китае, стал смотром основных сил перед Олимпиадой в австралийском Сиднее.

Глава десятая
«Роман с прессой»

С самого начала спортивной карьеры меня полюбили журналисты. Может быть потому, что я всегда была открыта для прессы и никогда никому не отказывала в интервью. Но для всех было непререкаемое правило: все разговоры с масс-медиа только после соревнований. Я всегда говорила журналистам:

— Ребята, до соревнований даже не пытайтесь меня о чем-то спрашивать, я вам ничего не скажу. А вот после завершения состязаний — хоть на части меня рвите!.. Буду отвечать на любые вопросы и ровно столько, сколько вам нужно. И говорить о чем угодно, хоть до ночи. Но до старта и во время состязаний — не трогайте меня! Мне нужно сконцентрироваться и качественно сделать свое дело, а не отвлекаться. И сразу после финиша мне тоже необходимо какое-то время, чтобы прийти в себя от накала борьбы.

И это правило распространялось на всех без исключения. Бывало, что кто-то попадался мне под горячую руку, и я очень резко отвечала. Но на меня не обижались. Да и правильно, сами нарвались.

Со временем журналисты привыкли к тому, что накануне состязаний я была холодна и неприступна. Но этот образ изменялся, как только соревнования заканчивались и я остывала от накала борьбы. Как правило, о спорте пишут одни и те же лица, представляющие крупнейшие издания страны. Мы очень быстро перезнакомились, и все они знали, когда можно меня теребить, а когда нет. Их отношение ко мне всегда было хорошим. Конечно, была и критика, но я ни на кого не обижалась. По мне всерьез «проезжались», когда я позволяла себе проигрывать на российских соревнованиях, говорили: «Хоркина сложила крылья и падает вниз…» Но я не стремилась ничего опровергать и посвящать в свои тактические ходы, ведь именно на этих стартах опробовались новые упражнения и элементы, которые иногда не получалось сделать чисто. Это была наша творческая кухня. Я проходила эти турниры как обыкновенную контрольную тренировку. Уже не нужно было бороться за какое-нибудь десятое звание чемпионки России. Зато на международных соревнованиях я занимала высшую ступень пьедестала почета, и снова в мой адрес неслись восторженные слова в многочисленных статьях и репортажах.

Со временем и журналисты разобрались в нюансах

подготовки, у нас установились уважительные отношения. Понятно, что мы нужны друг другу, поскольку делаем общее дело: я даю информацию для их материалов, а от них получаю возможность расширенного контакта с публикой. Они рассказывают читателям, любящим гимнастику, о моей работе, моих выступлениях, поступках и мыслях. Они создают мой образ, формируют определенное мнение обо мне у людей.

В 1994 году на пресс-конференции по итогам Игр доброй воли в Санкт-Петербурге был случай… В зале было много знакомых журналистов, но также много и незнакомых. Как обычно, мне задавали разные вопросы и о ходе борьбы, и о нюансах подготовки, и о соперницах, и о планах. Вдруг встает молодой человек и спрашивает:

— Светлана, а вы читали «Лолиту» Набокова?

Поначалу я даже немного растерялась: к чему это он? Мы же не на светском рауте. Он что, хочет меня унизить, понимая, что спортсменки подчас зациклены на тренировках и состязаниях, а на развитие личности ни времени, ни сил уже не остается? Да, у меня были пробелы в образовании, я не прочитала к тому времени все книги, которые входили в школьную программу или были модными у молодежи. Но и это набоковское произведение в программных списках не встречается. Ишь ты, какой эрудит выискался! Опытные журналисты, сидевшие в конференц-зале посмотрели на него с недоумением. Уж они-то понимали, что спортсмены, во многом в ущерб самообразованию, уделяют повышенное внимание и отдают все свое время тренировкам, добиваются спортивных высот не только для себя, но и для своей страны. А непрочитанные в юности книжки всегда есть возможность прочитать чуть позже, во время отдыха или после завершения спортивной карьеры. Кроме того, в зале сидели иностранные журналисты, которые также ловили всю информацию и готовы были раздуть сенсацию на весь мир. Я тогда не стала говорить этому парню, что задавать подобные вопросы своим спортсменам на международных пресс-конференциях некорректно, но ответила ему очень резко:

— Вы знаете, «Лолиту» я не читала, а вот Дюма перечитала всего!..

Парнишка понял, что сел в лужу, а после пресс-конференции подошел ко мне и извинился. Но я все равно была благодарна ему, потому что, вернувшись в гостиницу, попросила друзей купить мне набоковскую «Лолиту». А уже при следующей встрече, несколько месяцев спустя, сама подошла к нему и сказала:

— А «Лолиту»-то я все-таки прочитала.

Он улыбнулся, и мы расстались друзьями.

Я никогда не стеснялась того, что чего-то в жизни или в образовании не успевала, но старалась по мере возможности нагонять.

И до сих пор наверстываю и устраняю пробелы в своем интеллектуальном багаже, читая десятки новых книг. Заниматься самообразованием никогда не поздно. Главное, чтобы у человека было желание познавать новое. А у меня оно всегда есть.

Не боялась я говорить об этом и с журналистами. Не стеснялась и того, что иногда обо мне напишут не в лучшем свете. Всегда относилась к этому философски. К сожалению, большинство людей интересуется не интеллектуальными изданиями, а желтой прессой. Но я понимаю интерес нашего народа к тому, кто как живет, кто сколько зарабатывает, на что тратит свои деньги, кто на ком женат, кто с кем закрутил роман, кто развелся, у кого и от кого дети рождаются. Кто-то завидует, кто-то ставит себе цель добиться того же. Публичные личности становятся жертвами собственной популярности, страдают от нее и поделать с этим ничего не могут. Это оборотная сторона популярности и славы, с которой неоднократно приходилось сталкиваться и мне. Всегда находились люди, которые что-то придумывали и додумывали, с кем-то сводили меня или разводили, приписывали бесконечные романы и похождения.

Я лишь посмеивалась, читая эти, якобы мои, откровения.

Удивительные слова написала про меня в свое время в газете «Спорт-экспресс» Елена Вайцеховская — сама в прошлом известная спортсменка, занимавшаяся прыжками в воду, и дочь известного тренера по плаванию: «Есть спортсмены, которых в глубине души не любят аналитики. Потому что своими достижениями они часто опровергают многолетние научные выводы. Например, Светлана Хоркина. Гимнастка, выделяющаяся из общего ряда чемпионок, как экзотический цветок, который вырос на грядке с огурцами. Когда она впервые обратила на себя внимание специалистов в начале 90-х, многие не рискнули предсказать ей спортивное долголетие. И были, наверное, по-своему правы. Поскольку задолго до появления Хоркиной вывели некий эталон современной гимнастки: маленький рост, накачанная спина, короткие ноги, неимоверные резкость и прыгучесть. Длинные ноги и высокий рост — конечно красиво, но не для гимнастики.

Хоркина и ее тренер Борис Пилкин позволили себе с этим не согласиться и доказать обратное. Но даже перед Играми в Атланте 4 года назад спортсменку воспринимали скорее как исключение, подтверждающее основные постулаты. И ждали, что она уйдет, — слишком большой ценой давалась

конкурентоспособность.

Светлана не ушла. Более того, на фоне полностью сменившегося поколения спортсменок, опровергла еще одну теорию, утверждающую, что прогресс в гимнастике возможен в 16, ну в 17 лет, но никак не в 20 с лишним. Комбинации, показанные в «Олимпийском» (на чемпионате России, проходившем накануне Олимпиады в Сиднее. — *Х. С.*), тому свидетельство».

Я столько много узнавала про себя в прессе… Меня давно уже не удивляло, когда одни писали обо мне, как о талантище и красавице, а другие называли стервой и грубиянкой. Я никогда ничего не отрицала, соглашалась со всеми характеристиками, которыми меня так щедро одаривали и поклонники, и недоброжелатели. Я же не золотой червонец, чтобы нравиться всем. Кроме того, своей стра-стью к рискованным поступкам часто сама провоцировала прессу. Вспомним хотя бы 1997 год, когда я согласилась позировать для «Плейбоя». Это была забавная история. В то время, когда я вернулась на «Озеро Круглое» и приступила к тренировкам, произошел такой телефонный разговор:

— Светлана, вам, наверное, много раз говорили, что у вас шикарная фигура?!

— Говорили. А кто это звонит? — удивилась я необычному началу разговора.

— Мы хотим сделать вам неожиданное предложение. Мы — это журнал Playboy. Давайте встретимся, мы покажем вам наш журнал, посмотрите, какие известные женщины становились участницами наших фотосессий, и насколько красиво и пристойно это выглядит.

— А давайте!.. Как раз у меня скоро выходной. Я подъеду к вам, и мы все обсудим.

Буквально через час раздался еще один телефонный звонок:

— Свет, привет! Это Наташа Землякова.

Я расслабилась: Наташа — моя давняя приятельница-журналистка, с которой мы сделали не одно забавное интервью. И работа с ней всегда оставляла благоприятное впечатление.

— Ну, ты готова сниматься для Playboy? Тебе, наверное, уже звонили. Не пугайся, я буду писать текст, а снимать будет мой муж — Тимур Гриб (к сожалению, некоторое время спустя они развелись. — *С. Х.*).

Тогда я подумала: «Раз своя „тусовка“, тем более профессиональная, подставы никакой не будет и качество гарантировано. На самом деле, что я теряю: мне семнадцать лет, я молодая и рисковая, слава богу, фигура у меня без изъянов.

Рискну приключения ради». И отправилась на эту встречу.

Мне предложили сниматься топлес, обещали, что все будет эффектно и очень красиво. Кроме того, за эту работу причитался вполне приличный гонорар. Я согласилась, но родителям ничего не сказала. Мне было любопытно надеть красивое, сексапильное платье, а потом снять с себя почти все и оказаться перед объективом камеры.

Ребята меня сразу предупредили, что съемочный процесс будет длительным — работать будем примерно два дня, и, чтобы мне не возвращаться заполночь на «Озеро Круглое», а рано утром не приезжать снова, они предложили мне пожить пару дней в их квартире. И мы, отработав полный день в студии, вечером приезжали к ним домой, вместе ужинали, а потом долго обсуждали, что у нас получилось, а с чем еще нужно будет поработать, смеялись и искали новый образ…

Меня захватил этот процесс переодевания и позирования: во время съемки я чувствовала себя как рыба в воде. Тогда я даже была готова сниматься в кино с эротическими сценами, если это будет интересно и захватывающе. Тем более что и гонорар за подобные «откровения» запрошен был бы соответствующий. Конечно, сегодня я уже выросла их этих штанов. И мне это неинтересно. Но тогда…

Самое главное, что результат получился очень эффектным. Маме эта публикация понравилась. И даже Аркаев, когда открыл журнал, сказал: «Ну что ж, красиво…» — и ни выговора, ни оргвыводов не последовало. А некоторые газеты потом написали: «…Для нормальной женщины съемки топлес, за которые еще и деньги платят, да по всему миру тиражируют, — гордость. А для спортсменок, которых воспитывают в жутко пуританском и каком-то кондово-средневековом стиле, — почитай, подвиг».

Некоторые мои поклонники специально приезжали из-за границы, чтобы купить этот журнал. Но это мы долгие годы были такими дикими. Европейские женщины давным-давно ввели моду на загар топлес, и все европейские пляжи уже много лет переполнены всевозможными обнаженными женскими бюстами всех цветов кожи и размеров. А съемка для Playboy, я считаю, оказалась настолько высокохудожественной, что до сих пор — а прошло уже одиннадцать лет! — она вызывает интерес. Хотя я стала совершенно другой, гораздо лучше и уже нет того по-детски угловатого тела… А та съемка все еще кого-то будоражит.

Но самое обидное, что ни одного журнала у меня не осталось.

Я их все раздарила, а когда спохватилась, их уже в продаже не было. Главное я тогда поняла, что камера меня любит, я фотогенична и смело могу идти на любые творческие

эксперименты, используя новые образы.

Мне всегда нравилось изменять себя, свой внешний облик.

В спорте существуют закоренелые традиции: девочки в художественной гимнастике в основном зачесывают волосы в пучок, а у нас, в спортивной гимнастике, — это в основном хвостик или «бараночка», если длинные волосы. Я всегда зачесывала волосы назад, считая, что у меня высокий лоб и, когда он открыт, — это красиво. Если локоны отрастали, я завязывала их в хвостик. А в ушах у меня была целая коллекция сережек — порой по пять штук чуть ли не в каждом ухе. Каждая дырочка имела свой смысл: покорила трудный элемент — проколола и вставила новую сережку, выиграла Олимпиаду — еще проколола, пережила свою первую романтическую встречу — еще сережка. Тем не менее такой вид не придавал моему стилю легкомысленности. Я выходила на помост, крепко стиснув губы. Этот сжатый рот и острые скулы придавали моему лицу строгость и подчеркивали, насколько я опасная соперница.

Однажды я вдруг решила кардинально изменить свой стиль. Летом 1994-го у нас был тренировочный сбор в Италии. Мы с Леной Грошевой в это время носили хвосты, слегка подпорченные химической завивкой. Это был результат очередного эксперимента — большой конский хвост, трудно поддающийся расчесыванию. В это время в Италии стояла жуткая жара, и нужно было что-то делать с нашими головами. Мы отправились в парикмахерскую и коротко постриглись. Избавившись от своих грив, почувствовали себя лучше некуда. Но когда мы прилетели в Москву, наши мамы в аэропорту нас не узнали. Вся команда вышла, а нас нет. Они переглянулись: где же наши девчонки, неужели опять что-то натворили? Смотрят на Аркаева, а тот стоит и смеется. Мы с Грошевой частенько влипали в какие-нибудь истории и всегда попадались с поличным: то нас отлавливали, когда мы бегали за печеньем или за мороженым, то застукивали в комнате у мальчишек, где мы смотрели «видик». Повеселившись над фокусом со сменой имиджа, мы решили обнаружить себя и выглянули из-за широких спин наших гимнастов. Родители, увидев, что мы сделали с волосами, чуть в обморок не упали. На что мы, такие самостоятельные, заявили: мол, наши волосы, что хотим, то с ними и делаем.

С этими стрижками мы выступали на первом командном чемпионате мира в Дортмунде. Именно там, на вольных, под музыку «Кармен», я, совсем не похожая на длинноволосую испанку, настолько вошла в образ, что чувства, навеянные музыкой, захлестнули меня, и я одарила судей и зрителей обворожительнейшей улыбкой. Зал взорвался аплодисментами. С

того момента я четко поняла, что теперь смогу владеть и своими эмоциями, и зрительным залом.

Позже я научилась делать свои «фирменные» прически. Уже на Олимпиаде в Сиднее хоть и была с короткой стрижкой, но уложила волосы короной. Сколько же на них было вылито лака — бедные мои волосы. Но «корона» получилась шикарная. И мне потом рассказывали, что многие дамы, приходя в салон, говорили: сделайте мне прическу, как у Хоркиной. Это было очень приятно.

Мои стилистические эксперименты не оставались не замеченными фотографами. Все чаще стали приглашать на фотосессии в самые разные журналы. Я снималась для мужского журнала Maxim, модного журнала Vogue, издаваемого в Италии, российского и французского «Мадам Фигаро», Cosmopolitan, Elle, Harper bazaar, для журналов «Лица», «Атмосфера», «Женские секреты», для светско-спортивного журнала «Спортклуб»… И такие опыты мне предлагались потом неоднократно. Особенно нравилось экспериментировать со мной известному фотохудожнику Виктору Горячеву. Каждый раз его фотосессии были для меня настоящей актерской работой. Мы экспериментировали с макияжем, с прическами, с нарядами. То я становилась барышней из начала XX века, то космической дивой Милой Йовович из «Пятого элемента»…

Глядя на себя в зеркало, я училась понимать, что мне больше к лицу, что могу использовать, а что категорически не подходит. Училась стильно одеваться, ориентироваться в модных и не модных марках. И поняла, что мне больше подходит классика, именно в ней я чувствую себя максимально комфортно. Мне идут узкие брюки: фигура позволяет и ноги, слава богу, не кривые. Я могу носить и очень короткие, и очень длинные юбки.

Все складывалось в шкатулочку моего личного опыта. Причем я не только нарабатывала интеллектуальный багаж, но и зарабатывала. Эти опыты были замечены крупными фирмами, и мне начали поступать предложения участвовать в рекламных компаниях. Достаточно продолжительное время я была лицом компании Samsung, спортивной фирмы Reebok, швейцарской часовой фирмы Longines. Гимнасты сборной России, в том числе и я, снимались в рекламных роликах многих молочных продуктов. Но эти контракты заключались не нами, а федерацией. Основные финансовые потоки в этом случае шли на нужды российской команды, хотя и нам кое-какие денежки перепадали. Это были выгодные контракты, и мы имели возможность помочь нашей федерации сводить концы с концами, ведь наступило время, когда государство не обращало серьезного внимания на развитие

спорта в стране.

Работа с прессой сопровождала мою спортивную жизнь постоянно. Я даже не заметила, как журналисты сделали меня светским персонажем. Даже в 1999 году, два года спустя после съемок для Playboy, они упорно продолжали ворошить эту историю. Приходилось постоянно объяснять всем, что пошла на это из любопытства: почему все девушки в журналах такие красивые, может, и я такой буду? Ведь когда я пришла в сборную, была неотесанным подростком: бревно, да и только, никакого выражения лица, глаз, жалкий хвостик на голове. Меня потихоньку растили, воспитывали, раскрывали, исправляли, и настоящий гадкий утенок превратился в прекрасного лебедя. Я стала не только сниматься, но и изучать модные глянцевые журналы.

Но были и такие желтопрессные издания, которые предлагали мне сняться для них, обещая опубликовать фотографии, восхваляющие женскую красоту, а потом использовали эти снимки так, что волосы дыбом вставали. Да еще такими текстами снабжали, будто я с ними разоткровенничалась и все свои интимные переживания выложила как на духу. На самом деле, ни о каких личных планах и переживаниях я никогда и никому не рассказывала. А если и рассказала бы, то в красивом, заслуживающем уважения издании или в книге о личной жизни Светланы Хоркиной.

Мне нравится сотрудничать с глянцевыми журналами: участвовать в рекламных кампаниях и фотосессиях, позировать, что-то придумывать. И голливудская улыбка прописалась на моем лице, поскольку я поняла, что быть смурной букой — не мой образ, я просто не могу не улыбаться! И прежде всего потому, что я — счастлива.

Однажды я сгоряча ляпнула кому-то из журналистов, что разочаровалась в мужчинах. Именно сгоряча, потому что серьезного опыта таких отношений у меня еще не было. Но уже дала себе зарок: мой избранник будет кем угодно, только не спортсменом. Мне тогда казалось, что два сильных характера под одной крышей не уживутся, так как уж больно не хотелось кому-то хоть в чем-то уступать. Сейчас я, конечно, думаю по-другому.

Вообще мой «ершистый» характер те же журналисты давно окрестили железным. А я рада тому, что нрав у меня именно такой, твердый и настойчивый. Благодаря ему, я во всем стремлюсь к совершенству, стараюсь из каждого прожитого дня выжать максимальную пользу. Но эта целеустремленность — как бы одна сторона медали, а вот другую некоторые называют стервозностью. Но я бы назвала ее скорее бескомпромиссностью,

нежеланием приспосабливаться.

Спортивная фортуна хоть и баловала меня время от времени заслуженными победами, но часто все-таки в ход, казалось бы, честной и бескомпромиссной борьбы вмешивались некие черные силы. Особенно драматично складывалась для меня сиднейская Олимпиада. Именно там на злобный оскал этих неведомых сил я обнажила и свои зубки. И эту мою секундную слабость разнесли по всему свету прыткие репортеры.

Победа в абсолютном первенстве была уже совсем близка.

И ничто не предвещало, что мне устроят такую подножку. Я ведь готовилась к этой Олимпиаде, как каторжная, была готова к завоеванию абсолютной вершины. Уже знала после Атланты, что такое Олимпиада и что мне предстоит вытерпеть. Но такой явной подставы с конем ну никак не могла ожидать! И то, что я перелетела снаряд, который был ниже нормы на 5 сантиметров, и бухнулась на колени, стало для меня сильнейшим психологическим потрясением. Боли я тогда вообще не чувствовала. Я была просто в шоке!

И не могла осознать, что случилось и почему. Это был, пожалуй, самый критический момент в моей жизни. Потом все происходило, как в бреду. Ушибленное колено жутко ныло, глаза щипало от слез. Единственное, чего мне тогда хотелось — это провалиться сквозь землю. Я надеялась выскользнуть из зала никем незамеченной, особенно журналистами, но понимала: едва я сойду с помоста, они налетят на меня, как пчелы на мед. Уходя из зала узким коридорчиком, я даже не сфокусировала своего взгляда на журналистах, которые выстроились вдоль него и уже ждали меня. Конечно же, они понимали мое состояние, видели, как я боролась со слезами, наполнившими глаза, чтобы не расплакаться перед камерами: и колени уже жутко болели, и психологически я была не в себе. Вдруг какой-то черствый, бесчувственный, безжалостный человек кричит мне, чуть ли не в ухо:

— Светлана, как дела? Скажите, что вы сейчас чувствуете?

«О, Боже! За что мне все это?..» — промелькнуло у меня в голове, а с языка в сердцах сорвались нецензурные слова, которые в иных обстоятельствах я бы никогда не позволила себе вымолвить:

— Да идите вы все на …! — И ушла.

Даже на пресс-конференции не появилась. Какими-то задними дворами я выбралась из спорткомплекса и вдруг увидела Юлю Бордовских, которая тогда работала спортивным комментатором НТВ и много ездила по международным турнирам. Мы с ней подружились еще до этого случая, и уж

Юлька-то меня точно бы не подставила. Она помахала мне приветливо рукой, я подождала несколько секунд, пока она ко мне приблизится. Меня расположило то, что Юля будто забыла о своих профессиональных интересах и даже не стала спрашивать, дам ли я ей интервью. Она ни о чем меня не просила, а лишь успокаивала. И уже несколько минут спустя, когда комок откатился от моего горла и я немного успокоилась, она спросила:

— Свет, может, тебе хочется что-то сказать?

Мне на самом деле хотелось высказаться, но меня душили слезы.

— Давай ты еще немного посидишь тут в одиночестве, подумаешь, соберешься с мыслями, а я тем временем сбегаю за своими операторами, и мы встретим тебя в тихом скверике за пределами Дворца спорта.

— Давай, — ответила я и отправилась в тень деревьев, чтобы оставаться незамеченной.

Пока ждала ее, на самом деле немножко успокоилась. Съела мороженое и немножко остыла изнутри. Вернулась Юля с телебригадой. Установили камеру, подправили мне макияж. Но только она взяла в руки микрофон и включилась камера — у меня снова истерика.

— Юль, я не могу смотреть в камеру. — И тут вижу на ее голове, в волосах, солнечные очки. — Дай мне свои очки! — Надела, скрыла от мира свои слезы и высказала все, что наболело в душе.

Честно говоря, я не помню, что это были за слова и прозвучали ли они потом в эфире. Возможно, эта запись сохранилась в архивах НТВ. Я бы с удовольствием ее посмотрела сегодня и послушала, что тогда наговорила. Но в том, что все было подстроено именно против меня, я нисколечко не сомневалась тогда и не сомневаюсь сейчас. Да, мне было страшно обидно. Но с другой стороны, это означало, что они боятся меня, что я стала в спорте недосягаема и они готовы пойти на все, чтобы мне помешать. Огорчало лишь одно — никто из нашего спортивного руководства не смог за меня заступиться, никто не захотел сразу подключиться и побороться за справедливость.

Тогда почему-то никто не задумывался, что спорт перестал быть ареной честного спортивного соперничества и превратился в механизм, которым управляли бизнесмены от рекламы, от индустрии спортивных развлечений, от индустрии производства спортивного инвентаря и, самое главное, от индустрии телевидения. А телебизнесу как раз были на руку громкие скандалы, интриги, азарт борьбы и горечь поражений. Наши спортивные чиновники еще не научились, а может быть, с

советских времен разучились защищать своих спортсменов. У нас не было квалифицированных юристов и сильного лобби внутри Международного олимпийского комитета.

К счастью, тогда я выговорилась перед камерой, собралась духом и отправилась в гостиницу уже совсем в другом состоянии.

А затем доказала свое право на олимпийский пьедестал, завоевав «золото» на брусьях. На итоговой пресс-конференции, заполучив меня на «растерзание», журналисты вновь засыпали вопросами.

Я помню, как встал один российский корреспондент и спросил:

— Светлана, как же вы могли нас всех так жестко послать?

— А вы могли бы представить себя на моем месте? — переспросила я его. — Если бы вы четыре года после Атланты жили одной целью, столько отпахали и получили такую «подставу», а вместе с ней и крушение всех надежд, и травму, не только физическую, но и душевную, а я бы взяла да и спросила у вас ехидно: «Ну? Как дела?..» Я думаю, что вы послали бы меня еще куда-нибудь подальше.

После этих слов конференц-зал взорвался аплодисментами. Журналисты кричали мне: «Браво!» Но мне не были нужны эти овации, потому что в этот момент я снова окунулась в то, что пережила накануне. Мне было горько за всех наших спортсменов, испытавших по отношению к себе подобную несправедливость, потому что мы, герои спорта, очень часто из-за такого примитивного непонимания становимся «мальчиками и девочками для битья».

После Олимпиады в Сиднее некоторые СМИ писали, что я получила по голове по полной программе, когда сорвалась на опорном прыжке. Писали, что я ввергла в состояние шока любителей гимнастики, откровенно выдав свои эмоции прямо в многочисленные телекамеры. Российское телевидение тогда выключило звук, но смысл произнесенного мною «послания» можно было прочесть по губам. Иностранные операторы оказались менее щепетильны, и русский мат в моем исполнении прозвучал на весь мир. Увы, спорт очень многим интересен не столько головокружительными успехами атлетов, сколько многочисленными скандалами. Сидней устроил на гимнастическом помосте ярчайшую склоку. И тем, кто еще не знал меня, олимпийскую чемпионку Светлану Хоркину, запомнилось мое имя навсегда. Не только скандальным словом, сорвавшимся в сердцах, но и последовавшим триумфом, когда я смогла собраться и выиграть свои любимые брусья, и новыми откровенными пресс-конференциями.

Эту историю журналисты припоминали достаточно долго, пока на очередной встрече с прессой с последних рядов не встал один мужчина и не сказал: «Света, а вам не кажется, что вы слишком много ругаетесь матом?» Услышав это, я тоже встала: «А вам не кажется, что вы на моем месте сделали бы так же?» А сидевший рядом Аркаев поддержал меня единственно верной в тот момент фразой: «Молодец!»

Кстати, в родном Белгороде в молодежной газете «Зебра курьер» на первой полосе вышла статья, посвященная моему выступлению в Сиднее, и вот отрывок из нее: «Весь мир видел эту трагедию. Наша Света, наша золотая Света оказалась на коленях в прямом и переносном смысле этих слов после опорного прыжка. В одно мгновение все рухнуло. Четыре года напряженнейших тренировок, четыре года отчаяния от подстерегавших травм, психологически нездоровой обстановки в сборной с постоянными подсиживаниями и нашептываниями конкурентов, четыре года разучивания новых, доселе никому не подвластных элементов, борьбы за поддержание формы… Горечь, боль и недоумение от невозможности понять, как же это могло случиться, написанные на ее лице после злополучного прыжка, усиленные телевизионными мониторами, заставили содрогнуться миллионы сердец даже далеких от спорта людей…

Так или иначе, но, казалось, ничто не может устоять перед этим напором: покорить-таки непокоренную еще на этой Олимпиаде вершину. И не устояли соперники, не устояли судьи, рассыпавшиеся перед нашей Светой в «комплиментах»— оценках. Ее упражнение было безукоризненным. Казалось, сами брусья притягивают к себе ее руки после сложнейших пируэтов и умопомрачительных сальто, а маты, много повидавшие гимнастические маты, словно сами впечатали ее ноги после приземления и держали, держали, не давая сойти даже на миллиметр. И вот они, самые высокие баллы! Вот она, столь драгоценная золотая медаль! И вот они, мириады ослепительных звездочек из ее счастливых глаз, озарившие весь этот сиднейский дворец спорта, где проходили соревнования, вот она, такая ослепительная улыбка, согревшая наконец сердца всех, кто переживал за нее в этот миг. И все зрители, пришедшие на соревнования гимнасток (да, наверное, и все, кто следил за ними у нас в стране и во всем мире) встали, приветствуя победу нашей гимнастки и ее многострадального тренера Б. В. Пилкина. Потому что такие победы сродни подвигу, подвигу человеческого духа над самыми жесткими испытаниями, самыми несправедливыми ударами судьбы.

Вот так Светлана Хоркина, не получив заветную награду в

абсолютном первенстве, стала, как когда-то знаменитая Ольга Корбут, настоящей героиней сиднейской Олимпиады. И этого звания у нее уже не отнимут никакие обстоятельства».

Хорошо помню декабрь 2001 года. Я лежала в больнице. Вдруг раздался звонок мобильного телефона, и журналист сообщил мне, что Европейский союз спортивных журналистов объявил лауреатов завершившегося года. Лучшим спортсменом континента был объявлен немецкий автогонщик Михаэль Шумахер, чемпион мира в «Формуле-1», а меня назвали лучшей спортсменкой «за фантастическое выступление на чемпионате мира в Генте». Журналист искренне удивился, что я об этом ничего не слышала, мол, такая многогранная личность и не следит за фактами признания своих многочисленных талантов. Я же на самом деле не предполагала, что меня могут признать лучшей спортсменкой на континенте, да и вообще, что есть такая награда. На самом деле, это было круто — оказаться на одной финишной черте с Шумахером. Чемпионат в Генте стал, пожалуй, на тот период самым успешным в моей карьере. Сравниться с ним может разве что Олимпиада в Сиднее. Тогда журналист поинтересовался, не воодушевил ли меня успех в Генте на новую олимпийскую высоту? Не задумываюсь ли над тем, чтобы выступать в Афинах? На что я скромно заметила, что уже и так всем надоела и весь гимнастический мир только и ждет, когда эта старушка закончит выступать. Кокетничала, конечно.

Честно говоря, мне всегда нравилось флиртовать с прессой. И я смеялась, читая про себя такие строчки: «Ничего нет удивительного, что некоторые двукратные олимпийские чемпионки, многократные абсолютные чемпионки мира и Европы соглашаются на интервью и съемки в некоторых откровенных журналах. Тем более есть что показать и есть чем гордиться на зависть другим». Мне было весело давать такие куражные интервью, как, скажем, это:

— Тебе уже говорили, что у те — бя удивительно сексуаль — ный голос? Просто жалко, что его нельзя сфотогра — фировать и показать на — шим читателям. Что ты сделаешь первым делом, когда закончишь ка — рьеру?

— Наберу шесть килограммов, и буду выгля — деть идеально. Все-таки когда я в форме, я немного суховата.

— Да ты что! Ты изумительно выгля — дишь!

— Правда? Ну, значит, буду выглядеть еще изумительнее. А еще буду чаще пить хо — рошие вина — я их очень люблю. И есть сыр.

— То есть пойдешь по стезе порока?

— Ага. Видишь, уже начала — снимаюсь в мужских журналах.

Конечно, я никогда всерьез не думала о перспективе стать фотомоделью. Мне казалось это слишком примитивным. Вначале, как и любая девушка, воспринимала предложения сниматься у известных фотомастеров как комплимент. Тем более когда мне предложили позировать первый раз — это было для меня ново, а я люблю все новое. Но большинство людей на протяжении многих лет почему-то знали и говорили исключительно о моем сотрудничестве с Playboy. Это можно расценить не иначе как тягу к тому, что «погорячее». Я работала с разными изданиями во всем мире и всегда с удовольствием. Для меня такая работа сродни театру: тоже нужно входить в роль, передавать настроение, понимать режиссуру мастера. Между прочим, кроме «обнаженки», у меня ведь немало и других работ: и революционерка, и женщина в возрасте. Представляете? Это настоящий шок — увидеть себя 50-летней! О, это было нечто! Когда меня гримировали — мне нравилось. Но при просмотре готового материала первой реакцией было отвращение: пусть никто, кроме меня, этого не увидит! А потом подумала: раз такая реакция, значит, действительно кажусь себе 50-летней, значит, замысел фотомастера реализован. Это было забавно. Но все-таки в этой сфере деятельности нет того главного, без чего я не могу, — нет живого общения с публикой. Я ведь держала в напряжении стадионы! А это сумасшедший адреналин, это ни с чем не сравнимая энергетика.

И совсем другая история — съемки для журнала Maxim. Журнал вышел в августе 2004 года, как раз в тот месяц, когда я выступала на афинской Олимпиаде. Когда мне предложили фотосессию для этого мужского журнала, я прежде всего ознакомилась с тем, как выглядят в нем известные личности. Ну а поскольку ничего пошлого и шокирующего там не увидела, я согласилась. Но главным моим условием было то, что я готова сниматься либо в красивом элегантном купальнике, либо в суперэффектном белье. Меня убедили, что будет красивая стильная прическа, эффектный макияж, дорогое и изящное белье, которое вызовет большой интерес у представительниц прекрасного пола. И что они, глядя на то, как оно шикарно на мне сидит, будут бегать по магазинам в поисках такого же, как у Хоркиной в журнале Maxim…

Конечно, снимаясь для Playboy, я была еще почти подростком. Здесь же, накануне Олимпиады в Афинах, я была влюблена и расцветала как молодая женщина, появились не только формы, но и понимание себя, красоты своего натренированного тела, его привлекательности и сексуальности. Хотя тогда я была все-таки немного худоватой. Сейчас тело стало

выглядеть гораздо женственнее и привлекательнее.

Конечно, и тогда мое появление в Maxim было воспринято неоднозначно. Но в те времена ведь и реклама женского белья на центральных улицах и проспектах Москвы не висела. Да и немногие задумывались о том, как это красиво, когда в женщине продумано все до мелочей: от нижнего белья до верхней одежды и аксессуаров. И сегодня многие мужчины, стремясь сделать своей возлюбленной красивый подарок, покупают изящное и сексуальное белье. Да и сами женщины, чтобы побаловать себя любимую, с большой тщательностью подбирают белье, чтобы выглядеть перед зеркалом ничуть не хуже топ-моделей с мировыми именами, которые теперь не менее охотно демонстрируют его на подиумах, чем бальные платья и наряды невест от кутюр. А уважающие себя женщины тратят сегодня очень немалые деньги на нижнее белье, продумывая его до мелочей, чтобы нравиться, подчеркнуть бельем все свои достоинства, индивидуальность и скрыть недостатки.

Кстати, после многих фотосессий для глянцевых журналов я стала всерьез задумываться над тем, а что я ношу, что мне больше подходит, а что меньше. И всегда охотно соглашаюсь на съемки для дорогих журналов, потому что понимаю: там со мной будут работать опытные стилисты, которые подберут лучшую одежду, в соответствии с последним «писком» моды.

Журналисты часто спрашивали меня в интервью:

— А не хотелось бы вам по окончании гимнастической карьеры работать в СМИ?

Я никогда не исключала такой возможности и охотно бы начала сотрудничать со спортивной прессой, читать в теле— или радиоэфире спортивные новости, комментировать состязания гимнастов. Надеюсь, такая возможность представится мне на Олимпиаде в Пекине в 2008 году: я уже получила приглашения от нескольких спортивных каналов. Средствам массовой информации следует чаще пользоваться услугами известных спортсменов, ведь с их помощью зрители и слушатели получат наиболее качественные и профессиональные комментарии.

Работать в спортивной среде — это всегда было очень важно для меня. Я думала, что по окончании спортивной карьеры стану спортивным чиновником или руководителем, судьей или президентом Международной федерации; возможно, буду работать в СМИ. У меня даже был период, когда я всерьез задумывалась о карьере телеведущей и ходила на разные кастинги. Но потом поняла, что семья важнее. Сейчас для меня главное — это общение с ребенком. На телевидении ты самому себе не принадлежишь, не можешь планировать время работы по

своему усмотрению, — этот момент меня очень смущает. Тем более на отсутствие внимания к себе я не жалуюсь, а грандиозный проект в шоу-бизнесе могу закрутить несколько позже.

Да, я люблю общаться, мне нравится разговаривать, давать интервью журналистам, когда вижу, что это им действительно интересно, а не задание редактора выполняют или ищут, где «погорячее».

Да, закончив спортивную карьеру, я стала своего рода светским персонажем: принимаю участие в разных акциях, презентациях, бываю на благотворительных вечерах, балах и светских приемах. Но мне больше по душе компании невычурные, на которых не оценивают твоих нарядов, драгоценностей, манер. Помню, была на вечере «без галстуков», где первый человек области пел, вице-мэр острил напропалую, депутат Госдумы пришел в джинсах, да и я позволила себе брюки, хотя в последнее время отдаю предпочтение платьям. В светском обществе — свои правила, и они мне не всегда нравятся. Светская жизнь — это своего рода театр, и, как в театре, в нем расписаны роли и своя режиссура.

Тем не менее именно опыт, привычка быть «на зрителях» помогли мне успешно справиться с ролью телеведущей популярной передачи «Дом». Когда проект только начинался, его ведущим был Николай Басков. Это был по-настоящему семейный проект, в котором крепкие пары боролись за звание лучшей семьи проекта и право получить в личное пользование настоящий загородный дом или денежный эквивалент, а не то реалити-шоу, которое стало сегодня притчей во языцех. Однажды Коля уехал на гастроли и не смог продолжить работу в этом проекте. Предложили попробовать мне, и я рискнула.

Участникам шоу не говорили, кто это будет. И они сидели-гадали: наверняка какая-нибудь большая тетка… И тут вдруг вышла из машины молоденькая хрупкая девушка, в кепочке, небольшого росточка по сравнению с ними. «Ну, сейчас мы ее „обломаем“ и будем крутить ею, как нам надо!» — признавались ребята мне потом. Ан нет, не удалось, я хоть и молоденькая была, да крепкий орешек! Никаких поблажек никому я не давала и дисциплину установила жесткую, к какой привыкла в спорте. Я с ними общалась, выслушивала их сомнения и переживания, организовывала всякие конкурсы, журила, если что-то было не так, а иногда и ругала, если они позволяли себе выпивку, которая была категорически запрещена на проекте. Но ведь всегда, когда устанавливаются жесткие рамки, их хочется нарушать. И мне приходилось их наказывать, лишая права голоса, когда шло

голосование, а это было чревато отчислением из проекта… В конечном итоге мы подружились, хотя все активно играли в эту игру, и конкуренция была, и ставка победителю немалая — они получали этот дом, который сами и строили на Истре. И я, когда выезжала в командировки, привозила им какие-то угощения: из Карелии, помню, привезла им рыбы… Обращалась с ними прямо-таки методом «кнута и пряника». Но этот опыт телевизионных съемок мне очень помог: я научилась делать подводки, анонсирование, работать с синхронным наушником…

Вообще в тот период я жила очень насыщенной жизнью: за день я успевала выполнить полноценную тренировку на «Озере Круглом», провести съемки программы на Истре, а еще сыграть в театральном спектакле. К вечеру буквально валилась с ног. За полночь прыгала в машину, по дороге, естественно, дремала, потом засыпала мертвым сном до шести утра, и снова на тренировку…

Мне кажется, что и зрителям было интересно следить за развитием сюжета, причем непредсказуемого. Из каждого щекотливого положения, из каждого конфликта участники старались выйти с честью, хотя у каждого из них — свое понятие о порядочности. Но в жизни разве не так? Это была очень жизненная программа, и поверьте, семьи — особенно финалисты — очень симпатичные пары, у которых позитивного значительно больше, чем негативного.

Я не болела ни за кого конкретно, поскольку была ведущей. Кроме того, это был мой теледебют, поэтому мне было небезразлично то, как я справлюсь с новой для себя ролью. Кажется, справилась. Во всяком случае, есть еще одно предложение — очень любопытный телепроект.

Камера меня любит, как говорят специалисты, и я могу передавать образ как через одежду, в которую одета, как с помощью макияжа, так и с помощью природного артистизма, который заметил во мне театральный режиссер Сергей Виноградов, пригласив стать главной героиней в его спектакле. Но о своих театральных опытах я расскажу несколько позже.

Была в моем романе с прессой и еще одна страница, связанная с фитнесом. Как-то, уже после рождения ребенка, мне позвонила Юлия Бордовских и говорит:

— Свет, не удивляйся, у меня к тебе есть неожиданное предложение. Мы на нашем канале НТВ хотим сделать программу про фитнес. И хотим, чтобы в ней работала ты. С твоим профессионализмом должно здорово получиться… Если, конечно, у тебя есть желание и возможность…

— Ну что ж, — говорю, — давай попробуем.

Опыт, как мне кажется, получился вполне достойным и очень красивым. Одна знакомая журналистка, в прошлом тоже спортсменка, однажды призналась:

— Ты же знаешь, спортсмены, закончив заниматься спортом, даже зарядку никогда не делают.

— Увы, — говорю, — знаю. И сама не делала, пока телефитнесом не занялась.

— Так вот, ты со своей программой и подняла меня с кровати.

— Ты себе не представляешь, а я-то как счастлива, что тоже стала подниматься!

На самом деле, после ухода из спорта я долгое время не могла заставить себя пальцем пошевельнуть. Хотелось только отдыха, спокойствия и ничегонеделанья. Сынишке исполнился год, я занималась исключительно материнскими заботами. Конечно, сбросила те килограммы, которые «набежали» за время беременности, но еще килограмма три лишних оставалось, и до идеальной формы, даже с точки зрения женщины, а не спортсменки, было еще очень и очень далеко. Я не могу сказать, что такой себе не нравилась. Но, глядя на себя в зеркало, иногда хлопала по животику и говорила: «Здесь, конечно, неплохо бы немножко и подправить, убрать немного растянутый сынулей животик. Плоский живот, как панцирь из мышц, у меня уже был. Возвращаться к нему мне что-то уже и не хочется. Легкую выпуклость можно и оставить, это даже сексуально». Стоит, пожалуй, поработать с осанкой и легкой сутулостью, которая осталась от профессионального спорта. А вот проблем с похудением у меня никогда не было. Честно говоря, я всегда удивлялась тому, что женщины страдают из-за своего веса, считая лишние килограммы. На самом деле не с этим нужно бороться, а с собственной нелюбовью к себе самой. Нужно искать в себе гармонию и ходить заниматься фитнесом, не для того, чтобы похудеть, а чтобы сделать себя лучше, найти гармонию с самой собой, лишь чуточку подправляя и совершенствуя то, чем наградила природа.

Каждой женщине нужно начинать с того, чтобы понять, что она от себя хочет, какой она должна быть, что может в себе изменить, чтобы себе нравиться, чтобы себя полюбить. Нужно научиться, глядя в зеркало, говорить себе: да, ты действительно прекрасна, но можешь стать еще лучше, если чуть изменишь улыбку, поработаешь со своим взглядом. Вообще я считаю, что женщина может сама изменять все, что захочет. Нужно только этого очень захотеть и, естественно, над собою потрудиться. Можно выстроить не только свою внешность, но и манеру

поведения, речь, научиться сдерживать себя в нужную минуту или, наоборот, дать волю своим эмоциям. Главное, всего этого очень и очень захотеть. Тогда все получится. И твоя судьба будет в твоих руках.

На протяжении нескольких месяцев я работала с этой фитнес-программой, что мне очень нравилось. И если бы не ночные съемки, наверное, не рассталась с этим проектом еще долгое время. Неудачное время съемок утомляло меня, как когда-то частые перелеты в США. После бессонной ночи я чувствовала себя выжатым лимоном, мне все время хотелось спать, а нужно было еще заниматься и своими делами днем, и общаться с сыном. Все-таки фитнес, даже если это работа, должен приносить удовольствие. И я приняла решение с программой распрощаться, хотя думаю, что с фитнесом нужно дружить, особенно когда он приходит в каждый дом с экрана телевизора.

Мне в одном интервью задали вопрос: был ли у меня роман с телевидением, оправдало ли телевидение мои ожидания? На самом деле пока серьезного романа с телевидением еще не было. Скорее была мимолетная страсть, в результате которой родились такие проекты, как «Дом», как концертные шоу-программы и программа о фитнесе, в которых я попробовала себя в роли ведущей. Также была участницей кулинарного шоу и разных ток-шоу, с удовольствием работала в телепроекте «Звезды в цирке», «Властелин горы», «Стенка на стенку», «Ледниковый период», правда в качестве члена жюри. Везде пробовала себя в разных амплуа. Но мой творческий поиск продолжается, и я открыта для новых предложений.

Глава одиннадцатая
О Китае с любовью…

…На августовском первенстве страны 1999 года я довольствовалась лишь «серебром». И некоторые поспешили списать меня со счетов, мол, отгуляла Хоркина свое на помосте. Мы же с тренером не спешили форсировать события перед чемпионатом мира в Китае. Тогда мы еще только определялись с программой, с которой планировали выступать в Тяньцзине, шла обкатка многих новых элементов. И я знала, что не стану первой. Это был своеобразный тактический ход накануне ответственных соревнований. Так что все эти негативные разговоры были мне лишь на руку. К тому же в тот период мы с Пилкиным особое внимание уделяли вольным упражнениям и опорному прыжку, где у меня были пробелы. Разумеется, была форсированная нагрузка на ноги, — они после этого болели страшно, я даже ходила прихрамывая.

Несмотря на то что периодически у меня возникали мимолетные романтические увлечения, это было время, когда моя голова была занята исключительно гимнастикой: сплошные сальто, пируэты… Порой даже по ночам спать не могла: ложусь, а перед глазами комбинации прокручиваются. Мысли всегда были заняты тем, как найти ту изюминку, которая особенно понравится судьям. Перед стартами привычно программировала себя на борьбу.

В китайский Тяньцзинь я ехала с твердым намерением подтвердить свое звание абсолютной чемпионки мира, завоеванное в 1997 году в швейцарской Лозанне. Но когда мы приступили к тренировкам на китайских снарядах, мне они показались какими-то слишком жесткими. В гимнастике существуют определенные стандарты, но они касаются длины, высоты снаряда. А материал, из которого они изготовлены, в расчет не берется. Практически всегда принимающая сторона предоставляет на состязания свои снаряды. Это дает импульс развитию местной спортивной индустрии, выходу ее на международный рынок. Это очень выгодно для местных фабрик и заводов — после состязаний они всегда заключают много выгодных контрактов. Мне же с самого начала китайские снаряды не понравились, — как только мы начали на них тренироваться, я начала ныть: то не так, это не то. Не нужно, конечно, было этого делать. Однако эмоции возобладали, и, я думаю, бревно мне за это и отомстило. Выступая в многоборье, я дала маху на бревне:

допустила ошибку, упала. И все из-за того, что время от времени давала себе поблажки, в чем-то недорабатывала! Конечно, было обидно, потому что там я была явным фаворитом. И сделай все чисто — могла выиграть. Абсолютное первенство в многоборье тогда досталось румынке Марии Олару. Отыгралась я только на своих любимых брусьях, завоевав еще раз звание чемпионки мира, но была не в восторге от того, что упустила абсолютное первенство. Уже побывав в этом ранге, я считала, что не должна его упускать. Всегда считала, что, завоевав какое-то звание, я обязательно должна подтвердить его на следующем турнире того же ранга, иначе я — не Хоркина. Я всегда старалась поднимать свою спортивную планку все выше и выше. Таким образом, у меня всегда был стимул чего-то добиваться и бороться. Тем более я считала чемпионат мира в Китае своего рода смотринами перед Олимпиадой в Сиднее. «Ну вот, — думала я, — не хватало еще, чтобы мне после этого чемпионата мира ярлык повесили, что я не конкурентоспособна». Я долго обсуждала свои опасения с Пилкиным, и он в очередной раз говорил мне о том, что мой главный соперник — я сама. Только обуздав и победив себя, я никому не оставлю шансов на победу над собой. А для себя решила: бревно, хоть и называется бревном, оно вовсе не безобидно. «Если не будешь работать смело, то никогда не устоишь на бревне!»— подобные слова десятки, сотни раз в жизни каждая гимнастка слышит от своего тренера. И я не исключение. Тем не менее я «споткнулась» в Китае именно о бревно, и цена ошибки на нем стала для меня ценой победы. Я в который раз убеждала себя, что относиться к бревну надо куда серьезнее.

Тогда в Китае для меня было особенно важно то, что я выиграла чемпионское звание на брусьях. Что я обыграла китайских гимнасток у них же дома. Ведь в свое время, когда я была маленькой, на мировом гимнастическом помосте, особенно в упражнениях на брусьях, постоянно выигрывали китайские спортсменки. Мы задались целью обыграть их, и постоянно изучали их лучшие упражнения на брусьях, тем самым совершенствуя и усложняя свои. И до того «наусложнялись», что до сих пор, при нынешней гимнастике, при измененных правилах мои упражнения остаются самыми лучшими и самыми трудными.

Поскольку я училась на примерах китайских гимнасток и постоянно наблюдала за их выступлениями, многих я помню до сих пор, несмотря на сложность написания их фамилий. В сборной Китая была такая шустрая, веселая гимнастка Мо Ху Лан, с такой запоминающейся родинкой на лице. Взрывная, энергичная, она запросто могла выиграть абсолютный чемпионат мира в 1995 году, если бы не досадная ошибка… Вообще, все

китайские гимнасты мне нравились: они такие милые, открытые! Пусть мы и были соперниками, с ними было как-то очень легко и комфортно…

Я всегда с большим уважением относилась к китайским спортсменам. Они большие трудяги. Китайские специалисты по крупицам собирали наш опыт, учились у советской гимнастической школы. Они приезжают на все открытые международные и наши, внутренние соревнования, снимают на видео, а потом, вернувшись домой, как рыбу по костям, разделывают все, что наснимали, изучают, анализируют, впитывают, и на этом примере воспитывают свою гимнастическую поросль. Многие наши тренеры ездили туда передавать опыт. Нельзя не восхищаться тем вниманием, которым китайское руководство окружает своих спортсменов и тренеров, понимая, что они, прежде всего, защищают честь страны.

В Поднебесной всегда с особой любовью относились к России. Помню, несколько лет назад во время моей поездки в эту страну я попала в одну чисто китайскую компанию: мы сидели, общались, и вдруг кто-то из принимающей стороны затянул песню. Представляете мое изумление, когда я поняла, что поют… нашу «Катюшу»? На китайском языке, с китайскими же вариациями в музыке, но «Катюшу»! Позже я не раз сталкивалась с тем, что китайцы знают нашу культуру, пытаются учить русские слова. Поэтому лично меня уже не удивляет, что китайский режиссер Мао Вей Нин снял для китайского же телевидения сериал по повести Бориса Васильева «А зори здесь тихие…» и что фильм пользовался там сумасшедшим успехом. Его посмотрели около 400 миллионов человек и, говорят, уже немало китайских малышек носят имена героинь сериала — Рита, Лиза, Женя. А еще я слышала, что сам роман Бориса Васильева включен у них в школьную программу. Так же, как русскую культуру, китайцы любят и российский спорт. По крайней мере, меня на улицах тамошних городов всегда узнают: подходят, здороваются, просят дать автограф, вместе сфотографироваться.

Уже много лет я являюсь почетным гражданином Белгорода и области. А еще — почетным гражданином китайского города Синтхау (провинция Ухань). Именно оттуда произрастают корни и традиции китайской спортивной гимнастики. Причем гимнастикой в Поднебесной увлечены не только спортсмены. Там огромное количество фанатов этого вида спорта даже среди богатых и уважаемых людей. Один из них преподнес мне в качестве подарка и в дань уважения пожизненный VIP-номер в престижном пригороде Пекина, в шикарном отеле, имеющем собственный гольф-клуб. Этот отель поразил меня небывалой

красотой — ну просто настоящий дворец! С диковинной красоты садиками, настоящими гейзерами, «райскими» птицами. Раньше я такого никогда не видела. А какие там фантастические спа-процедуры! Там и целебные ванны с лепестками роз, и с водорослями, и с молоком. Чего там только нет!

И владеет этой неземной роскошью очень богатый китайский бизнесмен, имя которого, я, как ни стараюсь, никак не могу выговорить без запинки. Этот уважаемый господин сделал мне поистине королевский подарок: пожизненное право бесплатного пользования одним из лучших номеров его отеля. В удобное для меня время и на любой срок. Пусть я уже не буду участвовать в гимнастическом турнире на Олимпиаде-2008, которая пройдет в Пекине, у меня абсолютно точно не будет проблем с размещением.

Кто знает, может быть, когда-нибудь я все-таки решусь открыть в этой бурно развивающейся стране собственную гимнастическую школу. Ведь китайцы так трогательно ко мне относятся!

С другой стороны, меня поражают в Китае абсолютно «безбашенные» фанаты. Ты сидишь где-нибудь в кафе, ешь, подносишь ложку ко рту, а он тебя дергает: пошли фотографироваться. И ты не можешь им отказать, потому что они такие милые — ну просто дети в своей непосредственности…

Много лет назад, когда я впервые была в Китае, мне было ужасно страшно, и жалко было эту страну, потому что было столько грязи — из окна выкидывают мусор прямо тебе под ноги…

Я была в шоке. Но, приехав некоторое время спустя, я испытала новый шок — страна абсолютно преобразилась. Пекин, да все крупные города Китая буквально вылизывают, готовя страну к Олимпийским играм. Гораздо круче, чем мы в свое время готовили Москву к 1980 году.

И смотрят они там китайское телевидение, которое идет по 20 каналам, очень редко — западное, и никогда — русское. Только наши исторические сериалы, дублированные на китайский язык.

Я была на китайском телевидении, меня приглашал центральный канал CCTV-1 на шоу. Я была потрясена — насколько современно и красиво у них все сделано… И там, на телевидении, никогда не увидишь, чтобы что-то отваливалось с потолка, падали осветительные приборы, как у нас, или чтобы вскрывали полы там, где проходят люди.

Меня, как любительницу поесть, не могла оставить равнодушной китайская кухня. Какая же там потрясающая еда! Я

никогда не предполагала, что южный регион употребляет более острую пищу, чем северный. В разных городах у них разная кухня — и по вкусовым ощущениям, и по составу. Быть в Китае и не попробовать настоящую китайскую утку — это не уважать себя, уважаемые читатели. Она абсолютно не такая, как у нас в России.

Естественно, в Пекине я рвалась в центр подготовки китайских гимнастов. И постаралась там осмотреть буквально все. Это еще одно потрясение — когда видишь, как они тренируются, чем располагают, сразу становится ясно, что вскоре на гимнастическом помосте им не будет равных.

Мне хотелось в Пекине прокатиться на велорикше. Но меня предупредили, что они слишком вонючие, и удовольствие от этого вояжа окажется сомнительным. Поэтому мы передвигались на машине. Поражают китайские рынки. Они занимают огромные площади под единой крышей и разделены на сектора: где-то одежда, где-то чай. Я была поражена изобилием зеленого чая — каких только сортов и композиций там не встретишь! А одежда, представленная на рынке, поражает качеством. Это далеко не та кустарщина, которую тащат к нам в страну челночники… И, кстати, многие китайцы говорят по-русски. А еще, именно в Китае меня научили на рынке торговаться. Для них это — не то чтобы ритуал, а возможность эмоционального общения.

Я жила в Китае в разных гостиницах, и все они современные, качественные, с очень хорошим сервисом, в основном в европейском стиле. Есть русские кварталы, есть русский клуб. Там вообще очень много русских. Я бы даже назвала это русской провинцией в Китае.

Естественно, меня повозили по историческим местам, на Великую китайскую стену (куда ж без нее — даже поговорка такая есть: «Тот не храбрец, кто не залезал на Стену»…) и по знаменитым храмам.

Во дворце императора были с экскурсией. Дворец производит колоссальное впечатление. Там очень просторно. Я не знаю, что они со всем этим объемом делали… Парады армии, наверное, проводили, как в мультфильме про Мулан.

Мне нравятся китайцы. Они общаются с открытым сердцем и легко идут на контакт. Все время улыбка на лице, правда, зубы не у всех хорошие, но у них нет комплексов, они не стесняются, смеются. Самое сложное — это понять, что они говорят. С одной стороны, с ними легко найти общий язык, а с другой — трудно их понять. Такая вот палка о двух концах.

Честно скажу, на протяжении всей своей спортивной жизни я мечтала побывать в Китае на олимпийской базе по спортивной гимнастике. Мне всегда казалось, что именно там у них есть что-

то такое, какой-то уникальный секрет, которым они пользуются, воспитывая своих удивительных спортсменов. Естественно, пока я была действующей гимнасткой, путь туда мне был заказан. И вдруг — колоссальный сюрприз! По итогам 2005 года Государственный комитет по делам физкультуры и спорта Китая называет меня, российскую гимнастку Светлану Хоркину, самой красивой спортсменкой мира. Но об этом я узнала уже в Пекине. А когда получила приглашение посетить Поднебесную для участия в церемонии награждения, меня никто не предупредил, что именно я буду его главной героиней и вернусь обратно с таким высоким титулом. Я узнала об этом, только когда на самой церемонии громко объявили мое имя и вызвали на сцену. Потом пыталась понять: почему именно я? Ведь в 2005 году на официальных соревнованиях я уже не выступала, участвовала только в гимнастических шоу. И решила, что, наверное, ко мне такое особое внимание из-за вечного соперничества с китайскими гимнастками — возможно, по этой причине мое лицо столь узнаваемо в Поднебесной.

А может, китайцы так соскучились без меня на помосте и так меня любили, что, выбрав именно меня первой красавицей мира, решили увековечить мой образ в своей летописи спортивной славы. Видимо, симпатии китайцев ко мне настолько сильны, что я и мое имя ассоциируется в КНР с красотой в спорте.

Приехав в Пекин, я была очень рада тому, что между нашими странами вновь установились добрососедские отношения. 2006 год был объявлен годом России в Китае. Тогда же в десятке лучших спортсменов года вместе с Роже Федерером, Фернандо Алонсо, Роналдиньо оказались российские фигуристы Татьяна Тотьмянина и Максим Маринин (спортивная пара года) и прыгунья с шестом Елена Исинбаева. А в российской прессе тогда написали: «Успех Хоркиной объясняется тем, что спортивная гимнастика является одним из самых популярных видов спорта в Китае, поэтому у жителей Поднебесной представители этой дисциплины пользуются большей популярностью, чем, например, теннисисты…»

На церемонию в Пекин я прилетела с большим желанием не только получить награду, но и побывать в олимпийском центре подготовки китайских гимнастов. И уже на следующий день после торжественной церемонии награждения в Пекине, где присутствовали и китайские гимнасты, мы отправились в их святая святых.

То, что увидела там, можно выразить одним словом — фантастика. Меня потрясли не только условия, в которых они тренируются. Меня потрясло все, что я там увидела. А первым

делом я увидела на стенах всех коридоров, по которым мы проходили, фотографии чемпионов разных лет…

Очутившись на базе, о которой я долгие годы мечтала, я, как шпион, постаралась побывать везде. Была и в раздевалках, и в бане, и в столовой вместе с гимнастками поела. Напросилась и в комнаты, где они живут. Поначалу они пускать туда не хотели. Ссылались на беспорядок, мол, к визиту их не готовили. Я постаралась убедить их, что беспорядком меня не шокируешь, — я ведь и сама была спортсменкой, и знаю, что порой не хватает сил на то, чтобы наводить в комнате порядок. Хотя лично у меня в комнате всегда было прибрано. Уж не знаю, что мне хотелось увидеть такого экстраординарного, но я так упрашивала их, что спортсменки мне уступили. На самом деле я не увидела ни грязных помещений, ни казарменного положения. Все живут в очень приличных комнатах, по два человека. Все оборудовано очень добротно, штукатурка с потолка не падает, как бывало у нас, краска от стен не отслаивается, кровати без продавленных пружин. У них есть и стиральные машины, и сушилки. В нашей сборной такая роскошь была только у меня. За девочками ходят две помощницы: кому-то подшить форму, кому-то помочь с уроками. Мы со всем этим справлялись сами. А какие у них на базе терапевтические кабинеты! Ну никак не сравнишь их с нашими для «пенсионеров». В комнате у каждой спортсменки индивидуальные электронные мини-приборчики, с помощью которых можно прямо не выходя из комнаты сделать физиотерапевтические и восстановительные процедуры.

Я совсем не ожидала увидеть такой шикарный новый гимнастический зал, в котором и девочки и мальчики тренируются вместе. И у каждого на лице написана главная цель их спортивной жизни — выиграть Олимпийские игры 2008 года! Но все они тренируются в бригадах. И рядом с кандидатами в главную сборную страны — еще составов пять готовится дублеров. На каждое место в сборной — длинная скамейка запасных. И все они очень близко друг к другу по уровню мастерства. Если с одной гимнасткой, не дай бог, что-то случится, другая заменит ее не менее достойно, и все пройдет без серьезных потерь для национальной сборной. У нас в российской команде такого количества сильных гимнасток не было никогда. Только, пожалуй, во времена СССР было и в сборной команде, и в резерве больше народу. И конкуренция была очень серьезная, и дисциплина, и соперничество за место в команде. Но тогда и спортивных школ не на десятки, на сотни было больше, чем сейчас в России. Мне все время говорили: дай дорогу молодым. Да если б было кому — я давно бы закончила со спортом. Но не

было рядом тех, кто мог бы заменить и на равных сражаться с теми же китайцами, где гимнастика — спорт номер один, и с американками, где гимнастических школ год от года становится все больше и больше. А у нас их — все меньше и меньше. Так откуда возьмешь запасной состав, если гимнастикой занимаются единицы.

В Китае же любо-дорого посмотреть и как тренируются мастера, и как дети тебе в рот смотрят, когда ты приезжаешь в их гимнастические школы с мастер-классами. Они все хотят быть как ты, они ловят каждое твое слово. И все бригады в олимпийском центре подготовки работают, я бы даже сказала, сверхсерьезно. У всех есть свои маленькие видеокамеры, тут же, в зале, огромные плазменные телевизоры, видеозаписи всех соревнований. Они тщательнейшим образом собирают информацию обо всем, что происходит в мире гимнастики. Смотрят и изучают внутренние чемпионаты разных стран, различные европейские турниры… Мне, к примеру, поставили тогда этапы Кубка мира, которых я практически не видела, поскольку сама уже не выступала…

Я давненько не была на нашей российской базе «Озеро Круглое». Но, думаю, что такого командного духа, такого желания учиться, совершенствоваться, такой целеустремленности и желания побеждать, как у китайцев, я, пожалуй, нигде и никогда больше не наблюдала.

Конечно, радует, что в последние годы руководство и нашей страны повернулось лицом к спорту, что стали задумываться над тем, что резервы слабо пополняются, что нет той массовости, которая была во времена СССР. Буквально недавно, в мае 2007 года, на базе «Озеро Круглое» открыли новую гостиницу и женский спортивный зал, которые возвели очень быстрыми темпами, чуть ли не за год. Надеюсь, что теперь и наши спортсмены будут жить и тренироваться в условиях, приближенных к мировым стандартам.

А вообще, с китайцами надо дружить. Это вовсе не означает, что я пытаюсь как-то заигрывать с ними перед грядущей Олимпиадой, которая пройдет в Пекине. Просто китайцы, во-первых, наши соседи, во-вторых, очень трудолюбивы (хороший пример для всех россиян), в-третьих, добродушны и приветливы.

В последние годы многие говорят как о китайском чуде, так и о тихой китайской экспансии. Сегодня в Китае присутствуют все крупнейшие мировые брэнды, создавшие на территории Китая свои фабрики и заводы, а сами китайцы расселяются по другим странам. И китайские кварталы есть теперь, пожалуй, во всем мире: целые города мигрируют из Китая в другие страны и ничего — и Европа, и Америка пока живы. Некоторые благодаря тем же

трудоголикам-китайцам, которые работают с утра до ночи, даже процветают. Известно, что нынешнее столетие вообще по всем прогнозам обещает стать веком Китая… У нас китайские колонии намного меньше, чем во многих странах Запада. Значит ли это, что и волноваться не стоит? Конечно, проблема есть и требует от российской власти внимания и… здравого смысла. В конце концов, страна, уважающая себя и своих соседей, вполне может без лишних истерик намекнуть, если что-то не так: ребята, вот тут вы не правы. И продолжать дружить дальше.

После того как меня наградили титулом первой красавицы в спорте, я стала в Китае частым гостем. У меня есть постоянный VIP-номер в шикарном отеле, я часто приезжаю на мастер-классы или торжественные встречи. Кстати, на одной из них мне подарили сделанную из ценных пород дерева деревянную статуэтку: девушка в китайском традиционном платье, в которой можно легко узнать мои черты.

Приятно, что накануне пекинской Олимпиады 2007 год был объявлен в России годом Китая. В Москву приезжал руководитель КНР Ху Цзиньтао, в Кремлевском дворце съездов прошел большой концерт А летом в спорткомплексе «Олимпийский» состоялись российско-китайские молодежные игры.

Естественно, не обошлось без участия гимнастов. У меня хоть и не было пригласительного, я не могла остаться в стороне от этого состязания и отправилась в спорткомплекс «Олимпийский», понимая, что мое лицо — главный пропуск на все спортивные турниры. Нашу страну представляла молодежная сборная. Порадовало, что появились в наших рядах новые имена, которых я даже еще не слышала. Конечно, они все допускали ошибки, но у них было главное — желание и стремление побеждать. А китайцы, как мне показалось, привезли совсем юных гимнасток, хотя по физической подготовке и по сложности программ они вполне соответствовали молодежной сборной. Я вот только не уверена, какой это по счету ее состав. Но мне показалось, что это были не лидеры, хотя и в них уже чувствовалась мощная китайская школа.

А пройдет немного времени, и вполне возможно, что именно эти спортсменки и будут диктовать моду на международном гимнастическом подиуме.

Глава двенадцатая
Романтический Сидней

…Конечно, на чемпионате мира в Китае я в очередной раз получила серьезную встряску. С одной стороны, уже успела привыкнуть к тому, что много выигрывала. Но это были не с неба свалившиеся победы, а результат очень серьезного многолетнего труда. И хотя поражений было меньше, чем побед, они были очень болезненными для моего спортивного самолюбия. Но на помосте я научилась скрывать свои переживания, слезы, раздумья, идеи и мечты. Я не имела возможности с кем-то всем этим поделиться. Все это выливалось в одиночество: я замыкалась в себе, уединялась в своей комнате на спортивной базе или уходила в лес, чтобы посоветоваться сама с собой, подумать и проанализировать все, что происходило на помосте во время борьбы. Я понимала, что должна и из поражений ковать свои будущие победы.

Помню, как я сидела на пеньке у озера и думала о том, как я подпортила свою репутацию за год до Олимпиады в Сиднее. Ведь мне уже «двадцатник», а молодежь напирает со всех сторон. Я понимала, что меня не «прокатят» мимо олимпийской сборной, ведь я уже была капитаном сборной, и место в команде за мной было как бы зарезервировано. Но я не могла позволить себе расслабиться, — ведь у меня в «багаже» были и старые травмы, которые иногда давали о себе знать, и титулы, которые, как я считала, действующая спортсменка всегда должна была подтверждать. Я прекрасно понимала: малейшая невнимательность — новые травмы надолго выбьют из колеи. Поэтому решила вернуть себя в «спартанскую среду обитания», в жесткий режим, оставив до лучших времен сердечные привязанности, которые время от времени возникали в моей молодецкой жизни, фотосессии в модных журналах и светские тусовки, — чтобы ничто не мешало моему второму восхождению на Олимп.

В мае 2000 года состоялся чемпионат Европы во Франции.

И там, в Париже, наконец-то российская женская сборная стала триумфатором в командном зачете. Мы с Леной Продуновой, Леной Замолодчиковой и другими девчонками одержали победу в командном зачете. Я снова выиграла абсолютное первенство, а «серебро» в этом виде программы досталось Замолодчиковой. Кстати, тогда, в парижском дворце спорта «Берси», впервые одновременно, на одной арене

проходили сразу два чемпионата — взрослый и юниорский. И победа наших юниоров показала, что мы имеем солидный запас прочности — аж до Олимпиады в Афинах.

В Париже мы традиционно соперничали с румынскими спортсменками. На вольных упражнениях, с которых начались соревнования, лидерство захватила команда Румынии. После опорных прыжков в наш спор вмешалась Украина. Но на третьем снаряде — брусьях — мы уверенно вырвались вперед.

И обогнали преследовательниц на целый балл. Как писали потом журналисты, мое уверенное выступление, вероятно, выбило из колеи выходившую следом Симону Аманар. От меня же зависел и итоговый результат на бревне. Максимальная собранность помогла нам одержать-таки свою первую командную победу.

Помню, на пресс-конференции после состязания в многоборье меня спрашивали журналисты, как мне удалось собраться, ведь после второго снаряда я порядком отставала от лидеров. На самом деле, меня даже в пятерке не было. Но я твердо усвоила: если часто смотреть на табло, вряд ли добьешься успехов. Это отвлекает, сбивает настрой. В конце концов, два снаряда — это только половина пути. Всегда надо идти вперед и бороться до конца. Уже тогда я заявила, что в Сиднее буду бороться за «золото», что у меня готовы новые программы, которые я активно обкатывала.

Несколько месяцев спустя, после того как в Москве, в «Олимпийском», завершились соревнования на Кубок России в многоборье и чемпионат в отдельных видах, в одной из газет я прочитала слова знаменитой гимнастки Лидии Ивановой: «Искренне восхищаюсь Хоркиной! Казалось бы: там, на чемпионских высотах, куда когда-то взлетела, Света могла бы наконец немножко успокоиться и в 21 год продолжать выигрывать только за счет имени и авторитета. Но она в очередной раз гениально обновила программы!» Дороги были для меня и слова главного тренера сборной России и президента национальной федерации Леонида Аркаева: «Я вижу Хоркину каждый день на протяжении более десяти лет, но не устаю ей удивляться. Она, вопреки всем гимнастическим законам, продолжает прогрессировать, когда, казалось бы, это уже просто невозможно! Ее можно сравнить с коньяком, который с годами только хорошеет…» Хорошо сказал. Аркаев всегда умел находить нужные слова, чтобы поддержать и успокоить. Только в те годы, когда мы были рядом, он любил меня называть стервой. Наверное, он был прав, я ведь и тренировалась и боролась до остервенения.

В спорте нужно быть немножко стервой. Но я всегда была

доброй. Никогда и никому не желала зла. Хотя могла и вспылить, и накричать, но всегда быстро отходила.

В Сидней мы приехали за месяц до Олимпиады. Думаю, что это было нашей первой серьезной ошибкой. Было бы лучше, если бы мы остались дома, на «Круглом». Там были нормальные условия для тренировок, там можно лучше сохранить и физическую, и психологическую форму. А ведь чувствовала я себя тогда просто шикарно! У меня получалось абсолютно все. Но старший тренер решил, что мы все должны быть в Австралии за месяц — и точка. Разве у спортсменов есть право голоса?.. А по моему характеру было бы гораздо лучше прилететь и — с корабля на бал: выйти на помост, всех на лопатки, медали в карман и — улетели!..

Мы же тренировались там целый месяц в простом спортивно-игровом зале с жестким деревянным полом, где были расставлены снаряды и, конечно, не было поролоновых ям, и всегда приходилось работать на жесткую опору. И снова забивались мышцы, травмировались суставы… В общем, точь-в-точь, как во сне, повторялись условия того предолимпийского сбора, который мы уже пережили перед Атлантой. Нас периодически мучила проверками бригада по допинг-контролю, особенно меня, ведь я была фаворитом. Однажды, правда, приключилась «забавная» история с допинг-бригадой. Как обычно, они нагрянули как снег на голову. Дело было вечером, «делать было нечего» — в смысле тренировок, — мы отдыхали: кто-то ушел на массаж, кто-то нежился в джакузи. Я сидела у себя в номере и читала книгу. Стук в дверь. Открываю — нежданные гости. Представились службой допинг-контроля и предложили мне сдать на анализ, извините, мочу. Гимнасток на анализы крови не диагностируют. И надо же было такому случиться, что буквально перед их визитом я уже побывала по малой нужде. Естественно, удовлетворить их просьбы об анализе сию минуту я уже не могла. Войдя в положение, бригада оставила рядом со мной «сиделку», которая ходила за мной по пятам в течение двух часов и записывала, что я пью и что я ем, пока мой организм не будет готов к тому, чтобы удовлетворить их просьбу об анализе. Она посетила со мной и массажный кабинет, и посидела рядом, пока я расслаблялась в джакузи, и изрядно мне поднадоела своим присутствием. Тогда я решила ускорить процесс и извлекла из «тайничка» банку пива… Вы бы видели ее глаза и изумленное выражение лица!

— Ты будешь это пить?! — промолвила медсестра в ужасе.

— Могу поделиться… — предложила я ей, ни чуть не смутившись ее реакцией. Мне было ужасно смешно и хотелось

побыстрее с ней расстаться. — Кстати, вкусное пиво. Рекомендую…

Слава богу, пиво действует безотказно. Анализы были сданы, пробы, естественно, отрицательные, и в конце концов допинг-службы оставили нас в покое. Хотя подобные вмешательства в предолимпийский настрой психологически напрягали. Но я старалась ни на что не обращать внимания. Ведь я уже знала, что такое Олимпиада — четыре года назад я всего этого уже хлебнула и, казалось бы, ко всему я была готова. Я чувствовала, что могла бы с закрытыми глазами выйти к любому снаряду и сделать все на двести процентов. И даже мое «любимое» бревно.

Мои ощущения оправдались уже на квалификационных соревнованиях, где я ушла в отрыв от всех на полбалла — по гимнастическим меркам это очень много! Настолько играючи я проходила все снаряды, что создавалось впечатление, что мне все очень легко давалось. Выходя на состязания в абсолютном первенстве, я была абсолютно спокойна. Меня нисколько не смущало, что девчонки на разминке много падали, и я даже не придала значения тому, что одна спортсменка сломала голеностоп и ее унесли на носилках.

Уж столько разных травм перевидала на помосте, что меня ничто не пугало, в тот момент я была ко всему готова и психически непробиваема. Да, я несколько раз на разминке «перелетала» коня, но мне казалось, что у меня так много сил и такая «пруха», что я толкаюсь слишком сильно и из-за этого немного не достаю коня руками… На азарте и адреналине предстоящей борьбы я даже не почувствовала, что с конем что-то не так. Тренер подсказывал мне ошибки, а я настраивалась на борьбу… Ни у кого даже в мыслях не было, что высота коня может быть установлена не в соответствии со стандартом.

…Зажглась лампочка, и я вышла на разбег своей первой попытки. Закрыла на мгновение глаза и ринулась в бой. Мощный толчок ногами, полет и… Рухнула на колени, разбив их в пух и прах. Я не могла понять, что случилось, почему зал ахнул, и что я делаю тут на полу. Даже не пытаясь разобраться, я встала и пошла на вторую попытку, морщась от боли. Колени ныли, но ноги слушались меня, и я терпела. Значит, слава богу, ничего не переломано и не порваны связки. Собрав волю в кулак, и до конца еще не осознавая, что произошло на первом прыжке и почему я оказалась на полу, я прыгнула второй прыжок просто отлично, как говорят гимнасты, «в доскок». Уж не знаю как, но в этот раз мне удалось преодолеть этого, как потом выяснилось, нестандартного коня, и я его «сделала». И получила очень высокую оценку. Вот только результат в этом виде многоборья

складывается из обоих прыжков…

Я ушла на другой снаряд — к брусьям. И вдруг увидела боковым зрением, что возле коня после моего опорного прыжка началась какая-то суета, его проверили и заявили, что снаряд выставлен неправильно. А мне и всем гимнасткам из моей команды сообщили, что после заключительного снаряда в многоборье мы сможем выполнить опорный прыжок заново.

И как я ни пыталась настроиться на свои любимые брусья, психологически была подавлена. Я все время думала только о том злополучном прыжке: как я могла допустить какую-то нелепую ошибку? Если бы не эта дурацкая оплошность, я бы была лидером.

Я ведь этот прыжок делала столько лет, могла бы прыгать его с закрытыми глазами, а тут — надо же… Еще не понимая, что конь был установлен неправильно, я корила себя, ведь в этом падении я не только разбила свои коленки, я вдребезги разбила свою главную мечту.

Психологическое потрясение было настолько сильным, что, сделав на брусьях свой «фирменный» элемент, я сорвалась с верхней двухметровой жерди, снова рухнув на разбитые коленки, но нашла в себе силы доделать комбинацию, и ушла с помоста.

Борис Васильевич пытался выглядеть спокойно:

— Света, еще не все потеряно! Соревнования еще не кончились. Давай работать до конца…

Я собралась с последними силами и решила «драться» дальше, не взирая на разбитые колени и досаду в душе. Я шикарно прошла бревно, успешно завершила вольные… Болели колени, камеры снимали мои огромные синяки, но я боролась до конца, потому что знала: в спорте все непредсказуемо, и каждая из соперниц могла ошибиться. Но потом я увидела, что многие девочки из моей команды решили воспользоваться правом перепрыжки. Я смотрела на них в замешательстве и думала, что же делать: прыгать или?.. Я попыталась ухватиться за мнение тренера и спросила у него. А в ответ услышала: «Решай сама!» И даже начала разминаться. Но вдруг почувствовала такой тяжелый груз на душе и пронзительную боль в коленях… А в сознании промелькнуло: «Да что же это такое?!. Мы что тут, на дворовых соревнованиях? Как же такое возможно, что коня выставили не по регламенту, и чтобы на Олимпийских играх давали перепрыжку?!.» Я считаю, что должны были остановить соревнования, установить коня на положенную высоту и начать все заново, мы ведь прошли только один снаряд, когда обнаружилась даже не ошибка — преступление!.. И я психанула, ушла из зала, послав всех ко всем чертям…

Сейчас жалею, что твердо не настояла тогда на этой промелькнувшей мысли. Надо было потребовать остановки соревнований, поднять всех на уши — и федерацию нашу, и международную, и руководителей Олимпийского комитета. Надо было тогда судиться! Надо было создать прецедент! И к тому же требовать возмещение морального и физического ущерба… Поверьте, мы бы миллионы отсудили! И в дальнейшем нас не посмели бы обижать, понимая, что мы и в юридической плоскости готовы драться за победу. Но тогда я больше думала о том, что через день у меня снова выступления, — ведь я попала в олимпийский финал сразу на трех снарядах — в опорном прыжке, на брусьях и в вольных, — к которым надо серьезно готовиться, а не искать по всей Австралии адвокатов. Тогда ко мне в олимпийскую деревню приехал президент Олимпийского комитета России Виталий Смирнов (сейчас этот пост занимает Леонид Васильевич Тягачев) и сказал, чтобы я не суетилась и никаких исков не подавала, что они уже все сделали. Я поверила, понадеялась… Да, иск они на самом деле подали, но для того, чтобы выиграть его, ничего не сделали… Меня подставили, пытались психологически сломать недоброжелатели, которым не хотелось отдавать мне пальму первенства, потому что все видели и понимали, что я была реальным победителем абсолютного первенства даже не на сто, на двести процентов… Но меня предали свои, не желая бороться за справедливость.

Даже не переодеваясь, я выскочила из спортивного комплекса на улицу. И не поехала вместе со всеми на автобусе в олимпийскую деревню. Уже спустились сумерки, но я шла пешком, в спортивном костюме нараспашку, из-под которого выглядывал гимнастический купальник с российским гербом на груди. Я шла и думала, как и чем заглушить эту нестерпимую боль в груди… Появлялись мысли, которых даже сама испугалась… Попробовала закурить, «стрельнув» у полицейского сигареты, — настолько мне было плохо. Наверное, я и выглядела соответствующе, потому что меня никто нигде не останавливал, даже служба безопасности. В этом состоянии небытия я добрела до своей комнаты. Всю ночь я не могла сомкнуть глаз: перед ними прокручивались мгновения моего падения…

Этого дня и ночи в Сиднее я не забуду никогда, как бы ни старалась этого сделать. Ведь еще ни разу в жизни я не была так уверена в себе и своем результате, в том, что я обязательно выиграю абсолютное первенство в многоборье. «Спасибо» тем, кто помешал мне это сделать. Речь ведь не только обо мне: то, что произошло с конем, было жестоко и обидно по отношению ко всем, кто через него в этот день прыгал. Хорошо еще, что никто

всерьез не пострадал — от пяти сантиметров, на которые был укорочен конь, подчас зависит и жизнь спортсмена, и его здоровье…

Наутро я встала совершенно разбитая. Отправилась на завтрак. А когда вернулась в комнату, замерла на пороге: она утопала в цветах. Шикарные букеты и корзины с цветами, к которым были прикреплены визитные карточки и записки из разных стран мира, в которых неизвестные поклонники поддерживали меня, успокаивали, в некоторых даже объяснялись в любви и предлагали мне руку и сердце, предлагали уехать с ним в любую страну, лишь бы только я была довольна и счастлива. Я рухнула на свои несчастные колени еще раз и расплакалась уже не от боли (я ее даже не почувствовала), а от умиления и счастья. Господи, спасибо тебе, шептали мои губы. Спасибо за то, что ты послал мне столько радости и замечательных поклонников, которые меня так любят и поддерживают, несмотря на то что я не оправдала их надежд. Но они понимали, что в этом не было моей вины. Они продолжали в меня верить. Значит, я должна собраться и ради нас всех сделать все, чтобы меня запомнили не стоящей у пропасти на коленях, а светящейся от счастья на высшей ступени олимпийского пьедестала: ведь у меня впереди целых три финала. И я просто обязана пройти их так, чтобы все ахнули уже от восторга.

Я убралась в комнате — ведь со вчерашнего вечера я в сердцах разбросала по ней все свои вещи, — красиво расставила цветы, зашла к Пилкину и сообщила, что на тренировку я в этот день не пойду. Борис Васильевич меня поддержал:

— Правильно, иди погуляй. Накопи душевных сил для завтрашних финалов…

Я вышла из олимпийской деревни, немного прошлась по городу, любуясь витринами. И остановилась у дверей шикарного салона красоты.

— О! — подумала я. — Туда-то мне и надо!

Салон красоты для женщины — это оазис, где она может не только почистить перышки, но и прийти в себя, расслабиться, восстановить эмоции, увидев себя красивую и любимую в зеркале. Я решила полностью сменить свой имидж. Попросила подстричь меня коротко-коротко, под ежика. Потом сделала массаж лица и красивый макияж, шикарный маникюр и педикюр…

И, страшно довольная собой и своим новым образом, продолжила прогулку по Сиднею. Зашла в кондитерскую, накупила шоколадных орешков макадамия, которые очень полюбила еще с предыдущих визитов в Австралию, — натрескалась их вволю. А вернувшись домой, отправилась

париться в баню… И уже после всего этого на все, да и на себя в том числе, смотрела уже совсем другими глазами. От души пообедала и только после этого позвонила маме. Понимая, что у меня было на душе, она даже не стала меня расспрашивать. Она лишь ждала, что я скажу ей сама.

— Да все нормально, мамуль, ты не переживай. Я справлюсь.

И мы еще отпразднуем мою победу. Вот увидишь!

Только после этого мама рассказала мне, что она звонила Смирнову, страшно ругалась, заявив, что никому не позволит обижать дочь, что всех «убьет»!.. А потом вдруг начала меня успокаивать, говоря, что «главное даже не медали, а чтоб со здоровьем все было в порядке, чтобы я душу себе не рвала и чтобы коленочки зажили…».

И только после этих слов я вспомнила, что даже не пыталась лечить свои разбитые колени! А ведь в олимпийской деревне был медцентр. Я отправилась туда, и нос к носу столкнулась с нашими теннисистами Женей Кафельниковым и Маратом Сафиным…

— Свет, ты молодец! Выглядишь — супер! Не сдавайся! Покажи им завтра, где раки зимуют!.. Мы будем за тебя болеть… — сказали они и пропустили перед собой в кабинет к врачу.

Как же я благодарна всем, кто помог мне в тот день справиться с негативными эмоциями. О том, что накануне произошло, я уже больше не вспоминала. И хотя уже не была той Хоркиной, какой выходила на помост накануне, я была еще злее и еще увереннее в себе. Я была готова к предстоящим финальным соревнованиям в прыжке и брусьям.

А утром, на завтраке, ко мне подсела тренер нашей гимнастки Лены Замолодчиковой и стала интересоваться, как я себя чувствую, не болят ли у меня колени.

— К чему это вы клоните? — переспросила ее я.

— Ну, ты же понимаешь, финал в опорном прыжке — дело серьезное, а у тебя травма. Сможешь ли ты как следует прыгнуть?

— Смогу…

— Уверена?

— Абсолютно.

— А может, лучше Лена тебя подстрахует, она все-таки в Китае стала чемпионкой мира на опорном прыжке…

— Но ведь я завоевала право на финал, а Лена в финал не попала! Значит, прыгать в финале буду я. И дайте мне спокойно позавтракать… — сказала я, давая понять, что разговор закончен.

На самом деле, в стартовых протоколах финалисток в опорном прыжке значилась фамилия Хоркиной. Так и должно

было быть, поскольку шестерки лучших, оспаривающих награды на отдельных снарядах, формируются на основании результатов предварительного этапа.

Когда мы сели в автобус, чтобы ехать в спортивный комплекс, я заметила в нем и Лену, и ее тренера, они тоже поехали в зал, хотя прекрасно знали, что состязаний у них сегодня нет. В раздевалке тренер снова подсела ко мне:

— Света, ты ведь не выиграешь, а России нужны золотые медали…

И вдруг предложила:

— Света, если мы выигрываем, все призовые, а призовые немаленькие — 50 тысяч — будем делить пополам!..

И вот тут в моей душе проскочила тень сомнения. Я была абсолютно не настроена дарить свой шанс кому-либо. Но все-таки после этого предложения задумалась, поскольку в наши прения вмешалась простая математика: половина призовых от «золота» была равна полным призовым от «серебра». «Ну, останусь я без призовой медали (их у меня и так уже было предостаточно). Зато я получу не меньшую материальную компенсацию за весь тот труд, который я вложила на пути к Олимпиаде, все те лишения и невзгоды, которым подвергала себя на протяжении четырех лет…» Сомнения вкрались, но решения я все еще не приняла. И пошла в зал на разминку, прихватив еще и купальник, в котором собиралась выходить на состязания в прыжке…

Лена Замолодчикова тоже вышла на разминку, показывая мне, как она великолепно готова. Начался жесткий психологический прессинг на меня. Потом они еще несколько раз подходили ко мне и клянчили: мол, я могу претендовать лишь на «бронзу», а у Лены есть шанс… «У нее — шанс… А что же она не воспользовалась им на предварительном этапе?» — думала я. И где гарантии, что она выиграет, ведь путевку в финал на предварительном этапе она не завоевала. Значит, я тоже вполне могу претендовать на «золото», особенно после того, как меня «обидели». Я имела шанс реабилитироваться именно в этом виде программы. И я снова и снова говорила на разминке Лене и ее тренеру, что не могу отдать им этот прыжок, что не могу отказаться от такого шанса. Тем более что я заработала эту путевку в честной борьбе.

Но я не видела, что обрабатывая меня, давили и на моего тренера. Не выдержав, Борис Васильевич подошел ко мне и сказал мне:

— Свет, ну отдай ты им прыжок! — И я подумала, что, наверное, ему виднее… Ну ладно, пусть Ленка поборется за «золото». Видите, какая я добрая… А с другой стороны, если

анализировать ход борьбы в финале, то и я вполне могла бы быть с еще одной золотой медалью.

В прессе потом написали: «Когда наступило время финалов, организаторам пришлось внести в протокол коррективу: незадолго до их начала место Хоркиной в них заняла Замолодчикова. Замена на соотечественницу разрешается. Но сидящим на трибуне оставалось только гадать, почему российская команда прибегла к такому маневру. То ли Хоркина так разобиделась на австралийского коня, что больше не захотела иметь с ним дела, то ли пожертвовала финальной вакансией для чемпионки мира 1999 года как раз в опорном прыжке?» Но люди искушенные в спорте понимали, что такие «подарки» на спортивном ристалище добровольно никому не делаются. В спорте незыблем принцип — борись и завоевывай себе право на финал — слишком уж высоки ставки, слишком много сил затрачено на пути к олимпийской высоте. Некоторую ясность внес Борис Васильевич, дав тогда интервью для российской прессы. Он говорил, что у меня сильно болит колено, которое я ушибла при выполнении этого злополучного прыжка через укороченного коня, во время борьбы за абсолютное первенство. Кроме того, Пилкин заявил, что он уговорил меня не прыгать, хотя у нас и есть в арсенале новый интересный прыжок и мы можем претендовать с ним на высокие места на пьедестале. Но, поскольку вмешалась травма, решили перестраховаться, ведь стране нужна именно медаль высшей пробы.

По жребию первой прыгала испанка Эстер Мойя, имевшая в предварительных состязаниях наивысший балл в этом виде программы. И сразу же сделала заявку на победу, получив самую высокую оценку за этот вечер — 9,762. Но на второй попытке, видимо, сдали нервы, и ее Мойя смазала. Вслед за ней прыгала чемпионка олимпийских игр в Атланте в этом виде программы Симона Аманар. И снова нервы — она с трудом устояла на ногах. Замолодчикова же серьезных помарок избежала, и набрала 9,731, который и позволил ей стать победительницей этого дня. А ведь показала ровно столько же, сколько у меня было в предварительных соревнованиях, и тогда мой результат был третьим. Впереди меня тогда стояла румынка Андреа Радукан. Она вполне могла претендовать на победу. И вроде бы хорошо она прыгала, да 0,038 балла ей не хватило до победы, и она стала второй. Так что и я вполне могла выиграть, ведь накал борьбы в состязаниях меня из колеи вряд ли бы выбил. Да что уж там — прыжок отдала. Лена получила золотую медаль. Я тогда не думала ни о чем личном, болела за нее и была очень рада за ее победу. За нашу победу! Воодушевленная этой победой, я пошла

готовиться к брусьям.

Вдруг раздался звонок мобильного телефона — это была Юлька, моя сестра. Она только что приехала в составе белгородской делегации в Сидней. А мне до выхода на помост для разминки оставалось буквально десять минут. Она сказала мне: «Света, я здесь, около зала». Я все бросила и помчалась к ней. Мы обнялись, всплакнули, конечно… Юлька быстрее приходит в себя, уверенно хлопает меня по плечу и говорит: «Ну, Светка, а теперь давай! Сделай их всех!..» Я сказала: «Иди на трибуну и будь со мной мысленно рядом…». А сама, воодушевленная присутствием рядом родного человека и возбужденная, поспешила на помост, молясь и благодаря Всевышнего: «Господи, спасибо тебе, как же вовремя ты прислал мне в поддержку мою сестренку!..» Ведь Юлька тут же подняла мое настроение, — мне ведь так не хватало рядом близкого человека! Эта моя победа стала и ее победой одновременно.

Выйдя на разминку, я уже была абсолютно уверена в себе. Боялась только того, чтобы брусья, как накануне в многоборье, не оказались, мягко говоря, нестандартными. Но размялась, почувствовала, что снаряд в порядке и ринулась в бой. Отработала свои брусья на одном дыхании, как не работала, пожалуй, еще никогда в жизни. А потом снова расплакалась. И уже не верила, что снова выиграла, а только молилась и благодарила Всевышнего за поддержку и помощь. Мне это «золото», конечно, грело душу.

Как писали потом в прессе, перед финалом на брусьях вопрос стоял лишь о том, сумела ли Хоркина справиться с выпавшими на ее долю психологическими потрясениями. Ведь ее мастерство на этом снаряде ни у кого не вызывало сомнений. Однако было еще и почти сорванное выступление накануне, когда я чудом смогла продолжить выступление из-за психологического стресса… И потому зал замер, когда я сделала свой фирменный элемент (именно на этом месте я допустила грубую ошибку в предыдущем выступлении), а потом издал вздох облегчения, когда я продолжила комбинацию. И взорвался аплодисментами, когда судьи выставили 9,862. В тот день казалось, что уже никто не сможет даже приблизиться к этой цифре. Однако выступавшая последней китаянка Лиин Цзе получила от судей подарок в виде 9,837, хотя даже дилетантам было видно, что ни по сложности композиции, ни по эмоциональному воздействию ее программа не могла сравниться с моей. Борис Васильевич Пилкин после этого говорил журналистам: «Уровень комбинации у Светы столь высок, что другие не скоро его достигнут: она делает четыре сложнейших перелета! А оценка меня, мягко говоря, удивила. Как

тренер, я даже не знаю, что нужно было еще сделать, чтобы она была выше. Я ничего не имею против китаянок — они заслуженно заняли свои призовые места. Но их программы по насыщенности сложными элементами и легкости исполнения значительно отстают от того, что делает Хоркина. Нельзя подходить к гимнасткам с разными критериями. Судить всех надо с одинаковой мерой строгости».

Тем не менее я выиграла и вновь стала олимпийской чемпионкой на брусьях. Мы все были в эйфории успеха, радовались победам. Однако о своих обещаниях тренер Лены Замолодчиковой больше не вспоминала. Она лишь скромно поблагодарили меня за то, что я подарила Лене шанс. А я, естественно, в тот день об их обещании не напоминала.

Потом были пресс-конференции, вопросы, вопросы, сочувствия, объяснения. Борис Васильевич говорил, что, конечно, победа на брусьях помогла мне отогнать грустные мысли, переживания, навеянные происшедшей несправедливостью. Говорил, что «Хоркина была отлично готова к Олимпиаде, и предварительные состязания, по итогам которых она в трех из четырех видов заняла места в первой тройке, это подтвердили. И вдруг это недоразумение с конем… Если это не злой умысел, то преступная халатность. Мы подали протест, но дело-то уже сделано. И мы, чтобы восстановить у Светы душевное равновесие, старались использовать всю силу убеждения. Твердили ей, что не все потеряно, что черную полосу в жизни всегда сменяет светлая…»

Оставался последний день наших соревнований на Олимпиаде — финал вольных упражнений. И вдруг сенсация: положительный результат допинг-анализа румынки Андреа Радукан, за которым обычно следует дисквалификация. И вот вам пример еще одного политического фокуса — вместо серьезного наказания ее просто лишили золотой медали в абсолютном первенстве и отпустили с миром. А медаль румынской команде, как победительнице в командном первенстве оставили. Хотя без ее результата, показанного с допингом, команда вряд ли вошла бы в число призеров. Еще один пример сильной политической позиции и авторитета румынской гимнастической федерации в МОКе. И ведь уже на следующих международных соревнованиях она выступала как ни в чем не бывало. Уверяю вас, россиянок бы наказали по полной программе.

Я помню историю с нашими художественными гимнастками Алиной Кабаевой и Ирой Чащиной, когда их дисквалифицировали якобы за использование препаратов для сгонки веса. И они не выступали целый год… Я же в этих целях

никакими препаратами никогда не пользовалась. Знала только одно средство, чтобы похудеть: увеличенные нагрузки. А еще когда накапливался стресс — «сгорала» на глазах. Труднее всего справляться с психологическим напряжением.

Итак, мы выходили на вольные. Жребий подбросил мне стартовый номер перед Леной Замолодчиковой, а психологически это играет большую роль — всегда легче выступать за сильной гимнасткой, нежели перед ней. Да и судьи придерживают более высокие оценки к выступлению последних. Если только они не совершают каких-то очень грубых ошибок. В итоге я проиграла Лене какие-то сотые балла, и она становится второй раз олимпийской чемпионкой, а я — серебряным призером. Я за нее была даже рада, ведь накануне она «выстрелила» с моей подачи, а этот финал выиграла сама… Тогда я даже не предполагала, что и гимнастка и ее тренер под звуки «медных труб» забудут о своих обещаниях…

Все воздается по заслугам. И хотя на сиднейской Олимпиаде я не победила в многоборье, но после своего злополучного падения с коня еще больше прославилась. В спорте часто так бывает: можно выиграть и не стать знаменитой, а можно проиграть и прославиться на весь мир.

Олимпиада закончилась, и мне хотелось побыстрее вернуться домой, не дожидаясь окончания всей программы Игр и церемонии закрытия. А вот Юльке, которая приехала в в Сидней чуть позже, хотелось походить и на другие виды спорта. И мы договорились с ней, что я провожу ее в отель, а сама отправлюсь собирать вещи. Но пока мы добирались через весь город до ее прекрасного отеля на берегу океана, прошел ливень и мы вымокли до последней нитки. Однако стоило нам появиться в фойе поздно вечером, как все мои земляки, заброшенные на другой конец света, — моя группа поддержки, — тут же ринулись ко мне с цветами и объятиями. Мы уселись в баре, который находился прямо напротив входа в отель, и стали обмывать мои медали. В тот день еще было много разных приятных и неожиданных встреч. И я никак не предполагала, что одна из них станет судьбоносной. Что именно в этот вечер в моей жизни появится мужчина, который поменяет все приоритеты и на несколько лет сделает меня самой счастливой женщиной в мире. Впрочем, тогда я этого еще не знала. Мы сидели в баре, болтали и смеялись, когда меня увидел один знакомый и удивился:

— Хоркина! А ты что тут делаешь?

— Да вот сестру передала в надежные руки, а сама завтра улетаю. Здесь ведь у меня земляки обитают — решила с ними отпраздновать…

— С тобой мечтает познакомиться мой приятель. Ты не возражаешь?

— Шутишь? Мне сейчас не до этого… Я попала под дождь и вся промокла… Да к тому же еще и немножко выпила…

— Да ладно!.. Ты же олимпийская чемпионка! Имеешь право…

— Может, попозже, — сказала я без особого желания. — Я хочу покуролесить тут со своими… — И так «покуролесила», что и о приглашении этом совсем забыла. Осталась ночевать в номере у сестры и решила, встав пораньше, вернуться в олимпийскую деревню, собрать вещи и рвануть в аэропорт.

Но только я положила голову на подушку, в надежде уснуть сладким сном в номере своей сестры, как в дверь постучали. Юлька открыла и вернулась в комнату с тем самым знакомым, с которым я вечером столкнулась в фойе, и он все-таки уговорил меня пойти на встречу с его приятелем.

Когда мы вошли в номер, на столе стояло шампанское, конфеты, цветы и клубника. Мы поздоровались и повели светскую беседу об Олимпиаде и всех ее «подножках». Мужчины говорили о моем сильном характере и о победе. А тем временем наступило утро. Мне нужно было срочно возвращаться в олимпийскую деревню. Я выскочила из отеля, схватила такси и…

Тогда я не думала о том, что эта ни к чему не обязывающая встреча будет иметь продолжение. Я думала, что это очередное знакомство с человеком, который просто хотел пожать руку двукратной олимпийской чемпионке.

Журналисты после сиднейской Олимпиады не раз спрашивали меня: «Неужели у вас не было желания как-то публично выразить свое отношение к организаторам турнира?» Поверьте, желание было. И огромное. Наверное, случись такое с гимнастом-мужчиной, он нашел бы, какой жест показать судьям, не постеснялся бы. Я ограничилась только откровенным телеинтервью, о котором нисколечко не жалею: я убеждена, что ошибочно установить высоту коня на пять сантиметров ниже на Олимпиаде — это нонсенс! Это была преднамеренная диверсия. Это же не первенство деревни, где выступают второразрядники! Очень жаль, что мы тогда не довели дело до конца — надо было отсуживать у организаторов кучу миллионов долларов. Но… Последствия сказались на зимней Олимпиаде в Солт-Лейк-Сити, а потом и в Афинах — это уже было просто торжество искусства интриг!

Вернувшись в Россию после триумфа в Сиднее, я поспешила к себе домой, в родной Белгород, в свое психологическое убежище. Я всегда возвращалась домой, чтобы восстановить душевное

равновесие. В Белгороде меня «купали в любви». И многие рассказывали, что после моего злополучного коня полгорода было в предынфарктном состоянии, а «скорая» не успевала выезжать на вызовы. В родном городе как нигде я восполняла свои эмоциональные затраты. У нас в области чудесные руководители. А благодаря моим выступлениям на международной арене весь мир узнал о моем родном Белгороде. Хотя поначалу его частенько путали с Белградом. Мне страшно обидно было на соревнованиях. Может, поэтому я даже стала лидером молодежного белгородского политического движения. Помню, в свое время Саша Карелин представлял партию «Единство». Я тоже была на съезде и даже говорила речь… А потом приехала в Белгород, и этот визит домой как раз совпал с днем выпускника. Меня попросили выступить перед молодежью на площади. После этого меня выбрали в лидеры. Но разве тогда мне до политики было? Политика широким фронтом войдет в мою жизнь значительно позже. А тогда я все еще жила спортом.

Тогда, за выступление и победу в Сиднее губернатор Белгородской области Евгений Степанович Савченко презентовал мне от земляков изумрудный внедорожник «Хонду HR-V» с автоматической коробкой передач. Честно говоря, я всегда мечтала о такой большой машине. Вообще-то папа научил меня водить машину достаточно давно, но практики все время не хватало, и ездила я не очень уверенно. Поэтому, садясь за руль, особенно в Москве, старалась не лихачить, хотя я по жизни человек очень азартный, заводной и увлекающийся.

Уже через несколько дней после олимпийского затишья меня снова вызвали в Москву, на бал олимпийцев. Снова была эйфория счастливых воспоминаний, приятных встреч и новых знакомств.

И снова, и снова журналисты спрашивали меня о планах на будущее. Да и я сама частенько задумывалась над тем, что будет дальше. Снова не сбылась моя мечта стать абсолютной чемпионкой. И хотя в моей внушительной коллекции наград появилась еще одно олимпийское «золото», — ведь в Сиднее я снова стала олимпийской чемпионкой на брусьях, — меня это уже не удовлетворяло. Было всерьез затронуто мое спортивное самолюбие и не давало покоя ощущение того, что меня просто подставили. И в то же время на чашу весов ложились мои раздумья о возрасте и о том, что молодые девчонки подрастают и вскоре начнут наступать мне на пятки. А ведь еще и травмы! У меня хоть и мало травм, но они все-таки были. Каждый раз, когда меня спрашивали: «Светлана, будете ли вы продолжать тренироваться и выступать?» — я отвечала: «Поживем — увидим…» Тем более что уже через несколько дней после бала мы

улетали в США на шоу суперсильных гимнастов планеты. По замыслу организаторов, я стала в этом шоу своеобразным антиподом грубой мужской силе, выступив с показательными упражнениями, символизирующими женскую грацию и красоту.

В Сиднее я пережила настолько сильное эмоциональное потрясение, что за этим неминуемо должна была последовать серьезная психологическая разрядка. И, видимо, предчувствуя это, журналисты засыпали меня вопросами о моих делах сердечных. Ведь так или иначе вездесущие репортеры узнавали о моих каких-то мимолетных романчиках с гимнастами и другими спортсменами. Нас все время женили с Немовым, хотя тот период, когда я на самом деле была увлечена Лешкой, прошел задолго до их пристального внимания к нашим персонам. Я впервые увидела его на первенстве профсоюзов, когда еще не была членом сборной команды страны. Мы с моей подругой Аленой и другими провинциалками узнали, что на турнир приедут несколько ребят с «Круглого» и один парень по фамилии Немов. Во-первых, он самый сильный и точно выиграет, а во-вторых, он очень симпатичный… Во всяком случае, так считали окружающие. Мы, закончив свои выступления победой, пошли смотреть на состязания мужчин. Глядя на этого красавчика, я поспорила с подружками, что он не выиграет. Из-за вредности, конечно. Но Немов все-таки выиграл. А познакомились мы поближе лишь тогда, когда я вошла в сборную СССР и приехала на «Озеро Круглое». Но я не побежала к нему сразу же знакомиться и поздравлять с недавним успехом, а сделала это несколько позже.

Я помню трогательную историю, которая произошла на «Круглом». Ко мне периодически приезжала мама. И все знали, что надо срочно наведываться ко мне в гости: стол после ее визитов ломился от домашних деликатесов. А началась эта традиция с того, что мама привезла много вкусной домашней еды. А курочку с картошечкой прямо в кастрюльке… Запах разлетался по всему гостиничному блоку и долетал до наших мальчишек, которые жили на втором этаже… Я, как гостеприимный человек, сразу же приглашала всех ребят и девчонок к себе полакомиться. Все налетали на привезенную еду с такой жадностью, будто нас неделю не кормили. У мамы глаза на лоб лезли, потому что буквально через десять минут на столе лежали лишь добела обглоданные косточки и все кастрюли сияли до блеска. Будто Мамай по Руси прошел…

А потом, когда наступили голодные 90-е и мы были уже в сборной России, мамины визиты ждали на «Круглом», как манны небесной. Мы, как и вся страна, жили с перебоями в поставках.

При появлении наших мам с угощением информация о вкусной трапезе молниеносно разносилась по всему спорткомплексу. Ну а моя мамуля всегда отличалась особо тяжелыми сумками, которые она с трудом поднимала. Их тут же брали в свои сильные натруженные руки наши мальчишки, лишь только она появлялась на территории базы. Доставив ее с почетным эскортом до моих дверей, они не забывали спросить: когда можно зайти, чтобы отведать вкусностей… Мы назначили время, естественно, после последней вечерней тренировки. Ну а мама деликатно присаживалась в уголке и наслаждалась нашими эмоциями… Спасибо, мамочка, ты всегда появлялась в самые трудные минуты моей жизни! Ну и, конечно, в счастливые минуты ты всегда со мной рядом!

Мы собирались у меня в комнате не только ради того, чтобы натрескаться, но и просто поболтать, обсудить новые фильмы, диски, что-то посмотреть… Причем собирались не только у меня, но и в комнатах у мальчишек, и на так называемых школьных уроках. А то и списывали друг у друга. Так мы и сдружились с Немовым. Оказалось, что у нас с ним много общего не только в спортивном детстве, — наши мамы учились чуть ли не в одном медицинском училище в Мордовии, и у нас там много родственников. Честно говоря, я не думала, что Немов окажется таким простым и очень стеснительным парнишкой… Постепенно этот милый и простодушный мальчик стал душой нашей компании, специалистом по новинкам в кино и музыке, знал много анекдотов и слыл достаточно образованным человеком. И если вдруг в компании по каким-то причинам не оказывалось Леши, чувствовалось, что его не хватает. И между нами просто не могла не возникнуть симпатия друг к другу. Уж не знаю, можно ли это назвать первой любовью, но это было чувство, которое оставило теплый и ласковый след в душе. Наши отношения постепенно переросли в добрые человеческие отношения на долгие годы и очень большую дружбу. Мы оба были лидерами российской сборной команды — он в мужской, я — в женской. Естественно, часто получалось так, что мы вдвоем с Лешей выезжали на все Гран-при и на все возможные показательные выступления и шоу за границу. Нас часто видели вместе. И наша нежная дружба многим бросалась в глаза. Ну а поскольку нам обоим нравилось будоражить интерес публики, мы время от времени подбрасывали репортерам поводы для размышления.

Еще в 1995 году мы оба впервые стали чемпионами мира в Японии. Затем в олимпийской Атланте. Но там же в Атланте влюбленные девушки, а затем и пронырливые журналисты наградили Немова еще одним титулом — секси-Алекси. Он стал

своего рода секс-символом Олимпиады. Высокий, накачанный, горы мышц, поджарый и с симпатичным лицом… Я видела толпы поклонниц и море цветов у стадиона, в ожидании его выхода. Одним только своим видом он кружил девчонкам головы и разбивал сердца. Я, к счастью, от него с ума не сходила и искренне радовалась его головокружительным успехам. Ведь я была его самым близким другом, мы были как брат и сестра, всегда вместе — и в минуты радости, и в трудные времена… А таких моментов, когда поддержка близкого друга была жизненно необходима, случалось немало… Общаясь со многими великими спортсменами, я поняла, что, как правило, все они очень скромные люди. С одной стороны, они привыкли бороться, но всегда стесняются просить лично за себя. Они привыкли вкалывать не жалея сил, они всегда дисциплинированы. Но, если на их улицу приходит праздник, они отмечают его, празднуют и гуляют со всей широтой души, чтобы отпустить все тормоза и избавиться от огромных стрессов профессионального спорта.

Первым городом наших гастролей по Америке на сей раз был Нью-Йорк. И если в предыдущую поездку я не успела побывать у главных символов этого города-гиганта, то на сей раз я не удержалась от того, чтобы добраться до статуи Свободы. Рискнула залезть не только на смотровую площадку, расположенную в ее короне, но и на верхний этаж самого высокого небоскреба. Когда мы мчались в лифте, я думала, что мои барабанные перепонки не выдержат перегрузок. Пожалуй, два бланжа на акробатической дорожке мне давались легче. Я побродила по Брайтон-бич и отведала там русской колбаски. Оказалось — все равно не наша на вкус. Вдоволь накаталась на лимузинах. И, естественно, не могла не посетить самые громкие мировые мюзиклы на Бродвее. Там же, в Нью-Йорке, нас пригласил в самый крутой ресторан — «Пальма» (Palma) менеджер Арнольда Шварценеггера. Кстати, на посещение этого ресторана записываются за пару месяцев. Здесь любят бывать звезды американского кино и шоу-бизнеса — Селин Дион, Мадонна. Мы с Немовым там впервые попробовали лобстера, который стал любимым блюдом на долгие годы, хотя в тот вечер оба впервые почувствовали, что такое объесться до потери сознания.

По традиции в гимнастическом шоу участвовали и сильнейшие американские гимнасты. Стала заглядываться на одного гимнаста из американской команды. Его завали Стив. Я даже подумала:

«А не закрутить ли с ним романчик?!» Он немного говорил по-русски и был частым участником наших скромных российских

посиделок (нас ведь было всего трое — я, Лешка и Лена Продунова), которые мы устраивали после каждого шоу. И когда утром следующего дня я видела у порога своей двери скромный букетик, коробку конфет или милую мягкую игрушку, я все время думала, что это презент от Стива. Только он никогда в этом не признавался, несмотря на мои прямые вопросы. Я была заинтригована. До сих пор я не знаю, кто этот таинственный поклонник, который проявлял ко мне эти милые знаки внимания.

Два месяца вдали от Родины, от близких были не самыми легкими в психологическом плане. Наши американские друзья, понимая это, всячески старались скрасить нам свободные дни и вечера, приглашая нас то на дискотеки, то на молодежные вечеринки, то в рестораны. И когда наш шоу-экипаж прибыл в город Коламбус, все тот же менеджер Шварценеггера пригласил на турнир по бодибилдингу, патроном которого был этот суперпопулярный актер, а ныне губернатор Калифорнии. Когда мы подъехали к залу, увидели толпу народа у входа и возвышающуюся над ней голову Терминатора. Оказалось, что это желающие сфотографироваться с губернатором и получить автограф. Но мы, как личные гости Арни, получили в этой процедуре приоритетное право.

Уж не знаю, запомнил ли великий Терминатор нас тогда и помнит ли сейчас. Но мы все ехали на эту встречу с немалым волнением, ведь все мы смотрели «Терминатора» и мечтали подойти к этому «железному» человеку и пожать ему руку…

Меня удивило то, что он оказался очень спокойным, умиротворенным мужчиной, довольным своей жизнью и простым в общении. Мы пофотографировались с ним, немножко пообщались, а потом остались посмотреть на турнир. Я была в восторге от увиденных мужчин, и в ужасе от женщин. Когда я спускалась с этими прекрасными дамами в лифте, то поняла, что по ним можно изучать анатомию. Все-таки женщина должна оставлять себе про запас хотя бы чуточку мягкости и неги, а не превращать себя в прямом смысле в железную леди. Даже если за это платят хорошие деньги.

С Арнольдом Шварценеггером мы потом еще несколько раз встречались и в рамках этого шоу в других американских городах, да и во время других визитов в США. Он узнавал нас и даже познакомил со своей супругой. Путешествие с шоу по Америке помогло мне восстановиться эмоционально. У нас в России в те времена еще не знали, что такое настоящие фан-клубы. Не понимали, что группы людей, которые колесят за тобой по стране и искренне тебя любят, оказывают тебе неоценимую психологическую поддержку. Это люди, которые не ведут себя

нагло, не лезут в твою личную жизнь, а наоборот, помогают тебе в трудные минуты, отвлекают на себя внимание назойливых репортеров и папарацци. Я помню, в Японии, когда я только-только прилетела и вошла в отель, там уже стояла толпа журналистов. Но мои преданные японские фанаты оттеснили прессу, помогли спокойно уединиться в своем номере и охраняли мой сон, пока я не смогла выйти к ним и уделить достаточно внимания. Спасибо всем моим искренним почитателям и низкий им поклон.

Любовь публики, многочисленные фан-клубы, внимание прессы, телевидения, ненавязчивые физические нагрузки помогли мне держать себя в узде. И я для себя решила: ладно, я возвращаюсь на «Озеро Круглое», но, находясь на сборе, буду жить и тренироваться по собственному усмотрению, благо у меня был зеленый свет, и я могла делать, что хотела, наплевав на все режимы и запреты. Еще раз огромное спасибо Аркаеву, который верил в меня и понимал, что мне тогда это было просто необходимо. Я была предоставлена сама себе и своему тренеру.

Отдохнув от олимпийских переживаний и нагрузок, поразмыслив и посоветовавшись с Пилкиным, я решила продолжить выступления в спорте. На самом деле мои комбинации оставались одними из самых сложных в мире. Их нужно было лишь слегка скорректировать в соответствии с измененными правилами нового олимпийского цикла. Вновь заявила о себе старая мечта выиграть «золото» в «абсолютке» и рассчитаться со скептиками за тот злополучный прыжок, досадивший мне в Сиднее… Тем более что совсем недолго оставалось ждать до чемпионата мира в Генте, где я обязана была в соответствии со своим «рыцарским кодексом» доказать, что я — сильнейшая в мире! И я решила запереть себя в «монастыре» под названием «Озеро Круглое» еще на четыре года.

Благодаря гимнастике меня знали и знают во всем мире. Скажу без ложной скромности: она принесла мне международную популярность и славу. Даже в такой суперстрогой в плане секьюрити стране, как Америка, она помогала мне открывать закрытые двери. Помню, я опаздывала на рейс в Лас-Вегас. Уже закончилась регистрация, и пассажиры заходили на борт. Но стоило мне предъявить свой паспорт, как, быстренько переговорив с офицером, девушка сказала мне по-английски: «Светлана! Бегом в самолет!»

Была еще одна забавная история. В Москве проходил очередной международный кинофестиваль. И вдруг нам на базе «Озера Круглое» сообщили, что познакомиться со мной и Лешей Немовым желает известная актриса, исполнительница роли

суперженщины Никиты — Пета Уилсон. Оказывается, она видела нас в Сиднее, болела за нас и, оказавшись в Москве, заявила, что хочет с нами познакомиться. Она приехала на базу вместе со своим бойфрэндом и режиссером. Я, конечно, всех об этом визите предупредила, чтобы готовили фотоаппараты, майки для автографов, ведь не каждый день на «Круглое» голливудские звезды приезжают. Мы все пищали от восторга, когда актриса приехала. А она такой веселой оказалась, бесшабашной. Мы с ней прикалывались, веселились, на ковре она нам разные трюки демонстрировала, которые сама, без дублеров на съемочной площадке делает. Нам, кстати, тогда сказали, что мы с ней похожи, как сестры. Я даже режиссеру удочку закинула: мол, давайте вместе в кино снимемся… Он тут же спросил, сколько мне лет. Я тут же пококетничала: «А сколько дадите?» Он сказал, что шестнадцать. «Спасибо, — говорю, — но мне уже двадцать два».

В тот период мне многие говорили, что внешне я очень изменилась. Одни говорили, что повзрослела, другие — стала потрясающе элегантной… Таким, пожалуй, было то плодотворное влияние, которое оказывал на меня новый круг общения, который появился у меня после той случайной встречи в сиднейской гостинице. Тогда, после драмы с конем, если вы помните, я коротко остригла волосы. Но новые друзья, общение с которыми продолжилось и после нашей встречи в Сиднее, другая среда, в которую я вошла, заставили меня взглянуть на себя с другой стороны, разобраться в себе и внутренне расти, развиваться… Я стала много читать и была невероятно счастлива от этого нового общения. Я продолжала спокойно жить и радовалась счастью, не крича на весь мир: ах, он мне кольцо подарил с бриллиантами, ах, в экзотические края повез на отдых!

Когда переживания Сиднея несколько улеглись, я уже больше никого не обвиняла в своем поражении на Олимпиаде. Вернее, обвиняла исключительно себя. Занималась самоедством, думала, что форму потеряла, что пора уходить… И еще, что даже у таких везунчиков, как я, иногда случаются и мрачные дни. Что ни говори, а все-таки я всегда была везучей. Ведь даже все мои детские недостатки в конечном счете сыграли мне на руку. То, что я была не очень физически развитым ребенком, как раз и привело меня с помощью моей мамы в спортивную гимнастику. И к тренерам я попала самым лучшим. И мои нестандартные данные стали моим козырем. И в Москву попала, и жила бок о бок с гимнастками, портреты которых в детстве висели дома над моей кроватью.

Были, конечно, у меня и падения, и травмы, но Бог миловал

— без серьезных проблем. Были месяцы, проведенные на больничной койке, во время которых наедались лишние килограммы. А потом, скрипя зубами, я сгоняла их с помощью ненавистного бега трусцой. Но все это окупалось сполна моими победами. И я никогда не переживала из-за того, что была лишена детства, потому что к своим двадцати годам я с Божьей помощью уже заработала и смогла приобрести то, к чему многие люди стремятся всю жизнь.

Меня часто спрашивали: верю ли я в Судьбу, в случай? Верю. Но я верю и в Бога. Все, что мы получаем или не получаем — Божий промысел. Я, как человек верующий, когда приезжаю в Белгород, обязательно иду в свою любимый храм на исповедь. Каюсь в проступках, в неискренности, во лжи, к которой порой приходилось прибегать, пусть даже во спасение… И благодарю Всевышнего за все радости, ниспосланные мне.

Именно в это время я поняла, что моя неудача в Сиднее на опорном прыжке была не случайна. Забрав у меня главное, к чему я стремилась в те годы, — возможность стать абсолютной олимпийской чемпионкой, — Господь подарил мне судьбоносную романтическую встречу с моим будущим, с тем, что будет питать меня самыми лучшими и самыми важными для женщины эмоциями.

Глава тринадцатая «Кесарю кесарево…»

Я понимала, что вступать в третий олимпийский цикл будет очень непросто. И хотя опыт приходит с возрастом, в нашем виде спорта это совсем не плюс. Хотя все вокруг понимают, что возраст — не главное. Все зависит от желания работать, от тренера и, конечно, от гимнастических правил, которым нужно соответствовать. Если разумно подходить к тренировкам, отдыху, питанию, грамотно восстанавливаться, то можно задумываться и о третьей, и о четвертой Олимпиаде. У нас ведь есть такой феномен — Оксана Чусовитина! Вернуться в гимнастику после рождения ребенка и быть не статисткой, а выигрывать медали — это настоящий подвиг! Видимо, ее новый статус еще больше придавал ей сил и уверенности в себе. Мы частенько с Оксаной обсуждали свою жизнь в спорте. Я даже в шутку у нее спросила: «Как думаешь, Чуса, может, мне тоже родить?» Но, как говорится, в каждой шутке есть доля шутки. И в тот момент я вполне могла пойти на этот шаг, благо мой романтический Сидней не закончился приятным вечером после Олимпиады. Мой поклонник все больше и больше входил в мою жизнь, становясь ее неотъемлемой частью. Именно он в тот период и вдохновлял меня на большие спортивные победы.

Правильно говорят, что попытки кардинально изменить свою внешность кардинально меняют твою жизнь. И я, дожив до 21 года, поняла, что больше не хочу быть хулиганистым пацаненком. Мне захотелось выглядеть женственной и романтичной. Вообще-то мне всегда нравилось носить кольца и разные украшения. Я уже говорила о дырочках и немыслимом количестве сережек в ушах. Мне нравилось носить кольца на всех пальцах, причем самые причудливые. Сейчас, конечно, я понимаю, что это перебор, но меры для меня не существовало. Но это тоже был способ самовыражения.

И так уж получалось, что и поклонники частенько дарили мне колечки, да и я сама редко могла пройти мимо понравившегося колечка, обязательно покупала.

Мне всегда нравилось экспериментировать с макияжем. Но делать это профессионально нас в сборной команде никто никогда не учил. До всех женских премудростей мы доходили сами. Многие говорили, что у меня потрясающе выразительные глаза и что они выдают меня и все мои чувства с потрохами. Меня всегда это очень смущало… Однако немало мужчин пали к мои

ногам благодаря прицельной стрельбе этими самыми глазками. Тем не менее, готовясь к выступлениям на помосте, именно глаза я подкрашивала с особой тщательностью. Я помню, что особенно удачный макияж был у меня на чемпионате мира в Генте в 2001 году. Да и вообще я выглядела тогда очень романтично. Хулиганский ирокез сменился женственным хвостиком. И в одежде я стала отдавать предпочтение платьям и туфелькам на высоком каблуке. И я, пожалуй, уже не припомню случая, чтобы на ужин я пришла в брюках. Особенно если мы были где-нибудь за границей. Ведь очень часто мы жили в приличных отелях и питались там же в ресторанах. Ну а вечером туда всегда приходили на ужин красиво одетые люди. Я к тому времени уже почувствовала, как это приятно, когда ты нравишься мужчинам, и старалась к вечеру выглядеть эффектно. Ну а поскольку я уже стала персоной узнаваемой, мне никогда не удавалось спокойно, по-человечески сесть и поужинать: ко мне тут же подходили за автографом, хотели со мной сфотографироваться. И я всегда очень уважительно относилась к этим людям, ведь короткие минуты общения дарили и минуты радости.

Однажды на старый Новый год мы с приятелем устроили себе каникулы и удрали на край света — в ЮАР, в Преторию. Поздним вечером мы отправились с ним поужинать в один потрясающий домашний ресторан — только там можно попробовать настоящую национальную кухню. Мы, как влюбленные голубки, выбрали самый уединенный столик и ворковали о чем-то личном. И вдруг ко мне обратился на английском языке незнакомый мужчина:

— Извините, вы ведь Светлана Хоркина?

Поверьте, я никак не ожидала это услышать в такой час и в таком романтичном месте. И была приятно поражена столь деликатному обращению. И дрожащим голосом созналась:

— Да-а…

— Я очень извиняюсь перед вами и вашим спутником, но я не мог поверить своему счастью — увидеть вас здесь, у нас в ЮАР и в этом ресторанчике… Я ваш давний поклонник. И благодаря вам мои дети стали заниматься спортивной гимнастикой. Если вас не затруднит побыть в этом милом месте еще час, я съезжу за своими детьми, разбужу их и привезу сюда, чтобы с вами сфотографироваться.

— Конечно, мы побудем здесь еще не один час, а подольше… Мы ведь только пришли…

И ведь он сгонял домой! Привез своих заспанных красавиц, которые, видимо, восприняли эту историю, как сладкий сон. Мы пофотографировались и обменялись с этой милой семьей координатами. Этот мужчина оказался тренером по спортивной

гимнастике. Благодаря ему я узнала, что и на этом краю земли есть фан-клуб Светланы Хоркиной.

Все в сборной команде заметили во мне изменения и с удовольствием участвовали в моих обязательных шоппинг-вылазках. Я уже взяла за правило: в любой стране, где бы я ни находилась, всегда включаю в свою программу шоппинг. Потому что мне интересно знакомиться не только с культурными и историческими ценностями страны, но и отслеживать различные модные тенденции. Может быть, я ничего и не куплю, но посмотреть, чем живет сегодня мир, что актуально и модно, мне обязательно нужно. Конечно, со временем у меня появились и любимые дизайнеры и дома моды, и я уже могла себе это позволить. Но я не склонна привязываться к кому-то одному, хотя предпочтение в стиле отдаю все-таки классике.

Мне всегда нравились шикарные купальники у девчонок из сборной по художественной гимнастике. Кстати, у них такой импозант-ный президент федерации Сергей Ястржембский и всегда супер-элегантная и модная главный тренер Ирина Александровна Винер. И, думаю, во многом благодаря ей женская сборная по художественной гимнастике всегда выглядит очень ярко и стильно. У нас, к сожалению, с купальниками всегда были проблемы. Костюмы, в которых выступаешь, должны быть яркими, нести какой-то национальный колорит. Но у меня и в купальнике был свой стиль. Например, в нем всегда присутствовал черный цвет со стразами от Сваровски. Это был мой «парадно-свадебный» купальник. И я всегда оставляла его на абсолютное первенство. А для командных состязаний купальники были одинаковые. Конечно, фигуры у всех были разные, и очень многие были недовольны выбранным купальником для командных соревнований. Но мне шли абсолютно все — я ведь высокая и благодаря фигуре — не капризная. Поэтому право выбора я всегда отдавала команде, говоря: думайте сами, мне все равно. Но я всегда знала, что на абсолютном первенстве я буду выступать в своем любимом черном. Элегантность этого цвета всегда вне конкуренции.

Мало кто ожидал снова увидеть меня в спортивном зале «Озеро Круглое». Многие поговаривали о том, что пора уступить дорогу молодым. Кстати, вернулась на сборы и Лена Замолодчикова со своим тренером. И хотя с тех пор, как ее наставница уговаривала меня отдать на Олимпиаде в Сиднее опорный прыжок и обещала, в случае победы, поделить со мной премиальные, я ни разу не напомнила ей об этом, — чувствовалось, что люди напряжены. А я терпеливо ждала, когда же в ней проснется совесть и она заговорит об обещанном. Но

время шло, а она только глаза отворачивала при случайных встречах. И тогда мой тренер Борис Васильевич решил взять инициативу на себя и напрямую спросил у тренера, собираются ли они выполнять обещанное, ведь все премиальные выплаты уже произвелись? А в ответ услышал невероятное: «А почему мы должны делиться? Лена ведь выиграла…» Когда Борис Васильевич передал мне эти слова, я была в шоке: ничего себе заявление! Да и Борис Васильевич был так зол, что даже заявил, что надо было не отдавать прыжок, а самим прыгать, не поддаваться психологическому прессингу. Таким рассерженным я давно его не видела.

Конечно, подобные вещи следовало бы зафиксировать на бумаге, взять расписку… Но я всегда доверяла людям и привыкла рассчитывать на порядочность. К счастью, во время наших сиднейских переговоров рядом оказались свидетели, которые могли хотя бы на словах подтвердить нашу договоренность. Но и тут тренер Лены стояла неприступной стеной, мол, мы вам ничего не должны! Начала плести интриги, подговаривать против нас других тренеров, даже стала сливать журналистам всякую грязь, распускать слухи, что я их преследую и хочу забрать деньги. И хотя ко мне не раз обращались журналисты и просили рассказать начистоту всю историю с сиднейским конем, до сегодняшнего момента я никому ни разу не сказала о наших договоренностях: ни там, в Сиднее, ни потом в Москве. В конце-концов, увидев, что я принципиально не участвую в той склоке, которую она попыталась развязать в прессе, тренер Замолодчиковой решила повернуть конфликт в мирное русло. И, найдя какой-то подходящий повод (я уже сейчас точно не помню какой), преподнесла мне вместе со своей воспитанницей милый подарочек — красивый золотой браслет… «Ну и на том спасибо», — подумала я тогда, поскольку всегда верила в то, что любую самую неприятную и конфликтную ситуацию жизнь рассудит и расставит все по своим местам. И уже совсем скоро мы выехали на чемпионат мира в Гент.

Я выступала там необыкновенно спокойно, легко, без какого-либо напряга. Мне очень хотелось, чтобы и в команде мы вышли на первую позицию. К сожалению, в командном первенстве нам снова не покорился «румынский барьер», о преодолении которого я мечтала все последние годы. Не для себя, а именно для женской сборной, которая была обновлена после Сиднея больше, чем наполовину. Конечно, я понимала, что для успешного выступления командой нам необходимо было добиться стабильного выступления каждой участницы. Нам же всегда не хватало малости — именно этого чувства борьбы за команду, за

коллектив. Поэтому женская сборная до того периода ни разу и не завоевывала первенства на чемпионатах мира…

Увы, с командным духом у нас все еще были проблемы: не всем хватало единства, желания отработать на общую победу. Каждый пытался урвать что-то для себя… Мне как капитану хотелось сплотить девчонок, но они, наоборот, упрекали меня, что я стараюсь от них отделиться и делать все по-своему… И никто не замечал, что на многих турнирах я своими выступлениями в командных состязаниях неоднократно спасала итоговый результат. Бывало так, что команда держалась за линией призеров, а я делала свои брусья, и мы вылезали на третье, а то и на второе место. Только спасибо за это мне никто ни разу не сказал. Да бог с ними! Главное, что мы все-таки выбрались в командном зачете на вторую ступеньку пьедестала.

Выход на помост для меня — почти как выход на сцену. Соревнования — лучший эмоциональный допинг, праздник, помогающий забыть о недолеченных травмах, болячках, неудачах. Главное, чтобы в день премьеры все сложилось вместе: физическое состояние, особое настроение, удача. Важно ощутить душевный подъем и с этим выйти к зрителям. В Генте мне это удалось. Перед многоборьем я целый день бродила по городу, отвлекала себя от мыслей о результате, чтобы не перегореть. Близкие посоветовали мне развеяться, отключиться и не зацикливаться на результате… Я ведь очень переживала за итог командных соревнований и сама боялась перегореть перед стартом многоборья. Думала, что вот теперь просто обязана выиграть. А после этой психологической разрядки на старт многоборья вышла совершенно спокойной. Даже было какое-то ощущение нереальности происходящего, будто все это сон и вообще не про меня… Будто оказалась в каком-то своем обособленном пространстве. Все, что происходило вокруг, казалось мне тогда нереальным. Только медаль, которую мне повесили на грудь, вернула меня на грешную землю. И тогда я не могла засыпать по ночам уже от счастья.

Я долго не могла привыкнуть к мысли, что победила на снаряде, который никогда не считала своим коронным. Хотя, признаюсь откровенно, в глубине души верила в это. Для меня эта победа была очень важна… Ведь о неудаче в Сиднее в абсолютном первенстве я очень долго не могла вспоминать спокойно.

В Бельгии я показала кто есть кто на гимнастическом помосте. Как говорится, «кесарю — кесарево»: я стала и абсолютной чемпионкой мира — уже во второй раз в своей спортивной карьере!

А еще сделала золотой дубль — выиграла в состязаниях на брусьях и в опорном прыжке, том самом, на котором в Сиднее победила Замолодчикова. В итоге собрала медалей на одну больше, чем на предыдущем мировом чемпионате в Лозанне. Мне очень жаль, но Лена Замолодчикова тогда травмировала голеностоп. Я никогда никому не желала зла, потому что мама мне всегда говорила о том, что оно возвращается бумерангом. Этого правила я придерживаюсь и в спорте, и в жизни.

Помню, еще до начала чемпионата мира я абсолютно уверенно заявила, что в Генте зажжется новая звезда в российской гимнастике — 15-летняя Наталья Зиганшина из Санкт-Петербурга. Воспитанница известного тренера Виктора Гавриченкова, подготовившего в свое время олимпийскую чемпионку Елену Шушунову. И оказалась права — Наташа стояла рядом со мной на пьедестале, завоевав «серебро» в абсолютном первенстве. А ведь раньше ее самыми высокими результатами были второе место на последнем чемпионате России, «бронза» юниорского первенства Европы в многоборье да «серебро» на брусьях на Играх доброй воли в Брисбене.

Жаль, что из-за страха перед возможными террористическими актами на тот чемпионат не приехали японцы. Опасения японцев вполне понятны, но мне жаль их спортсменов, пропустивших этот праздник. Лично я ехать не боялась. Так же как и летать после терактов.

Да и китайцы в Генте были не в сильнейшем составе. Я слышала, что у них в эти же сроки проводилось национальное первенство, которое для них важнее чемпионата мира. Что и не удивительно, если вспомнить, какая жесткая конкуренция у китайцев за место в сборной команде.

Честно говоря, удивилась, что приехали американцы. Видимо, своим участием они должны были показать всему миру, что террористы не сломили их силу воли и американцы готовы сражаться на спортивном помосте. Тем более что следующий чемпионат мира должен был проходить именно в США, в Анахайме.

После этой победы в Генте я решила устроить себе небольшой отпуск — вплоть до Нового года. Отказалась от участия в турнирах серии Гран-при, несмотря на солидные призовые. Мне захотелось пожить просто для себя. Подумать о том, чем я буду заниматься после окончания спортивной карьеры, хотя конкретных заявлений относительно своего ухода из спорта я не делала. У меня были любопытнее предложения, связанные с работой на телевидении и в театре.

Глава четырнадцатая
«Венус, от которой закипает кровь…»

Еще в 1996 году, во время трансляции Олимпиады в Атланте по телевидению, меня увидел московский актер и режиссер Сергей Виноградов. Он позвонил и сказал, что очень хотел бы со мной встретиться. Я пригласила его приехать ко мне на «Круглое», в надежде, что это далеко, и он не поедет. Но он приехал. Тогда я не очень понимала, что он от меня хочет: все мои мысли были направлены исключительно в сторону спорта. Но Сергей привез с собой толстенный сценарий и увлеченно рассказывал о том, что это будет шикарный антрепризный спектакль и что только я должна сыграть в нем главную роль! Он говорил, что давно искал именно такую, как я, «девушку с Луны» или с другой планеты… Ведь спортсмены живут в своем мире, совсем не похожем не только на театральный, но и на привычный всем повседневный… Это пьеса, объяснял он мне, о большой, яркой любви двух сердец, что Венус — молодая женщина, от которой просто закипает кровь. Это будет спектакль, в котором будет сочетаться выразительность, оригинальная музыка и удивительная пластика артистки-гимнастки. И что именно такую ярко выраженную актерскую энергетику заметил этот молодой режиссер во мне, в элегантной и красивой гимнастке.

А еще его покорил чарующий взгляд моих коварных глаз…

Не скрою, мне было очень интересно и приятно его слушать, но тогда я все-таки отказалась, сказав:

— Сережа, я на следующую Олимпиаду готовлюсь! Давай потом…

Мне тогда показалось, что я «отшила» его навсегда. Но Виноградов оказался упорным и терпеливым. Он напомнил о себе сразу же после Сиднея. Оказалось, что он постоянно следил за мной, за моими падениями, за моими неудачами и успехами. И снова приехал ко мне на «Круглое». И вытащил-таки в Москву, заявив, что покажет мне театр, каким я его еще никогда не видела. Это был театр имени Моссовета. Мы бродили за кулисами, и Сергей неустанно рассказывал мне истории, связанные с этим столичным театром и его знаменитыми актерами. Я увлеклась настолько, что даже потеряла счет времени. И заметив интерес в моих глазах, Сергей вдруг спросил:

— Ну что, может, все-таки попробуем…

И в это мгновение, под воздействием его невероятного обаяния и энергетики я сказала:

— Ну… ладно.

У меня в это время как раз наступила пауза для раздумий о своем спортивном будущем, тренировалась и выступала я очень мало. Больше внимания уделяла себе, своей личной жизни, новым чувствам и новому образу. Мой возлюбленный тоже поддержал меня в этом эксперименте. Мы выяснили с ним, что Сергей Виноградов имеет репутацию одного из самых интеллигентных и аристократических актеров современного театра и кино. И я начала вчитываться в сценарий. Это была инсценировка писем знаменитого американского писателя Генри Миллера, — его еще называют женолюбом и эротоманом, — к красавице киноактрисе Бренде Венус. Сергей тем временем нашел мне педагогов по речи и актерскому мастерству из театрального училища имени Щукина. Мы стали заниматься с ними чуть ли не ежедневно по полтора часа в день.

Работа над спектаклем и общение с Сергеем Виноградовым подарили мне немало открытий. Наверное, у каждого человека была первая любовь, была безответная, была такая, что казалось — на всю жизнь! И поэтому каждый человек считает, что в любви знает все. Сергей поначалу занялся моим ликбезом — приносил мне книжку за книжкой Миллера, и в итоге я, наверное, прочитала его всего. После «Тропика Рака» у меня был просто-напросто шок. Я была потрясена тем, как человек пишет о любви, о сексе — как может и умеет жить! Несколько дней я находилась в какой-то прострации, а потом мне уже стало казаться, что все описанное им старо, как мир, — а ведь так оно и есть. Но поведать человеку о том, что он и так знает, а воспринимает как что-то новое — это… Слов нет. Сплошной эмоциональный экстаз.

Мы многое обсуждали с Сергеем, он много рассказывал мне о Генри Миллере. И о том, что Миллер был покорителем женских сердец. А Бренда Венус, когда познакомилась с Генри, была молоденькой женщиной. Сначала, как я понимаю, она питала к нему исключительно дочерние чувства. Он ее многому научил, в том числе и жизни. Она стала актрисой, уехала в Голливуд и неожиданно поняла, что по-настоящему любит Генри. А ему, заметьте, было уже 84 года. У нас с Брендой есть сходство: она умела дорожить тем, что бывает, может быть, только раз в жизни. К тому же она, простая девушка, добилась успехов в актерской карьере. Я тоже ценю настоящие чувства, и тоже была простой девушкой, которая добилась больших вершин в спорте.

Да, в это же самое время в моей жизни произошло еще одно важное событие.

После Олимпийских игр я как обычно возвращалась домой, в Белгород, на поезде. И оказалась в одном вагоне с тогдашним

мэром нашего города Георгием Георгиевичем Голиковым. Кстати, сегодня мы с ним вместе представляем нашу область в Государственной думе. А тогда разговорились о житье-бытье, о коллизиях в Сиднее, о планах на будущее. Если вы помните, тогда я размышляла о том, что делать дальше: готовиться к третьей Олимпиаде, связывать себя со спортом или выбрать совсем другую дорогу. И Георгий Георгиевич вдруг поделился: «Знаешь, я очень жалею, что в свое время не занялся научной работой и не написал диссертацию… Может быть, ты соберешься с силами и возьмешься за этот нелегкий труд, тем более что тебе ведь не привыкать бороться с трудностями. Я точно знаю, что ты никогда об этом не пожалеешь!» Для меня эти слова стали такой неожиданностью, что я пришла в ужас.

Но несколько дней спустя, после многочисленных встреч в городской администрации и с представителями Белгородского университета, я поняла, что не боги горшки обжигают.

И решила попробовать свои силы в науке. Мне помогли выйти на представителя РГАФК (Российской государственной академии по физкультуре и спорту, сейчас это университет). Мы долго беседовали и пришли к выводу, что мне нужно писать спортивно-педагогическую диссертацию, поскольку я через очень многое в спорте прошла сама, многое постигла на собственном опыте.

Мне назначили научного руководителя, и мы приступили к исследованиям теоретических основ спортивно-гимнастических упражнений, поскольку темой моей диссертации мы выбрали «Изучение спортивно-гимнастических упражнений с применением линейно-дидактического программирования». Начав работать над диссертацией, я решила не бросать тренировок. И как-то удивительно у меня все получалось, я все успевала: и домашнее хозяйство вести, и тренироваться, и писать, и исследования проводить на базе Белгородского университета с местными гимнастками, а потом еще и в театре начала репетировать.

Два года у меня ушло на научно-исследовательскую работу.

А потом я ездила по всей Москве, собирая отзывы о своей работе. И наконец состоялась защита, причем не на кандидатском, а на профессорском совете. Волновалась жутко. Но на защиту пришел, чтобы меня поддержать, и сам Георгий Георгиевич Голиков. Знаете, по тем временам для меня проще было еще раз выступить на Олимпийских играх, чем вещать перед всеми этими учеными мужами. Хотя слушали меня очень внимательно и вопросов задавали так много! И ведь запросто могли засыпать. Но я на самом деле была хорошо «подкована» и серьезно готовилась к этой защите. Но больше всего тряслись

коленки и холодели руки, пока я ждала окончания обсуждения на ученом совете, куда меня, естественно, уже не позвали. И какой же груз свалился с моих плеч, когда нас снова собрали в зале и диктор объявил, что приглашается кандидат педагогических наук Хоркина Светлана Васильевна. Эмоции захлестнули меня, даже слеза гордости накатилась: я ведь и это смогла сделать!

Я безмерно благодарна людям, которые помогали мне делать эту научную работу. И особенно Георгию Георгиевичу Голикову, который подвигнул меня на этот труд. Тогда я сказала себе: «Человек может сделать все, что угодно, добиться любых вершин, если этого захочет!» Думаю, что работа над этой диссертацией стала для меня тогда первым шагом к сегодняшней книге, которую вы сейчас держите в руках. Та работа еще раз научила меня, что не нужно бояться пробелов, которые могут быть в образовании каждого. Просто нужно всегда стремиться к развитию и стараться эти пробелы ликвидировать, заполнять полезными знаниями и информацией.

Итак, я защитила диссертацию и репетировала свою роль в спектакле «Венус». Правда, время от времени приходилось прерываться, поскольку я еще и тренировалась, и выступала в соревнованиях. Так между репетициями у меня прошли Игры доброй воли в австралийском Брисбене. И в то же время я невероятно серьезно готовилась к чемпионату мира в Генте. И так получилось, что на начало ноября у нас было запланировано два премьерных спектакля на сцене Художественного театра имени Чехова, а в середине месяца я улетала на мировое первенство.

Конечно, было сложно совмещать все это физически и страшно, поскольку я боялась, что всего это не выучу. Но Сергей и педагоги убеждали меня, что я вживусь в роль, она станет моим вторым «я» и мне больше не понадобится думать о тексте. Еще труднее давалась мне театральная речь. Ведь помимо всего прочего я должна была избавиться и от привычного южнорусского акцента и геканья, с помощью скороговорок и других специальных упражнений… Я занималась ими и постоянно вспоминала героиню Ирины Муравьевой из кинофильма «Карнавал». Моя педагог Ольга Васильева постоянно твердила мне: «Света, любят женщин, которые говорят низким, грудным, томным голосом, размеренно, спокойно, с чувством собственного достоинства…» А я спрашивала: «Ну а если у меня времени нет говорить размеренно? Я всегда хочу сказать обо всем быстро и сразу?..» И слышала от нее в ответ: «Ну, тогда у тебя не будет очарованных слушателей…» Я не переставала удивляться тому, насколько была засорена моя, казалось бы, такая обычная, привычная речь. Ольга Васильева неустанно и терпеливо меня

исправляла. Она мне очень многое подсказывала, а я азартно у нее училась. Она своей строгостью и внимательностью выбила-таки из меня белгородский южный акцент. И когда я приехала в Белгород, мои близкие сказали мне: «Свет, а ты ведь уже не белгородка, ты стала говорить по-московски…» Отделалась я и от спортивно-гимнастического сленга, который нет-нет да и проскальзывал в моих обыденных разговорах.

В общем, полгода работы с педагогом по сценической речи избавили меня от мягкого произношения буквы «г». И я стала разговаривать так, будто этой особенности у меня и в помине не было. Но входить в роль ох как было непросто. Сначала было ужасно неловко, но со временем я стала чувствовать себя на сцене абсолютно естественно, как будто всю жизнь играла. Конечно, огромным плюсом было то, что мне уже много лет приходилось выступать на зрителях, держать стадионы, на которых были сотни тысяч любителей спорта. Хотя, конечно, демонстрировать свое гимнастическое мастерство и играть на сцене — не одно и то же, это совершенно разные виды деятельности, и ощущения совершенно разные. Естественно, до премьеры я страшно переживала, но стоило выйти на сцену — и все страхи как ножом отрезало. Вот что значит спортивная закалка. Зато моя подруга Юля Бордовских на протяжении всего спектакля боялась, что я элементарно забуду текст. Однако все прошло здорово. У нас подобралась тогда классная команда — все добрые, понимающие, переживающие друг за друга. Они стали моей второй семьей. Можно сказать, что мне в очередной раз в жизни повезло.

Я немало слышала о том, как трудно профессиональным актерам получить главную роль в театре, сколько им приходится ждать и изо дня в день выходить на сцену во второстепенных ролях, а то и просто в массовке. Знаю и о театральных интригах, и о склоках, которые бывают в больших труппах. Здесь же, в антрепризе, я от всего этого была избавлена, поскольку была приглашена Сергеем Виноградовым именно на главную роль, как звезда, и была представительницей совсем другой профессии. Поэтому я никому не составляла конкуренции и ко мне все относились предельно коррект-но и внимательно, во всем стараясь помочь.

Я увлеклась всем этим театральным процессом настолько, что как наркоман на него «подсела». Театр оказался невероятно близок моей творческой душе, ведь я всегда смело шла на любые эксперименты. И выкручивать любые кульбиты на шпильках для меня не составляло никакого труда — это уже был результат моей многолетней гимнастической школы. Меня не пугали сумасшедшие нагрузки. Даже наоборот, на занятиях с

театральными педагогами я отдыхала психологически, веря в то, что весь этот опыт и мастерство, которого я обязательно добьюсь, лягут в мою жизненную копилку и пригодятся потом, когда я уйду из большого спорта и буду искать себе занятие по душе.

Театр серьезно заразил меня. Я иногда так заигрывалась, что когда Генри Миллер умирал в конце спектакля, я реально плакала. Хотя от меня и не требовалось делать это по-настоящему. Но мне на самом деле было его жалко…

Я точно знаю, что благодаря этому театральному опыту во мне многое изменилось. Начала по-другому смотреть на мир, — вещи, на которые я раньше не обращала внимания, стали мне нравиться. Я стала более эрудированной и духовно обогатилась. До этого я, конечно, ходила в театр, но и представить себе не могла, что сама буду танцевать на сцене. Сергей говорил мне: «Не нужно, чтобы ты выкручивала на сцене двойное сальто. Ты должна на ней жить, говорить — и донести эту историю любви до зрителей. Ты можешь это сделать, поэтому я тебя и выбрал».

Наши премьерные спектакли на сцене МХТ получили очень хорошие отзывы в прессе. Журналисты писали: «Играя премьеру „Venus“, Светлана чувствовала себя на сцене прославленного МХАТа так свободно и органично, будто бы всю жизнь „жила“ в театре.

У ее героини был прототип — реальная женщина, актриса Бродвея Бренда Венус. Виноградов пригласил ее в Москву, и во время спектакля женщина со слезами на глазах следила за развитием собственной любовной истории. А после призналась, что другой исполнительницы этой роли не представляет. Но как удалось сыграть романтичную Бренду суровой с виду Светлане Хоркиной, к которой боятся подходить за автографом? Сама гимнастка считает, что никакая она не суровая, просто люди видят по телевизору ее замкнутое, сосредоточенное лицо перед выполнением упражнения — ведь нужно сконцентрироваться и настроиться на победу! Подруги называют Хоркину «ходячий анекдот». А на самом деле отчасти правы все: Светлана и жесткая, и эмоциональная, и большая юмористка — словом, истинная женщина-Козерог».

А потом я улетела в Гент. И выиграла там все, что хотела.

А после моего возвращения из Гента, окрыленная и воодушевленная победой в спорте и на театральных подмостках, я взяла на несколько месяцев перерыв в спорте и согласилась вместе с нашей небольшой труппой отправиться на гастроли. Мы играли спектакль примерно полтора года, и он пользовался успехом у публики. Люди шли и на меня, поскольку мое имя было очень громким в спорте, и им было интересно посмотреть на меня

в совсем другом амплуа, и на то, как выстроил спектакль Сергей Виноградов, известный в театральном мире и как актер, и как режиссер. Вначале наш спектакль шел три часа, а потом его немножко сократили, поскольку зрителю нелегко было выдерживать такую эмоциональную нагрузку так долго. Думаю, что можно было бы его еще играть и играть, но я все еще не решалась оставить спортивную карьеру и возобновила тренировки. И нагрузки у меня в этот период были, конечно, сумасшедшие. Ведь я снова жила на «Круглом», утром и днем тренировалась, вечером играла спектакль, в полночь возвращалась на базу, а утро снова начинала с тренировки… Но это была нагрузка, которая и утомляла и вдохновляла одновременно. И, конечно, я безмерно благодарна Сергею Виноградову, который подвигнул меня на этот эксперимент, помог мне раскрыться и дал возможность прикоснуться к этому волшебному театральному опыту.

Сережа относился ко мне очень трепетно, оберегал, не давал, чтобы меня обижали. Естественно, пронырливые искатели сенсаций поспешили возвестить на страницах желтой прессы о новом «театральном романе». Но и в этой ситуации он вел себя очень достойно, не давая поводов для сенсаций.

Я очень ценю этот свой театральный опыт, который бы с удовольствием продолжила, если бы мне предложили достойные роли. Пока же все сценарии, которые мне давали почитать, не тронули так, как история с «Венус». А поставив себе однажды такую высокую планку, я, как именитая спортсменка, не раз покорявшая Олимп, не имею права делать что-то уровнем ниже.

Мой роман с театром сыграл неоценимую роль и в моей абсолютной победе на чемпионате мира в Генте, и на следующем чемпионате мира в американском Анахайме. Именно там я совершила то, что в гимнастике не смогла сделать ни одна самая именитая и прославленная спортсменка, — я в третий раз стала абсолютной чемпионкой мира, и мое имя попало в Книгу рекордов Гиннесса! Именно там, в Анахайме, я не оставила никаких шансов на победу Карли Паттерсон, восходящей звезде американской гимнастики, той самой, которой так откровенно подыгрывали судьи на Олимпиаде в Афинах. Впервые я увидела эту спортсменку еще совсем юной девочкой на Играх доброй воли в Австралии. Она была совсем еще юной, много ошибалась, хотя комбинацию делала достаточно сложную. Тогда я отметила, что девочка очень прыгучая и что с ней работает русский тренер по фамилии Марченко. Я обратила на него внимание не только потому, что он был очень высоким, но и потому, что он старался все время помогать девочкам из российской команды — двигал

снаряды, поправлял маты… И все это делалось как-то очень искренне. Несмотря на многочисленные помарки, его воспитанница на отдельных снарядах показала хорошие результаты, а что-то даже выиграла. Именно поэтому я и запомнила ее имя. А Марченко оказался еще и неплохим специалистом, раз методом «тыка», несмотря на серьезные травмы, которые были у Паттерсон с локтем и ногами, все-таки вывел ее на международный уровень.

Уж не знаю, являлся ли тогда Анахайм крупным гимнастическим центром, во всяком случае я узнала об этом крохотном городке лишь благодаря чемпионату мира. Находится он на пути в Сан-Диего, где есть замечательный аквариум, недалеко от Лос-Анджелеса. И ничего примечательного в этом городке больше не было. Я думаю, что проведение мирового первенства там было задумано американской гимнастической федерацией для того, чтобы сделать Карли Паттерсон, своей восходящей звезде, имя накануне Олимпийских игр в Греции. И, естественно, ее готовили к победе в абсолютном первенстве. И уже с первого же выхода на помост я поняла, что события в Анахайме будут разворачиваться по заранее прописанному сценарию. Тогда в Анахайме я впервые почувствовала, какой холодной может быть Америка и в плане судейства, и в зрительском приеме. Я уже говорила, что объездила США вдоль и поперек благодаря шоу-программам. Я знала, что там и на чемпионаты мира, и на Олимпийские игры люди ходят, как на зрелище, как в цирк. И поддерживают своих спортсменов невероятно бурно. А реакция зрителей всегда отражается на оценках судей. И уж в Анахайме они старались особенно.

Болельщики буквально захлебывались радостью, когда выступала Паттерсон и ее подруги по команде, даже тогда, когда они допускали ошибки. Это создавало ощущение, что на ковре творятся просто шедевры мирового спорта. Я сразу обратила внимание на то, что Карли сохранила свою австралийскую программу, которую, видимо, все это время тщательно отшлифовывала. И выполняла ее с незначительными ошибками. Но я в тот период была и статусом ее повыше, да и повзрослее. И меня постоянно преследовал психологический прессинг. Честно говоря, я даже подумала в какой-то момент, что мне не дадут выиграть.

Вспоминая сейчас события, которые разворачивались тогда в Анахайме, я сожалею, что невозможно вернуть время. Да бог с ней, я бы отдала ей ту победу на чемпионате мира, и пусть бы я никогда не была рекордсменкой Гиннесса. Я бы легко пожертвовала званием трижды абсолютной чемпионки мира ради

одной-единственной победы в абсолютном первенстве на Олимпиаде, которую они у меня в Афинах отняли…

К счастью, в США у меня тогда было, да и сейчас есть немало поклонников и фан-клубов, которые с нетерпением ждали моего выступления в Анахайме и приехали поддержать меня. К каждому своему выходу на помост я готовилась очень тщательно. К сожалению, мой тренер Борис Васильевич Пилкин не поехал со мной на этот чемпионат в Штаты, но до последнего дня состязаний мы с ним созванивались, и я постоянно чувствовала его мощнейшую поддержку. Так же как и рыцаря моего сердца.

Но то, что вытворяли судьи — было просто нонсенсом. Такого хамства от них я не ожидала. Конечно, я уже стреляный воробей, и ко многому была готова, но чтобы так грязно поступать со мной — такого мщения я не ждала. Мне просто не давали пройти в финалы по отдельным снарядам, откровенно занижая оценки. При этом американские спортсменки допускали грубые ошибки, но в финалы проходили. Однако их оплошности судьи во внимание не брали. У меня в голове не укладывалось: как могли представители нации, свято соблюдающей свои законы, закрывать глаза на серьезные ошибки своих спортсменов?! Причем они делали вид, что так и надо: на лице американского судьи не было и тени сомнения в своих действиях. А ведь на соревнованиях такого ранга должна быть суперобъективность.

К сожалению, гимнастика, как и спорт в целом, давно превратилась в политику. И чтобы ситуацию изменить, нужно иметь поддержку на самом высоком уровне. Тогда ее у нас не было. А международную федерацию по женской спортивной гимнастике возглавляла представительница США Джеки Фай. И оставила она свой пост сразу после Афин. Вы понимаете, о чем я говорю? К счастью, сегодня этот пост занимает наша именитая гимнастка Нелли Ким. А тогда я и без поддержки выстояла сама. И очень надеялась, что следующая Олимпиада будет в Греции, где, как мне казалось, все-таки будут соблюдаться законы олимпизма. И такой мощной поддержки в судействе у них уже не будет. На деле же оказалось обратное.

Некоторые журналисты после Анахайма стали называть меня «железной леди». Я же всегда считала себя самой обыкновенной. Просто всегда была уверена, что мой главный соперник — я сама. Ни обстоятельства, ни травмы, ни неудачи не выбьют меня из колеи, если я уверена в себе и настроена на победу. Победить неудачу в себе — это главное.

Каждая моя победа была мне по-своему трудна и дорога. Но, пожалуй, главным достижением считаю то, что своими выступлениями на помосте смогла затронуть сердца зрителей,

заставить их сопереживать вместе со мной, радоваться и даже плакать. Как это случилось на последнем чемпионате мира в Анахайме, в заключительном виде многоборья — вольных упражнениях. Когда я закончила вольные упражнения — зал стоял и долго хлопал, не отпуская меня с помоста. Мне потом рассказывали, что в финале упражнения, когда я пошла по ковру навстречу центральной трибуне, протягивая руки к зрителям, многие из них начали плакать. Итак, в Анахайме я установила рекорд — лучший результат среди наших спортсменов, да и вообще в истории мировой гимнастики. Легендарные Лариса Латынина, Людмила Турищева и Шэннон Миллер были только двукратными. Я же добилась такой высоты трижды!

И ведь произошло это в США, где моей главной соперницей в борьбе за абсолютное первенство в многоборье была американская гимнастка Карли Паттерсон…

Глава пятнадцатая
Экстремальный Олимп

Не прошло и года после нашего знакомства, как я почувствовала, что всерьез увлеклась человеком, с которым познакомилась в последний вечер в Сиднее. Я влюбилась. А любовь способна творить великие дела. Чувство влюбленности сияло в моих глазах, и я выигрывала соревнование за соревнованием. Я выиграла все возможные награды в Генте, как бы стараясь рассчитаться за свои неудачи в Сиднее. И в этом ажиотаже, как мне кажется, не почувствовала главное — новую жизнь, которая во мне зарождалась. Жаль, что меня не научили настолько же серьезно прислушиваться к своему организму, насколько приучили терпеть легкие недомогания. Да и состояние мое в общефизическом плане было настолько хорошим, что я все нагрузки и прыжки, да и всю свою программу делала на одном дыхании, списывая физиологические расстройства на акклиматизацию… И напрыгалась…

Переживания из-за того, что я потеряла ребеночка, были бешеные. Из-за этого я пропустила чемпионат России, потому что не смогла в таком состоянии выступать, и буквально напросилась в Эфиопию, куда уезжал в командировку мой приятель со своими партнерами. Мне захотелось какого-то экстрима, чего-то абсолютно не похожего на то, к чему мы привыкли. Конечно, Эфиопия очень бедная страна, там очень много прокаженных людей, которые чуть ли не набрасываются на людей здоровых… Сначала мы жили в очень хорошей гостинице в Аддис-Абебе, а потом уехали высоко в горы. И эта удивительная красота девственной природы, каньоны, водопады, эвкалипты и деревенские хижины, сплетенные из ветвей и листьев постепенно возродили меня к жизни…

Я побывала там в христианском монастыре и молилась о своем будущем у креста XIII века. Медитации на природе, молитвы в монастыре, свежий горный воздух сделали свое дело, и я начала успокаиваться. И как только организм пришел в порядок, и я почувствовала, что у меня ничего не болит — ни душа, ни тело, я приняла решение — я возвращаюсь в спорт и готовлюсь к афинской Олимпиаде…

Безусловно, я понимала, что возраст для гимнастики у меня был на уровне критического, и мне приходилось больше времени уделять здоровью. Я уже не могла тренироваться с прежней интенсивностью. Впрочем, работать я никогда не боялась, и мне

это нравилось. А еще мне до безумия хотелось еще разок выступить на Играх, ощутить их непередаваемую атмосферу. Бог ведь любит Троицу. И, если Он даст, увезти из Греции медаль — любую, не обязательно золотую. Мне хотелось поставить точку в карьере так, чтобы все надолго меня запомнили. Я напрочь выкинула из головы все предыдущие неудачи, крепко-накрепко усвоив для себя золотое правило — что Бог ни делает, все к лучшему. Простые слова — великая истина.

Однажды со мной произошла забавная история. Нас, олимпийцев, пригласили на встречу с президентом. Специально для этого случая я приобрела шикарный костюм от модного кутюрье и новые туфли — красивые, на высоченном каблуке. И эти туфли меня как раз и подвели. Обычно я обувь на каблуке не носила категорически. Мы побывали на приеме в Кремле, президент нас поздравил, но я так сильно натерла ноги, что думала только об одном: скорей бы домой. А тут меня схватили за руку и стали уговаривать провести в Газпроме концертную программу, посвященную олимпийцам: «Света, только ты сможешь…» А я им в ответ: «Нет! Не могу я!!! Туфли жмут, все ноги стерла…» А устроителей концерта не унять: «Мы тебе найдем что-нибудь… Поехали! Очень надо!» Ладно, приехали. И выдали мне какие-то жуткие белые тапочки. Контраст с роскошным костюмом ужасный! «Ладно, — думаю, — танцевать я не пойду. Ну а вечер уж как-нибудь отстою… Где наша не пропадала!..» Объявив номер, я удалялась за кулисы и ныряла ногами в эти «белые галоши». И, говорят, что провела вечер на пять с плюсом. А в конце вдруг слух прошел: сюда, на банкет, едет Путин. Думаю: «Что же делать? Опять прыгать в туфли? Ну уж нет! Так в тапочках и осталась стоять за главным столом, благо ног не было видно. Именно туда президент и подошел. К счастью, наш президент, когда беседует с людьми, в лицо смотрит. И я за собственное реноме была спокойна.

Выезда в Афины я ждала с каким-то особым нетерпением и воодушевлением. С Грецией у меня были связаны очень приятные воспоминания. Именно там двумя годами ранее проходил чемпионат Европы, и я там стала трехкратной абсолютной чемпионкой, и этот результат тоже вошел в историю. После соревнований мы с друзьями устроили себе четырехдневный круиз на теплоходе. Мы были в Салониках, заезжали на многочисленные малые и большие острова, побывали на Родосе, Крите… Я была очарована этой красотой и историей этой страны. С одной стороны — это груда камней, но какая в них сокрыта энергия! Я с удовольствием ходила на экскурсии и растворялась в легендах, которые нам рассказывали…

А как мне нравится греческое вино! А какие там вкусные морепродукты — я ведь обожаю всех этих морских гадов… Я записала на память немалое количество рецептов из национальной греческой кухни, и даже научилась делать цадзыки, что-то типа соуса, который в то же время можно подавать и как отдельное блюдо. Мне очень понравилось, как нам готовили на гриле осьминогов, кальмаров. И я была зачарована греческими поклонниками: высокими, стройными, с красивыми смоляными волосами… Я чувствовала себя почти Афродитой, потому что после этой победы на европейском первенстве меня везде узнавали и все любили. Да и как было не узнавать, если по всей Греции были развешаны плакаты с моей фотографией!

А в пригороде Афин есть ресторан «Thai», который я просто обожаю. Он расположен прямо на скале, а его веранда нависает прямо над обрывом: сидишь на свежем воздухе, а под тобой пенятся морские волны — впечатление умопомрачительное. И там я обязательно заказывала себе лобстера, как когда-то в Нью-Йорке, в знаменитом ресторане «Palma». В любой стране, где бы я ни находилась, я обязательно захожу попробовать национальную кухню. Даже в Эфиопии я пробовала местные фирменные блюда — специально пошла в их национальный ресторан. И в Японии, побывав на шикарном курорте Атами, я ела настоящие японские суши. Я так много внимания уделила еде, потому что на Олимпиаде в Афинах еда оказалась для меня едва ли не на самом последнем месте. Так было безумно жарко, что есть не хотелось абсолютно. Только пить. Но и пить я старалась по минимуму. И очень сильно там исхудала. Но мне нравилось, как я выглядела в Афинах. Я была тонкой и звонкой, эффектной и женственной… И как никогда готовой к покорению своего третьего Олимпа. Но, похоже, что Господь приготовил мне новые испытания.

По традиции мы прилетели в Грецию за три недели до начала Игр. Нужно было акклиматизироваться, опробовать снаряды. На этот раз я была настроена держать под личным контролем все мелочи. Уж слишком обидным было для меня поражение на Олимпиаде в Сиднее. И мне казалось, что я извлекла из него уроки. И хотя многие говорили мне, что участвовать в этих Играх — чистое безумие, что я давно уже всем все доказала, и вполне могла бы закончить спортивную карьеру, но я все еще мечтала о справедливости и жаждала реванша. Я с открытым забралом рвалась к высшему результату в многоборье.

Однако уже после первого снаряда — опорного прыжка — я почувствовала, что в судейских рядах творится что-то неладное: мне целых пятнадцать минут не выводили оценку! Удивительно, что с первого же этапа они стали меня откровенно засуживать.

Подтасовка была налицо. Разница между тем, как выступила я и американка Карли Паттерсон, была очевидна: я прыгнула и встала как вкопанная, а Карли еле-еле удержалась на ногах и в течение нескольких секунд натаптывала те самые десятые, которые с нее должны были снять… Но ей поставили результат практически такой же, как и мне. Потом ей также завысили результат на брусьях. На бревне я допустила незначительное покачивание, слегка потеряв равновесие. И если бы я представляла интересы США, судьи этого, скорее всего, даже бы не заметили. И уж если бы снижали за это оценку, то совсем незначительно. Но я представляла Россию, а она — США. И с меня «драли» по-черному. Выступавшая следом за мной Паттерсон сделала бревно безукоризненно, и те несколько тысячных, которые она мне уступала, естественно, у меня вырвала. А уж на вольных судьи сделали все, чтобы разрыв между нами не сократился. Увы, совесть у судей до конца многоборья так и не проснулась: мне откровенно занижали все оценки. В итоге американка опередила меня всего-то на 0,176 балла. И я завершила состязания в многоборье с серебряной олимпийской наградой. А третье место по итогам соревнования завоевала китаянка Чжан Нан.

То, как играла судейская команда в пользу американцев на этих Играх, стало просто притчей во языцех. Уж как можно было отдать первенство в многоборье упавшему американцу и засудить корейского гимнаста, который просто замечательно сделал все программу — вообще в голове не укладывается. И хотя корейцы подали протест по поводу неправильных оценок, судейская бригада все равно так все подсчитала, что даже небольшие коррективы в оценках не позволили ему перепрыгнуть американца. Понятно, что США считает себя супердержавой и мечтает во всем быть впереди планеты всей. Но в основе олимпизма лежат совершенно иные принципы, которые нагло попираются американской коррумпированностью, губя престижность олимпийских медалей. Олимпийские игры всегда славились честной борьбой, и было очень почетно носить звание олимпийского чемпиона. И мне очень жаль, что Олимпиада в Пекине в календарном плане оказалась для меня недосягаемой. Но я очень надеюсь, что китайская сборная возьмет на этих Играх долгожданный реванш у американцев… Да и Россия не подкачает, поддержит своих братьев-китайцев, и наши державы поделят главные медали между собой. Во всяком случае, я об этом мечтаю. И то, как работали наши гимнасты на чемпионате мира 2007 года в Штутгарте, в Германии, говорит о том, что мы вполне можем работать на высочайшем уровне. Несмотря на то

что у нас в копилке оказалась только одна золотая медаль, и что для меня особенно приятно, ее завоевала на брусьях Катя Семенова, подхватив после меня «золотую эстафету» на этом снаряде, — наши гимнасты могут выступать более четко, не допуская даже самых маленьких ошибок. Надеюсь, что и судейство в Пекине будет позитивно честным, а не политически ангажированным.

Тогда, в Афинах, я уже не рвалась качать права, понимая, что мои эмоции уже ничего не изменят. Я на самом деле устала ото всех этих закулисных игр и подводных течений, от политического хамства, от бесконечных подстав и несправедливости, которыми меня в последние годы усиленно потчевали. Я устала быть гладиатором, которого неумолимый цезарь раз за разом подвергает все более страшным и непреодолимым испытаниям…

После того как объявили результаты многоборья, я подошла к Паттерсон и поздравила ее с победой. Я поздравила и ее тренера. Мы сфотографировались вместе с ней на помосте, а потом вместе же пошли на пресс-конференцию. Я постаралась держать себя в руках, хотя внутри все клокотало. «Пусть все, что произошло на этом помосте, останется на совести судей, — сказала я. — Хоркина как была двукратной олимпийской чемпионкой, так ею и осталась, много раз подтвердив свое первенство на последующих мировых чемпионатах… А вот сможет ли это сделать новоявленная героиня — покажет время…»

И хотя я говорила тогда резко, именно время нас рассудило. После своих триумфальных побед на Олимпиадах я не пропустила ни один Кубок мира, ни один этап Гран-при, ни один чемпионат мира — я везде выступала и выигрывала, подтверждая свое право называться сильнейшей. Сама удивляюсь, как меня на все хватало. Ну а Паттерсон после афинской Олимпиады канула в Лету. Как это нередко бывает у американцев, они после своих громких и скандальных побед сразу же заключают выгодные контракты и начинают активно делать деньги. Их уже не интересуют тренировки: они зарабатывают по максимуму: бесконечно снимаются, что-то рекламируют, гастролируют — они же гордость нации… Теряется режим, подрастает жирок, тренироваться становится все труднее и труднее… И здоровье подламывается, случаются травмы… Фамилии Паттерсон уже не было слышно на Кубке Америки… И все — она практически сошла со спортивной дистанции, сделав себе на одной-единственной победе имя и миллионы.

Ну а со мной случилась совсем другая история. Моя жизнь не закончилась разочарованием на афинском пьедестале. В ту романтическую ночь на афинской вилле я поняла, что в двух

шагах от вожделенного Олимпа Господь в который раз посылал предзнаменования, не давая мне даже кончиками пальцев дотянуться до заветной мечты — стать абсолютной олимпийской чемпионкой на гимнастическом помосте. Именно тогда я почувствовала, что мне суждено было стать самой счастливой женщиной в мире и что самый главный Олимп для меня — в материнстве.

Но разве тогда я могла предположить, что именно в Америке, в городе ангелов, как переводится Лос-Анджелес, и появится на свет мой Святик, и что именно этот город станет для меня городом счастья…

Не объявляя никому о своем решении закончить спортивную карьеру, я вернулась в Афины и дала согласие на участие в традиционном шоу олимпийских чемпионов, с которым буквально через месяц-полтора после окончания Олимпийских игр мы должны были отправиться по разным странам мира. Но, прежде всего, вернувшись в Россию, я поселилась на месяц в подмосковном центре курортологии, чтобы полностью восстановиться после Игр. Моя влюбленность окрепла настолько, что я уже мечтала о ребенке.

Я не могла позволить себе рисковать его здоровьем, как это случилось два с лишним года назад. В Центре курортологии я полностью реабилитировала свое психологическое состояние. У меня нормализовался ночной сон: в голове перестали крутиться бесконечные комбинации, все мышцы перестали дергаться, и я стала полноценно отдыхать. Мне восстановили спину, ведь для вынашивания ребенка нужна крепкая здоровая спина и нормальные мышцы. Сделали полную диагностику и профилактику уже не как спортсменки, а как женщины, которая мечтает стать матерью. И заверили, что при разумном и спокойном отношении к себе и окружающим я вполне способна добиться и этой цели.

Я начала ездить по шоу: уезжала и снова приезжала в Центр, чтобы завершить все назначенные мне восстановительные курсы. Пока после длительного перелета из Мексики я не почувствовала те же признаки, что и почти три года назад. И хотя на сей раз я серьезно готовилась, полной уверенности в том, что я беременна, еще не было. Мало ли что: Мексика — не ближнее зарубежье, длительный перелет, какой-то стресс, другие климатические условия, разница во времени. Организм уже не такой юный, как в те времена, когда я запросто летала по всему свету… А тут и спать дико хотелось, и меня преследовало постоянное чувство голода… Можно было, конечно, воспользоваться тестами, которые продаются в аптеках и показывают вероятность

беременности на 99 процентов. Но мы решили ехать к врачу и сделать экспресс-анализы. Мой любимый отвез меня в очень известную московскую клинику. А уже через какое-то время (я даже не почувствовала: час прошел или три) я вылетела оттуда, сияющая от счастья. С этого мгновения улыбка не сходила с моего лица. Эмоции переполняли меня. И хотя срок был еще совсем маленьким, я уже мечтала о том, каким будет это мое маленькое чудо…

Дома мы отпраздновали радостное известие. Буквально на следующий день я позвонила маме в Белгород и сообщила ей счастливую новость. Мне кажется, что мама чуть с ума не сошла от радости. Она уже тогда прокричала мне в трубку: «Я еще не знаю кто у нас родится, но я это дитя уже люблю!..» А папа только мечтательно заявил рядом: «Надеюсь, что это будет парень…» И хотя тогда я окончательно для себя не решила: заканчиваю я со спортом или нет, я думала, что ничто так не переключит мои мозги от спортивных эмоций на нормальную жизнь, как ребенок. И, может быть, я наконец-то закончу свою спортивную карьеру… И сообщила Аркаеву, что на шоу я больше не поеду — беру тайм-аут на неопределенное время!

Первые два-три месяца, пока организм подстраивался под серьезные изменения, с утра мне было как-то не по себе, меня подташнивало. И знающие люди посоветовали с вечера положить рядом с кроватью корочку хлеба, стакан воды, лимончик… И прежде чем встать с постели, попить, пососать лимончик, пожевать — и только потом принимать вертикальное положение… Мне на самом деле это здорово помогало. Постепенно все нормализовалось, и я старалась вести достаточно подвижный образ жизни, чтобы резко не прибавить в весе. Тем не менее округлости стали очевидными, и я стала ощущать повышенный интерес ко мне со стороны желтой прессы: стали поговаривать о моей беременности. И после этого я стала подумывать о том, чтобы куда-нибудь уехать. Была зима, и мне ужасно захотелось солнышка, теплого моря, приветливых лиц вокруг. И я полетела с подружками на Сейшелы. Живот у меня еще не сильно выделялся, и я с удовольствием надевала купальник. Много плавала и загорала под ласковыми лучами нежаркого солнца, наслаждаясь живописными видами. Помощница хозяйки отеля, где мы жили, тоже была беременна. Она была уже на восьмом месяце. И она, понимая мое любопытство, предложила потрогать ее живот и почувствовать, как ребенок шевелится и стучится ножками в живот. Для меня это было таким восторгом и откровением! Я стала как сумасшедшая прислушиваться к своему животу, я и гладила его, и несла какую-

то чушь, разговаривая с ним, и пела… Я жила в каком-то своем, ранее неведомом и не очень понятном мире. Летала и была на седьмом небе от счастья…

Мы встретили на Сейшелах Новый год, и самым моим заветным желанием, которое уже и не нужно было загадывать, было рождение ребенка. Десять счастливых дней на островах закончились, мы вернулись в заснеженную Москву, а уже где-то в феврале-марте мой малыш застучал в животе ножками. И хотя я уже знала об этом явлении, в первое мгновение перепугалась, решив, что ему пора выходить на свет божий… Но врачи меня успокоили, сказав, что все происходит по плану, ребенок нормально развивается, но я все время должна быть настороже. Все-таки столько лет я работала в таком тяжелом профессиональном спорте, что мой организм может выкинуть любые фокусы.

Постепенно я научилась понимать моего малыша. Я уже чувствовала, когда он спит, а когда тренируется. Чаще всего он почему-то стучал ножками к вечеру. И я с нетерпением ждала встречи с ним, хотя и понимала, что торопить события нельзя. Уже с самого начала я почему-то понимала, что у меня будет мальчик. И когда в московской клинике уже где-то на трех месяцах мне сказали: «Ой, да посмотрите, что это он там между ножек прячет?! Так это же мальчик…» — я подумала: «Господи, а ведь я же догадывалась…»

И мысленно называла его «мой мужичок»… Мне и на мониторе его показывали, и даже фотографии распечатали, как он лежал у меня в животе… А об имени ребенка я начала задумываться где-то на 7–8-м месяце. Мне очень хотелось, чтобы оно было светлым, несущим радость и помогающим моему сыну жить радостно. И мы остановились на старославянском имени Святослав.

Весной мне пришло приглашение из США провести пару летних месяцев в Калифорнии в детских гимнастических лагерях и поделиться своим опытом с юными гимнастами. Перспектива была весьма заманчива и давала возможность скрыться из Москвы от назойливых журналистов. Но ехать одной — слишком рискованно. И я договорилась об аналогичном контракте для своей сестры — она ведь мастер спорта международного класса по гимнастике, да еще с опытом тренерской работы. Я знала, что жить мы будем в хорошем отеле, что условия для работы будут шикарными, и что в случае необходимости мы сможем брать машину напрокат. И хотя я была уже на 28-й неделе беременности, чувствовала себя вполне прилично. Я решила, что мы будем работать с Юлей параллельно: сначала я что-то

рассказывать, потом Юлька — показывать. Потом разделимся по группам… Так все и получилось. Мне достаточно было говорить, и меня все понимали. Или ее моментально подзывали, и сестра показывала, что я имела в виду в своем рассказе. Меня эта работа отвлекала, а у окружающих, конечно, поначалу был шок, когда я, прославленная Хоркина, приехала работать в лагерь беременной… Но я всегда знала, что несмотря ни на что в Америке меня очень любят и примут в любом виде, даже с таким животом. У них звезды могут позволить себе многое. И, как только я приехала и начала работать, на первых порах мне приходилось в основном фотографироваться и раздавать автографы. И на всех этих импровизированных фотосессиях я старалась скрывать свое интересное положение за спинами детей, чтобы живота не было видно… И хотя все вокруг говорили мне, что я стала такой хорошенькой, ну просто как ангел с розовыми щечками, я видела свои округлости, — лицо у меня стало, как луна… На самом деле, я выглядела такой пышной и аппетитной, что глядя на себя в зеркало, нет-нет я и задумывалась: как же я буду все это убирать?

Месяц в Калифорнии прошел просто чудесно. Если не считать того, что иногда у меня вдруг просыпалось непреодолимое желание завтракать одними арбузами или дынями… Мои прихоти удовлетворялись, хотя я и понимала, что есть нужно все, что полезно. И я ела творожные и кисломолочные продукты, рыбу, добавляла в еду витамины. Погода стояла очень жаркая, поэтому, отработав с утра в гимнастическом шатре с кондиционером, днем я старалась поспать, гулять выходила либо ранним утром, либо после четырех часов дня. Регулярно плавала в бассейне, вечером бродила по улочкам города, стараясь оставаться неузнанной. Правда, от репортеров мне и там не удалось скрыться, меня узнали, и по американским газетам разлетелась сенсация, что я беременна и нахожусь в Лос-Анджелесе. Хотя кто-то непонятно почему предположил, что рожать я буду в Англии, мне уже было все равно… Мне хотелось общаться с детьми, с животными, хотелось всех жалеть и ласкать… Я жила в ощущении абсолютного счастья. Но в то же время я очень быстро поняла, что погорячилась с перелетом за океан. И обратного тринадцатичасового полета я уже не вынесу. И я приняла решение не подвергать себя и будущего малыша опасности и осталась рожать там, в Калифорнии. Мои друзья, которые живут в Америке, с помощью своих знакомых нашли замечательного врача. Его звали Олег, это русский американец, который уже много лет живет и работает в США. И у него есть клиника в Москве, с которой он до сих пор сотрудничает. Кстати,

он же несколькими годами позже принимал роды и у певицы Алсу. На первый прием к нему я пошла со своей подругой Юлей, дочкой моих близких друзей, которые давно живут в Штатах. Я долго и пристально вглядывалась в него и в его глаза, задавая слишком много вопросов. Его это сильно удивило:

— Что ты на меня так смотришь? У меня такое впечатление, что не ты пришла ко мне на прием, а я к тебе. И задаешь вопросы, как будто следователь…

— Я должна знать своего врача, чтобы понять, смогу я ему доверять или нет… — ответила я, ничуть не смутившись.

Олег расхохотался, и в этот момент я почувствовала, что мы с ним подружимся. Потом он познакомил меня со своей мамой, которая тоже была врачом. И уже на следующий прием к Олегу я пришла, чтобы сдать анализы и пройти обследования у разных специалистов. Конечно, медицина в США — очень дорогое удовольствие, если это не оплачивается страховкой, за которую ты тоже платишь немало. Да и находятся эти специалисты вовсе не в одном здании. Мне пришлось исколесить для этого весь Лос-Анджелес. Сестра вернулась в Россию, и мне помогали во всех моих приключениях подруга Юля, ее родители — Ниночка и Фима, мой друг и очень хороший тренер по гимнастике, а также Левани Учанишвили и его брат Ираклий. В кругу этих близких и родных мне людей в чужой и далекой Америке я чувствовала себя почти как дома.

Я никогда не забуду их доброты и участия.

После того как все анализы были готовы, заключения специалистов получены, мы с Олегом определили клинику, в которой будем рожать. Остановились на израильской Cedars-Sinai, где появлялись на свет дети многих знаменитостей. Об этой клинике мне рассказали все, сделали экскурсию по палатам и операционным. И там же, в клинике, я сказала своему врачу, что буду рожать с помощью кесарева сечения. Но Олег сказал:

— Давай пока не будем загадывать. Придет время, будет видно.

У тебя все в порядке, ты и сама сможешь нормально родить.

И мы стали дожидаться заветного дня и часа. Предварительно мне назначили дату родов на 23 июля. То есть в моем распоряжении были примерно полторы недели. Я ничего не меняла в своей жизни: плавала, гуляла, наслаждалась природой, ходила по магазинам, присматривая ребенку приданое… На 21 июля у меня был назначен заключительный перед родами визит к врачу. Олег посмотрел меня и как-то особенно спокойно сказал:

— Сейчас ты медленно встаешь, не торопясь возвращаешься домой, собираешь вещи и часикам к семи приезжаешь в больницу.

Сегодня будем с тобой рожать…

— Как рожать? — испуганно прошептала я. У меня даже во рту пересохло. — Говорили же на 23-е! А я так хотела посмотреть на него сегодня в мониторе… Нет… Пусть еще там полежит…

— Глупая! — рассмеялся Олег. — Сегодня вечером ты его уже на груди будешь держать…

Совершенно ошалевшая от этого известия, я вернулась домой. Позвонила маме, сообщив, что у меня внеплановые роды. Она меня успокоила словами: «Не переживай, все будет в порядке. Как родишь, позвони мне…»

В семь вечера я уже сидела в фойе клиники и заполняла с помощью Юльки какие-то бумаги, в том числе и о готовности к кесареву сечению. Потом меня проводили до моей комнаты. Пока шли по коридору, я чуть сознание не потеряла: там уже кто-то орет, рожает… Меня в холодный пот кинуло, стало дурно… Увидев мои страхи, Юля объяснила, что со мной все будет по-другому: у меня ведь кесарево сечение — сделают обезболивающий укол, а через несколько минут уже покажут ребенка… Потом я также своими ножками дошла до операционной. Но страха уже не было, я думала, что вот сейчас наконец-то я увижу своего мальчика!

И тут мне сказали, что рядом со мной, во время операции может находиться кто-то из близких людей — но только один. И я попросила Юлю остаться рядом, не подозревая, что девчонка до смерти боится вида крови. Но я-то, садистка, еще и фотоаппарат ей вручила, чтобы она фиксировала каждое движение врачей и появление на свет моего ангела.

Мне сделали укол в спину и положили на стол. И хотя я оставалась в сознании, но свое тело ниже талии не чувствовала, его словно не было. Это незнакомое ощущение меня несколько пугало. Но мое внимание отвлекли дальнейшие события. Я ничего не чувствовала, а только видела сумасшедшие глаза Юльки, которая, как заправская пулеметчица, давила на курок фотоаппарата. Потом я подняла свой взор наверх и увидела зеркало, в котором отражался весь ход операции. От неожиданности я зажмурилась и почувствовала, что меня трясут, а в следующее мгновение раздался детский крик. И моего мальчонку положили мне на грудь. А потом Юльке говорят: «Ну, папаша, давайте перерезайте пуповину!» Юлечка моя аж вся затряслась от неожиданности: «Давайте лучше сами! Какой из меня папаша!..» Вот так моя подружка практически и рожала вместе со мной. И, естественно, именно она стала крестной мамой нашего Святика.

Меня перевезли в реанимационную палату, чтобы я пришла в

себя, но я тут же потребовала, чтобы ребенок был со мной. «Глупышка! — сказали мне медсестры. — Лежи пока, отдыхай. А мы ему марафет наведем: выкупаем, оденем, бумаги заполним, опознавательные знаки… Дело в том, что в США стали обязательными серьезные меры предосторожности, потому что были случаи похищения новорожденных. С тех пор такая повышенная бдительность и всюду установлены камеры слежения. И каждому малышу вешают магнитные бирочки, которые „докладывают“ о любом перемещении ребенка. Кроме того, при каждом посещении рожениц врач сверяет номер бирочки мамаши с номером бирочки малыша. Да и легла я в эту клинику инкогнито, под другим именем, чтобы вездесущие репортеры не мешали мне наслаждаться счастьем материнства.

После того как я пришла в себя, меня привезли в палату. И я снова спросила:

— А где мой ребенок?

— Вы будете лежать вместе с ним? — удивились медсестры.

— Конечно! — возбужденно выпалила я.

— И кормить будете грудью?

— А как же! — другого варианта кормления собственного дитяти я просто не представляла.

И тут, слышу, везут моего «лягушонка в коробчонке». Он был в таком модном прикиде, что я расхохоталась: на голове у него был такой смешной чепчик, очень похожий на петушиный гребешок, такой фиолетовый с розовыми полосками, ну просто маленький панк. И в распашонке с зашитыми рукавами.

Я хоть сгоряча и заявила, что буду справляться с ребенком сама, но, как все это делается на самом деле, я не знала. К счастью, пришли специалисты, все мне показали-рассказали, всему меня обучили и мы остались с ним вдвоем, жить-поживать да добра наживать…

Поскольку родился мой сынулька в 22.25, моим близким и любимым пришлось ждать встречи с нами до следующего утра. И я им сразу же заявила, чтобы назавтра нас из клиники забирали.

И лишь только я оказалась в привычных домашних условиях, в кругу близких и друзей, мне захотелось дать пир на весь мир. Мы отправились в ресторан, чтобы отпраздновать появление на свет моего наследника и рождение новой звезды — Светланы Хоркиной в образе матери.

Конечно, я серьезно готовилась к рождению ребенка. К счастью, в Америке много специальной литературы, масса всевозможных приспособлений для молодой матери и малыша. Мне приготовили все, что нам со Святиком было необходимо: и специальное белье для кормления, и одежду, и мази от растяжек,

и специальную косметику, как для мамы, так и для малыша. В Америке все боготворят и беременных женщин, и мамаш с колясками. Там считают, что рождение ребенка — это очень ответственный шаг, к которому нужно подойти во всеоружии.

До отъезда в США я наблюдалась у прекрасных врачей в Москве в Центре планирования семьи — у главврача Марка Курцера и его замечательных специалистов. Но так уж получилось, что мне пришлось рожать за океаном. Но я больше чем уверена, что в Москве было бы ничуть не хуже, чем в Штатах. Ведь именно здесь вели меня на протяжении всего срока беременности и подготовили к длительному перелету. Опять же благодаря своему исчезновению из Москвы я отвела от себя проблему преследования папарацци. Любая женщина вам скажет, что в состоянии беременности всегда опасаешься черного глаза и потусторонних воздействий. Поэтому я и не делала шоу из своих родов. Буквально несколько дней спустя ко мне приехала «тяжелая артиллерия» — моя подружка Катя со своей мамой — мы вместе с ними отдыхали на Сейшелах. Они оба врачи, и я была страшно удивлена, что американцы беспрепятственно выдали им визы. А вот мою мамочку не выпустили, хотя она дважды ходила в посольство. А мне так хотелось, чтобы мамуля была рядом. Но тогда выбора не было, и я очень благодарна и Катюше и ее маме, что они были со мной рядом, все-таки послеродовая депрессия и меня не обошла стороной. Я потеряла аппетит и начала сильно худеть. Буквально таяла на глазах. Началось это из-за того, что мне казалось, будто я неправильно ухаживаю за своим ребенком. А ведь я кормила малыша грудью, и мне просто необходимо было хоть что-то есть. Девчонки меня уговаривали покушать… А у меня началось абсолютное отвращение к еде. А потом и настоящая истерика…

День напролет я прорыдала у кого-то из них на плече, всхлипывая: «У меня не должно быть, как у всех, я же Хоркина!» А мне говорят: «Светка, да все одинаковые, что же ты придумываешь…» Со временем ко мне вернулась уверенность в себе, подействовали и уговоры близких, и эту послеродовую депрессию как рукой сняло, произошла мобилизация организма. Но все равно до возвращения в Россию со мной творилось что-то невообразимое. Я чувствовала себя сумасшедшей матерью. Даже когда мы выходили с подружками погулять на улицу, я мертвой хваткой вцеплялась в коляску и никому не давала ее катать. Я не могла оставить ребенка даже на час. Но я уже стала подумывать о том, что пора и честь знать — надо готовить документы к отъезду на Родину. И когда мне нужно было выезжать для оформления ребенку документов, за билетами в город, я сходила с ума: как

там мой сыночек, все ли у него в порядке… Я в бешеном темпе старалась закончить все дела, хватала такси и всю дорогу подгоняла водителя, чтобы он ехал быстрее. Это был просто ужас! Примерно месяц ушел у меня на то, чтобы оформить сыну сначала российское, а потом и американское гражданство, которое он автоматически получил по месту рождения. Такие уж у американцев законы.

Мое возвращение в Москву тоже было настоящей эпопеей. Ведь я порядка трех месяцев прожила в США, и у меня накопилось огромное количество вещей: и своих и ребенка. А на самолетах после всех терактов предпринимаются повышенные меры безопасности и тщательный досмотр багажа. Когда я ввалилась в аэропорт со всем своим хозяйством, на ленте досмотра образовалась внушительная очередь. У меня было пять чемоданов, коляска с малышом и еще две сумки — моя и с его вещами первой необходимости… Я была вся в мыле, когда по десять раз перетаскивала все вещи с места на место, вынимала и снова клала ребенка в коляску… И только когда мы перешли наконец границу, я устроилась с сынулей в уголке и покормила его грудью. Слава богу, с молоком у меня проблем не было, и мальчик мой был всегда сыт и доволен. Надеюсь, если Бог даст мне еще ребенка, с кормлением тоже проблем не будет.

У меня были билеты на первые места в бизнес-классе, где для грудничков прикручивается люлька. Я уложила туда своего малютку и только после этого вздохнула с облегчением, хотя впереди еще были 13 часов полета… А уже в момент приземления в Шереметьево я разревелась — неужели мы скоро будем дома?! Мой водитель быстренько домчал меня в Ватутинки, где меня уже ждали мама и сестра, примчавшиеся из Белгорода. И начались приятные домашние хлопоты: искупать ребенка, поменять подгузники, накормить, погулять… И только здесь, в своем доме, я успокоилась и позволила себе расслабиться, давая своим родным и близким возможность пестовать мое дитя. Глядя на то, как умело справлялась с моим ребенком мама, я поняла, что именно ее-то мне там, за океаном, больше всего не хватало.

В своей любимой избушке в Ватутинках мы и проводили счастливые первые месяцы нашего взросления. Мне даже не хотелось выезжать в Москву. Я была безумно рада тому, что в свое время послушалась советов умных людей и построила этот домик.

Накануне Олимпийских игр в Атланте я сменила спортивное общество, за которое раньше выступала, выбрав ЦСКА. Я приняла присягу и стала военнослужащей. Сначала прапорщиком, а потом дослужилась благодаря своим спортивным успехам уже и до

майора. И когда мы, армейские спортсмены, вернулись в Россию олимпийскими чемпионами, руководители нашего спортивного общества сделали нам грандиозный подарок — участки земли и возможность построить на ней дачи. Нам поставили там вполне приличные кирпичные избушки, которые мы сами могли перестраивать и облагораживать уже по собственному желанию. У меня даже сохранилась фотография, где я стою прямо на фундаменте будущего домика. А в 1997-м они уже были построены. Несколько лет эта коробка у меня простояла, и, как положено, оседала.

И только после Сиднея я начала заниматься оформлением всего этого хозяйства и благоустройством. Я ведь все время жила на «Озере Круглом» и другого жилья в Москве мне не требовалось. А потом решила, что пора подумать и о собственном «гнездышке». И начала перестраивать свою избушку.

В свое время в родном Белгороде наши руководители за мои спортивные успехи подарили квартиру в очень хорошем современном новом доме. В ней поработали также и лучшие белгородские дизайнеры, работу которых я оценила на «отлично». Их же я попросила помочь мне в ремонте моего подмосковного домика.

И они сделали мне дом в моем любимом тосканском итальянском стиле, используя лучшие отделочные материалы из Италии. Конечно, я грохнула тогда на это строительство огромные деньги, но зато я получила свой замок из слоновой кости, свое психологическое убежище, где я скрывалась, уезжая на выходные со спортивной базы, где встречалась с самыми близкими друзьями, где гостили мои родственники, когда приезжали в Москву. Где я поселилась со своим Святиком.

Конечно, когда у меня появился ребенок, домик стал нам маловат, все-таки теперь я уже не одна, семья увеличилась, и на одном ребенке я останавливаться не собираюсь. А еще у меня постоянно рядом мама с папой, сестра, крестные — и всем нужны отдельные спальни, чтобы близкие мне люди чувствовали себя комфортно. Да и участок хотелось бы попросторнее. Но это уже вопрос будущего… Я обеими руками голосую за укрепление семьи. Нужно, чтобы, как встарь, люди могли жить семьями вместе, в кругу любимых людей, в больших и комфортных домах, а не ютиться в городских клетушках или крохотных избушках на маленьких участках земли.

Через несколько месяцев после возвращения в мою загородную резиденцию мы вызвали из США на крестины Святослава моих близких друзей. Мы отправились в старинный монастырь в 200 км от Москвы, который тогда еще находился на

реставрации, но там уже жили монахи и проводились службы и церковные обряды. И моя Юлечка, находившаяся со мной рядом в самые сложные дни моей жизни в Лос-Анджелесе и ставшая свидетельницей появления на свет нашего Святослава, стала его крестной матерью. Ну а крестным отцом — близкий друг папы нашего малыша. С тех пор как я родила, мой образ жизни и распорядок дня кардинально изменились. Я перестала работать. Я всю жизнь работала и не понимала, как можно жить не работая. Но потом все это заменил мне мой ребенок. Я и вставала к нему по ночам, и с удовольствием кормила его грудью, абсолютно не переживая из-за того, что будет с моей фигурой. И получала от всего это колоссальный кайф, понимая, что это самое приятное занятие в моей жизни. Мне нравилось возиться с малышом, купать его, менять подгузники, видеть его каждую секунду. Он же все время абсолютно разный. Я просто балдела от самой мысли, что я мама. Я даже не на 100, на 200 процентов чувствовала себя матерью. И готова была делать все, что полезно для моего ребенка, для его здоровья и иммунитета. Уж кто-кто, а я очень хорошо знаю, что такое здоровье.

Не поверите, после того как я наконец-то избавилась ото всех спортивных переживаний, мне стало сниться по ночам, что я тренируюсь в зале. Подружки стали говорить, что я подсознательно готовила себя к возвращению в спорт. Я просыпалась и говорила себе: «Нет! Я этого не хочу!» Еще несколько месяцев это продолжалось, но я была настроена категорически. Я продолжала твердить: «Буду жить только для ребенка и себя. А когда он подрастет, все равно не вернусь в спорт. Рожу второго, третьего… И так дальше, пока окончательно не угаснет страсть к гимнастике. Смешно, но я всегда говорила себе: если не рожу ребенка, то никогда не покину спорт. Ведь до рождения Святика спорт для меня был единственным смыслом моей жизни. Но я родила, и поэтому — прощайте все снаряды и Олимпиады.

Я много лет была в профессиональном спорте и всегда молила Бога, чтобы он подарил мне ребенка. Это огромное счастье! До рождения малыша я была по делам в Карелии и там мне показали дерево с выпиленным в нем ухом. Так вот, нужно было нашептать в это ухо свое желание и оно, как меня уверяли местные, непременно сбудется. Естественно, я загадала, чтобы когда-нибудь я стала-таки матерью. Ухо меня услышало и передало дальше в небеса мое желание! Когда сыночек стал сидеть, ползать, я стала замечать в нем черты своего характера. Он такой же настырный и очень любит компанию, не может быть один. С ним можно не играть, но находиться рядом обязательно.

Когда я стала все-таки появляться в обществе, журналисты стали задавать мне бесконечные вопросы о моих планах. Это и понятно. Я ведь слишком долго отсутствовала, и они соскучились по общению со мной. И часто спрашивали, буду ли я готовить сына в профессиональный спорт, как это сделали многие бывшие атлеты. Лично мне этого бы не хотелось. Но он ведь будет выбирать свою дорогу сам, и мешать я ему в этом не стану. Скорее наоборот: сделаю все, чтобы и в большом спорте он чувствовал себя комфортно. И, естественно, для общего развития обязательно отведу его в спортивную секцию.

Разговоры о моей спортивной карьере все-таки взбудоражили старые раны.

И хотя я говорила, что все эти медали и титулы не могут сравниться с моей главной наградой в жизни — Святославом, я стала подумывать о том, что надо потихоньку заниматься собой, своей фигурой, ведь пока я носила малыша в себе и кормила грудью, заметно раздобрела.

На уровне подсознания стали-таки появляться предательские мыслишки о возобновлении тренировок. Стала высчитывать: я родила малыша 21 июля 2005 года. В этом году как раз прошел чемпионат мира, потом Европа. И я думала, что с нового года я уж точно восстановлюсь, а может быть, в 2006-м… И я отправилась на спортивную базу в Ватутинках (и тому даже есть свидетели) и начала тренироваться. Мне было безумно тяжело, я ведь тогда еще была кормящей матерью.

Я попыталась залезть на канат — не получилось. Попробовала сделать достаточно легкий элемент «подъем разгибом» (в народе его называют «склёпка») на брусьях — и не смогла. На самом деле для человека с хорошей координацией это не очень сложное упражнение. Повиснув на верхней перекладине, нужно раскачаться и во время движения вперед поднести колени к верхней жерди и резким рывком руками поднять себя над ней.

А после попытки встать в стойку на руках на ковре, у меня из глаз посыпались звездочки… «Ничего себе я звезда! — подумала я. — А ведь раньше мне всегда все давалось очень легко. Какие-то два года — и я уже ничего не могу!» Для меня это был настоящим шоком. И тренеры ЦСКА, видевшие мои тщетные попытки, по-дружески сказали: «Света, ты что! Всего-то после родов прошло полтора месяца… Куда же ты так летишь! Ты ведь еще и кормишь, подожди…» Я посмотрела на себя в зеркало. На самом деле — какая я гимнастка?! У меня бюст был почти как у Памелы Андерсен. И вес был килограмма на четыре больше, чем привычный… Это раньше я считала, что в любом состоянии мне ничего не стоит сделать подъем разгибом, да и все мои фокусы на

брусьях. А теперь все ушло. Началась другая жизнь, в которой надо начинать все заново. Но я все равно решила: если и не вернусь в спорт, то хотя бы уберу лишние килограммы. К тому же я уже начала потихоньку выезжать в Москву, возвращаться на разные телепрограммы, телеканалы, на приемы, званые вечера, на которые меня часто приглашали. Так я понемногу забросила зал, пока не появился новый телепроект, снова возродивший во мне спортивную страсть и жажду подвига.

Глава шестнадцатая
Звезды «зажигают» в цирке

В этом шоу я была единственной участницей, имя которой известно не только у нас в стране, но и далеко за ее пределами. И судя по всему, эта моя спортивная слава мне не столько помогала, сколько мешала! И судьи не очень-то баловали меня высокими оценками, ссылаясь прежде всего на то, что я олимпийская чемпионка и трехкратная абсолютная чемпионка мира…

Для меня это было весьма неожиданно, поскольку с первых же эфиров я говорила о том, что, как и все остальные участники шоу, начинаю с нуля. Родить ребенка по физическому, да и по психологическому состоянию — все равно что самой родиться заново. Ведь в организме все изменилось, да и вообще началась другая жизнь. Именно поэтому возвращение спортсменок в большой спорт после рождения ребенка — это настоящий подвиг. И если занижали оценки мне, оглядываясь на мое гимнастическое прошлое, то почему не занижали их тому же Сергею Лазареву, который в прошлом занимался гимнастикой, и Жене Стычкину, у которого, судя по всему, тоже было спортивное прошлое…

Да бог с ними, с оценками и с судьями, мы же участвовали в шоу, а не в спортивном соревновании. А шоу — это всегда игра, рассчитанная на зрителя, с заранее прописанной интригой. Именно поэтому я перестала кому-то что-то доказывать и постаралась реализовать какие-то свои детские мечты, связанные с иллюзией, дрессурой, клоунадой. Стала придумывать образы, вспоминая и оттачивая свои актерские навыки, и экспериментировать. Я ведь изначально согласилась на этот проект не ради соперничества — мне его вполне хватило в большом спорте, — а для того, чтобы с его помощью попробовать что-то новое, неизведанное. Я давно мечтала прикоснуться к цирковому искусству, к телевизионным шоу, расширить свои творческие горизонты и обрести новых друзей… Теперь я уже с полной уверенностью могу сказать, что готова к любым творческим экспериментам, даже самым экстремальным, мне все по силам. Когда в прошлом году мой коллега по спорту Алексей Немов предложил поучаствовать в его гимнастическом шоу, в физическом плане я была к этому абсолютно не готова. Зато после шоу в цирке, когда я вернулась в хорошую форму, охотно приняла его приглашение и успешно выступила в его новом шоу.

У меня такой характер — либо я делаю все с максимальной

отдачей, либо не делаю вообще.

Как я оказалась в этом проекте? В конце 2006 года мне позвонила Оксана Дружинина, постановщик программы, и предложила поучаствовать в проекте. Я не придала большого значения этому звонку и попросила ее перезвонить позже, потому что в тот момент была поглощена работой над своей книгой. Да и вообще, честно говоря, забыла об этом звонке. В конце года улетела я в Лос-Анджелес, чтобы навестить друзей и крестную своего сына. А на обратном пути, уже в начале 2007 года, в очередной раз побывала в Лондоне во время «Русской зимы» на Трафальгарской площади. Я прилетела туда исключительно для того, чтобы поддержать Сочи как столицу будущих зимних Олимпийских игр. Мы, олимпийские чемпионы — Женя Плющенко, Ира Слуцкая, и многочисленные артисты давали бесконечные интервью и устраивали не только презентацию Сочи, но и праздник для всех, кто заглянул на площадь, в том числе для обширной русской диаспоры, которая живет в Англии.

Как обычно, официальной частью мое пребывание в Лондоне не закончилось. Я успела побывать на площади перед дворцом, где живет королева с семейством и, естественно, пробежалась по магазинам. Мне очень нравится «Галерея Ла Файет» — очень большой магазин, такой же огромный, как наш ГУМ. И там есть все. Меня это очень радует — далеко не надо ходить, зашел и все купил. Ведь не случайно говорят, что на сегодня лучший шопинг все-таки в Англии, особенно в сезон рождественских скидок.

С удовольствием постояла у ворот королевского дворца, посмотрела красивый ритуал смены караула. Какие же у королевы самоотверженные гвардейцы в огромных медвежьих шапках! Я понимаю, что эти костюмы — старинная традиция. Но как они, бедные мальчики, стоят в этих тяжеленных и жарких головных уборах летом?

Мне нравится бродить по старому Лондону. Впечатляет архитектура. Не случайно ведь говорят, что Англия — это дома. И ведь дома там не одну сотню лет живут, потому что хозяева относятся к ним очень бережно. И мне нравятся традиционные английские интерьеры, их мебель, но мои симпатии в этом отношении принадлежат итальянскому стилю…

Мне довелось посмотреть практически все главные достопримечательности Лондона.

Я в принципе считаю: если тебя жизнь куда-то забросила, не стоит лениться. Нужно постараться осмотреть все самое интересное в области культуры и истории, что есть в этом месте. Кто знает, когда тебе это пригодится в жизни. Во всяком случае — расширишь свой кругозор, узнаешь немало интересного и

полезного, заведешь новые знакомства, насладишься новыми эмоциями и впечатлениями. Наберись терпения, надень обувь без каблуков — иди и смотри. Кто знает, может, ты больше никогда в жизни в этих местах не окажешься, зато сумеешь побывать там, где происходили когда-то яркие события, на энергетическом уровне пообщаешься с историей и проникнешься ее духом.

Мне нравится прокатиться с ветерком по Лондону на двухэтажном автобусе. Заберешься на самый верх, займешь там сиденье в первом ряду, как когда-то в детстве, чтобы был самый лучший обзор и… наслаждаешься видами. Правда, если не попадешь в дорожную пробку… А лучше всего у Виндзорского замка. Там и воздух чистый, и виды шикарные. Не случайно ведь ангийские монархи выстроили там свою загородную резиденцию. И я стараюсь останавливаться неподалеку — в «Pinwood Golf & Spa Hotel». Процедуры для тела и лица там просто фантастические. И все вокруг — ну очень красиво — и отель, и королевский замок, и лужайки, и садовая архитектура… Жаль только, что королеву ни разу не встретила.

Великобритания — своеобразная страна. Но это не те края, где бы я хотела пожить подольше. Мне скорее хотелось бы иметь домик где-нибудь в теплых краях… Кто знает, может быть, в будущем так оно и случится… Мне очень нравится Италия, особенно Тоскана или, скажем, юг Франции.

Как только я вернулась из Лондона в Москву, Оксана Дружинина позвонила мне снова. И, когда она стала приглашать меня в проект уже более настойчиво, я стала ссылаться на то, что абсолютно не в форме, поскольку в этот период вообще никакой физической нагрузки себе не давала. Хотя на моем внешнем облике это никак не отражалось: я была и стройна, и весела… Что касается физической формы, я прекрасно понимала, что она «ушла» от меня далеко и надолго: все свои спортивные достижения я оставила в прошлом, все навыки прочно забыты.

Я ответила Оксане, что пока не уверена, смогу ли я чисто физически что-то сделать в цирке… Кроме того, мне необходимо посоветоваться со своими близкими: будут ли они подменять меня дома с ребенком, пока я буду уезжать на тренировки и на съемки. К большому удивлению, семья мне дала полный карт-бланш: мол, а что — давай попробуй! Чего дома-то сидеть? Это даже интересно! Ну, раз им интересно, я перезваниваю Оксане, с тем чтобы для начала прийти на разведку, посмотреть — причем вместо манежа по привычке сказала «в зал», — что там вообще происходит, кто уже тренируется и что предстоит делать мне…

В это время уже репетировали Женя Стычкин, Жанна Фриске, Лена Корикова, Ксения Собчак… Я посмотрела, что они там уже

под куполом цирка летают, и сразу же с перепугу говорю: «Ой, нет… Я, наверное, не смогу…» Потом подумала немножко и попросила спустить для меня трапецию — попробую повисеть. Схватилась за нее руками и говорю: «У меня ведь уже и мозолей нет. Боюсь, что и повиснуть как надо не смогу, руки не выдержат — и я сорвусь вниз…» А Оксана не отступала: «Ну, ты попробуй походить на тренировки, а потому уже и решишь, будешь участвовать или нет…» Решила-таки попробовать. Это был ужас: подвесили меня кверху ногами — меня тошнит, голова кружится, из глаз искры летят, белые мухи летают… После этого я минут двадцать сидела в кресле и приходила в себя. Все, что было наработано в спорте, как будто испарилось — вестибулярный аппарат никуда не годился!

Неужели все спортивные навыки канули в Лету? Меня это, откровенно говоря, шокировало: я даже не предполагала, что спортивные достижения так быстро улетучиваются. Все, что нарабатывалось упорными тренировками в течение двадцати одного года, было полностью потеряно всего-то за полтора года! Пробую снова и снова повисеть вверх ногами, и каждый раз та же реакция. И после каждого раза я подолгу отсиживалась и приводила себя в норму. «Нет, — решила я, — так дело не пойдет!» И пошла в тренажерный зал, который был в нашем распоряжении там же, в Цирке на Цветном бульваре, вытаскивать свое тело и спортивную злость из двухлетней спячки. Для начала просто занялась фитнесом, чтобы мышцам вернулся тонус, они элементарно вспомнили свое предназначение и начали слушаться.

Поначалу все тело сильно болело, но на удивление быстро стали возвращаться былые навыки. Все-таки мышечная память восстановилась! За время беременности, родов и реабилитации последующий год я стала более мягкой и женственной, немножко округлилась. А как только начала работать в тренажерном зале, снова стали появляться рельефные мышцы, и я стала заметно худеть. Даже мои близкие друзья удивленно заметили, что я стала стройнее, и заявляли: «Ты что — похудела?.. Не возвращайся к прежней худощавой Хоркиной! Заканчивай с этим цирком…» Но поскольку я уже сама загорелась этим проектом, мне стало интересно, что там будет дальше и чего я добьюсь. Я вошла в кураж, а своим домочадцам напомнила: «Вы же сами меня отправили в эту творческую командировку! Так что теперь терпите!»

На возвращение физических способностей у меня ушло без малого три месяца. И я почувствовала, что мне уже не так далеко до великолепного хоркинского облика.

Только после того как прошла определенный этап ОФП, я снова вышла на манеж и стала пробовать ходить по канату, висеть на трапеции, выполнять какие-то акробатические элементы. Но для этого еще надо было преодолеть чувство страха, которого во мне раньше, до рождения ребенка, никогда не было. Особенно когда мне говорил педагог на трапеции: «Давай делай обрыв! Бросай руки, виси только на ногах!..» Я в ужасе: «На каких ногах? Я всю свою спортивную жизнь висела только на руках!» Он пытался успокоить, мол, страховка есть, не сорвешься… Но теперь я каждую минуту помнила о том, что у меня ребенок, и я в ответе не только за свою жизнь, но и за его. Поэтому работа под куполом продвигалась у меня крайне медленно. Побыстрее шла работа в акробатике, на канате, в дрессуре, в иллюзии…

Еще меня очень увлекло то, что у нас на шоу сложился довольно дружный коллектив. И это на самом деле так, мы не играли на камеру.

Я очень рада тому, что ближе познакомилась со всеми участниками проекта. Команда у нас действительно сложилась очень дружная. Я очень люблю и уважаю людей, которые умеют трудиться и обладают чувством юмора. А там все были трудяги, и у всех — замечательное чувство юмора. За способность и желание трудиться я могу простить человеку все. Даже зная Ксению Собчак, которая постоянно всех подкалывает, в цирке я увидела ее совершенно с другой стороны… Я поняла, что ее имидж — дело наживное, как появился, так и уйдет. А вот сам человек и его способность трудиться останутся. И то, что она умеет это делать, она демонстрировала на всех тренировках в цирке.

Мы друг за друга переживали, старались помогать. Естественно, цирковые нагрузки щедро «одаривали» нас синяками, шишками, ссадинами, легкими травмами и сильными болями в мышцах.

И многие спрашивали меня, как у профессионала в прошлом, что со всем этим «добром» делать. И я советовала, как лучше восстанавливаться, как лечить боль в связках, как успокаивать мышцы, которые ноют от нагрузок, что делать с синяками, поскольку в этом плане у меня был богатый опыт… Я подружилась с замечательными цирковыми педагогами и артистами. Оказалось, что со многими я знакома, поскольку они пришли в цирк из гимнастики. Мне было очень приятно слышать оценки своих номеров, которые давали старший Багдасаров и Максим Никулин.

Все, что происходило на манеже, можно было назвать реалити-шоу. Ведь для эфира все номера снимались с колес. В этом-то и фишка, что все надо было сделать с первого раза, без

дублей.

У меня был страшный момент, когда я сорвалась с трапеции, и меня еле-еле успели поймать… Даже зал ахнул… А помните, как Лена Корикова закричала под куполом цирка — от испуга. Выполняя номер, она должна была сделать «обрыв» — такое неожиданное для зрителя падение, в котором ты, бросая руки, должен мгновенно зацепиться ногами за перекладину. Понятно, что в номере все просчитано, но чувство самосохранения у обычного человека срабатывает мгновенно. И у Лены именно в этот момент вырвались душераздирающие звуки… Надо отметить, что именно эти крики безотказно подействовали и на судей. Тогда же Стычкин сказал, что цирковой артист тем и отличается от артиста кино, что у него нет права на второй дубль. Так что везде должна быть ювелирная работа. И умение обыграть любую неточность или падение так, чтобы зритель не понял: запланирована была ошибка или случайность… Это, кстати, мне было хорошо знакомо по спорту. И еще в цирке принято из уважения к зрителям, если у тебя какой-то элемент не получился, обязательно его повторить и постараться выполнить чисто. Поэтому, сорвавшись с трапеции, я и полезла на нее снова и сделала элемент как положено. Хотя в тот момент я даже не знала об этой цирковой традиции. Во мне лишь взыграло спортивное самолюбие! И я была счастлива, что в цирке осуществлялись мои детские грезы. Я с детства мечтала побыть клоуном и узнать, как делаются фокусы, мечтала побыть воздушной гимнасткой…

В прошлом году, когда проект в цирке проводился Первым каналом впервые, я летала на кольце под куполом без страховки.

В этом году дирекция цирка поставила условие: либо убирать сложные элементы, либо использовать страховку. И в этом году я видела, что Ира Чащина, чемпионка мира и призер Олимпиады по художественной гимнастике, выполняла упражнение в кольце под куполом цирка со страховочным тросиком… На самом деле, я ведь далеко не дурочка, у меня сильные руки, которыми я могу уверенно держать себя на весу, прошло два месяца тренировок, я снова была в тонусе и хорошо знала, как использовать свое тело и его возможности, чувствовала его и знала, когда могу работать без страховки. Кстати, страховка иногда очень сильно мешает, в ней можно запутаться. А у меня была очень эффектная «вертушка». И я заявила, что буду исполнять свой номер без страховки. Меня предупредили, что я очень сильно рискую. Но я твердо заявила, что отвечаю за свои действия и реально понимаю, что смогу. И после этого номера, который я делала в последний день нашего проекта, вдова Юрия Никулина собрала нас в своем

кабинете в цирке, подарила книги своего мужа, а мне заявила: «А тебя, Хоркина, надо просто отшлепать за твои выкрутасы под куполом без страховки! Ты заставила меня пить сердечные капли…»

Но ведь доля риска в цирке всегда велика, и я была очень расстроена, когда соскользнула с плеча партнера и упала на акробатическом номере Анита Цой. У меня ведь тоже было аналогичное случайное падение с трапеции. Это лишний раз говорит о том, что в таких экстремальных экспериментах надо прежде всего надеяться на себя и четко контролировать весь номер от начала и до конца, не давая себе расслабляться.

Когда же подошло время готовиться к жанру цирковой дрессуры, передо мной встала проблема выбора животных. Всех самых простых животных уже разобрали: Ксения Собчак первой отхватила пуделей, которым только махнула рукой — а они уже сели на задние лапки или прыгнули сальто… А вот нам с Кориковой не повезло: Лене достался медведь, ну а мне… Много кого предлагали: и удавов, и леопардов — но, посмотрев, как Стоцкая с Лазаревым пытались дрессировать своих диких кошек, мне стало их, с одной стороны, жалко, а с другой — появилось какое-то внутреннее чувство, что это совсем не мое. И тогда дрессировщики заговорили о слонихе.

Я, конечно, каталась на слонах, когда была в Африке. Но чтобы дрессировать это огромное животное — разве могла когда-нибудь такое предположить? Я помню, мы ездили на сафари на машине, а в это время слон, видимо, обедал, и мы ему помешали. Он на нас разозлился и как попер навстречу — прямо как танк, ушами машет — того и гляди затопчет! И на удивление быстро бежал. Жутко стало.

И когда я работала один на один со слонихой — все сразу вспомнилось, но я и этот страх преодолела.

Мы отправились на ВДНХ, в цирк-шапито, где квартировала предложенная мне слониха Чайни — цирковая артистка со стажем. Я, конечно же, запаслась угощениями — взяла кочан капусты, батон хлеба, бананы — для Чайни, поговорила с ней, погладила по хоботу, а потом попробовала выйти с ней на манеж. Первые шаги я от нее шарахалась — меня пугала эта громила рядом. А потом вдруг она решила показать свой норов: замахала ушами, затрубила своим хоботом, начала размахивать им в разные стороны и попятилась назад — меня от страха тут же с манежа как ветром сдуло. Я не на шутку перепугалась, ведь нечто подобное я уже видела в Африке… Все вокруг смеялись, но мне совсем было не до смеха. После этого я уже опасалась выходить к слонихе один на один — только в сопровождении дрессировщика.

Потом я решила попробовать работу с обезьянкой. И хотя мы с Иосифом очень быстро сдружились: он висел на мне, как кенгуренок, мы делали кувырки, прыгали, он обнимал меня и целовал… — но животное оказалось к выступлению неготовым, дрессировщик убедил меня, что обезьяна неопытная и дебютировать на арене должна все-таки с профессиональным дрессировщиком. И тогда мне снова пришлось вернуться к слонихе. Почти каждый день я ездила к Чайни с яблоками, бананами и рафинированным сахаром, который она просто обожала. Постепенно она ко мне привыкла, мы нашли общий язык и стали работать на манеже. Она и на хоботе меня потом катала, и обнимала, под руку водила… Если я приезжала на занятия с Чайни в каком-то неважнецком настроении или состоянии, то уезжала после репетиции в совершенно другом расположении духа. Она настолько меня энергетически вылечивала и очищала, что я чувствовала себя рядом со слонихой абсолютно счастливой. Представьте, когда Чайни садилась своим огромным задом на тумбу, ставила задние ноги на манеж, а верхние поднимала вверх, я подходила к ее теплому, нежному, бархатному животу, прислонялась к нему спиной и также поднимала вверх руки, — ей стоило только опустить передние ноги, и от меня бы ничего не осталось. Но я не испытывала ни капельки страха, потому что Чайни ни разу не дала мне повода усомниться в ее послушании и доброжелательности по отношению ко мне.

И номер у нас получился просто шикарный: я была такая миниатюрная в розовом костюмчике, и эта большая тётька с белым маникюром на когтях — ей когти выкрасили побелкой! И Чайни была большим молодцом — она и слушалась меня с первого слова, и помогала мне — и всю программу сделали на одном дыхании.

А потом — взрыв аплодисментов…

Когда же потом, после выступления, мне рассказали об инцидентах, происходивших с этой слонихой, и о том, что она пару человек затоптала — я просто не могла в это поверить, настолько доброй и ласковой была Чайни по отношению ко мне.

Тем не менее я все-таки склонна считать, что с человеком общий язык найти проще. Некоторые животные вообще не показывают своих эмоций, в отличие от слонов, которые, хотя бы ушами машут, когда сердятся. Собака может оскалиться. А вот медведь, к примеру, ничего не показывает. Кстати, их в цирке называют «хомяками», а удавов — «шнурками». Это для меня тоже стало смешным открытием. Цирковое образование я получала с большим интересом. Я рада, что на этом проекте мои

контакты с цирком и телевидением не закончились. И у нас были и еще будут совместные гала-представления со всеми участниками проекта, которые выбывали из него на разных этапах, по городам бывшего СССР. Осенью уже состоялось несколько представлений в Таллине и в Риге.

Когда в 2008 году стартовал уже второй телепроект «Цирк», нас, бывалых циркачей, попросили вспомнить что-то из своих прошлогодних номеров, чтобы передать эстафету новому набору. Каждый, естественно, выбрал лучшее из того, что у них было. Конечно, былая форма ушла, мы ведь специально к этому выступлению не готовились. Но у меня был номер, который можно было исполнить в любое время суток без особой специальной подготовки, — иллюзия, где меня, спрятавшуюся в черный ящик, «протыкали» тремя самурайскими мечами… Да у меня, при нынешней нагрузке, связанной с работой в Государственной думе, просто реально не хватило бы времени, чтобы заново отрепетировать номер под куполом в кольце или со слонихой.

Мне очень понравились все проекты, в которых довелось участвовать. Многие из них были очень эмоциональными, яркими и смешными, как, например, «Стенка на стенку». Мы до сих пор, встречаясь с Аней Семенович и Машей Бутырской, вспоминаем нюансы из нашего выступления и хохочем над ними. Однажды в дружеской беседе Алексей Ягудин, смеясь, предложил мне встать с ним в пару для участия в «Ледниковом периоде». Но я ведь ни разу в жизни не стояла на коньках! И я от страха, что мне действительно могут в будущем предложить участвовать в этом проекте, отправилась на каток и научилась-таки на них не только стоять, но и двигаться по льду! Анастасия Волочкова ведь до участия в ледовом шоу тоже никогда не каталась на коньках, а потом вон что вытворяла на льду с Антоном Сихарулидзе! И я думаю, что она этому очень рада.

Кстати, то, что я встала на лед, — далеко не первое мое достижение после того, как наша страна выиграла право на проведение Олимпиады в Сочи. Как представительница летнего вида спорта, я раньше никогда не уделяла внимания зимним видам. И теперь решила срочно восполнить пробелы своего спортивного образования. Я хочу развить в себе умение полноценно отдыхать и заряжаться силами на свежем воздухе, чтобы абсолютно комфортно чувствовать себя на зимних курортах. Вместе с семьей мы отправились в горнолыжный клуб Леонида Тягачева, и там с инструктором я впервые в жизни встала там на горные лыжи! Вернее, сначала меня обучали надевать эти огромные ботинки, палки, потом мы делали целый

ряд подготовительных упражнений, первые шаги на лыжах, учились падать, потому что в спорте это умение — одно из самых важных… А потом мы поднялись на гору. Когда я взглянула вниз: тут же сказала инструктору: «Я боюсь…» — впервые в жизни с моих уст сорвалось это слово. Но потом все-таки съехала с горы… Эмоций после этого было столько — что я целую ночь не могла заснуть! Таких переживаний, счастья, умиления у меня давно не было.

Теперь я четко для себя определила, что соглашусь на любой проект, в котором смогу получить удовольствие, открыть в себе что-то новое или чему-то научиться. Я поучаствовала бы в певческом проекте типа «Две звезды», в танцевальном… Мне очень симпатичны спортивные и особенно бальные танцы. Они такие разные и зажигательные, эмоциональные и царственные: это и вальс, и танго, румба и умопомрачительные латинос… А какие там шикарные платья! Балдею уже только от самих платьев! В вальсе ведь порхаешь не только ты, но и платье вместе с тобой. Хотелось бы мне так научиться. Конечно, я могу организовать себе уроки бальных танцев, но в потоке дел, которыми мне приходится постоянно заниматься, выкраивать время лично для себя как-то не всегда получается. А вот четкая дисциплина и цель — участие в проекте очень помогают дисциплинироваться. Тогда хочешь не хочешь, а заставляешь себя несколько раз в неделю планировать занятия с педагогами и съемки.

Мне приятно, что все проекты, в которых я участвовала в последнее время, оказались удачными. Осталось только осуществить пробу пера в кинематографе. Тем более что в цирке Михаил Швыдкой отмечал мои актерские таланты, да и опыт актерской работы у меня уже есть — я ведь рассказывала, что сыграла главную роль в спектакле Сергея Виноградова «Венус». Спектакль имел успех, мы гастролировали с ним. Но тогда я еще выступала в спорте, готовилась к афинской Олимпиаде, и театральную деятельность пришлось приостановить, хотя она и доставляла немало удовольствия не только мне, но и публике. Потом был отпуск по рождению ребенка, уходу за ним. И вот теперь я снова вернулась к общественной жизни и во всеоружии готова к работе.

Вы знаете, уже в середине проекта я действительно почувствовала, что нахожусь в хорошей форме. И у меня даже промелькнула мысль: «Может, действительно, надеть свой спортивный купальник и рвануть на Олимпиаду?.. И добиться-таки звания абсолютной чемпионки в Пекине?» Но зацикливаться на этом я все-таки не стала. Спорт для меня — перевернутая

страница, все эмоции пережиты, вершины покорены… И стремиться там больше некуда. Пусть молодые дерзают. А я буду открывать для себя новые горизонты и в себе — новые таланты. Я очень рада тому, что цирк помог мне снова стать той бесстрашной Хоркиной (в последнем номере я даже работала без страховки), которую знали и знают миллионы зрителей во всем мире.

Да, цирк помог мне возродиться в творчестве, помог обрести былую физическую форму. Теперь, в преддверии пляжного сезона, мне не нужно бегать по фитнес-клубам, чтобы привести в порядок свое тело. Теперь я могу спокойно раздеваться до купальника и носить любую красивую и стильную одежду. Хоть на эстраде, хоть на подиуме…

Да, чуть не забыла: я ведь еще и пою! И не смейтесь — меня даже зовут на гастроли… А началось все с того, что меня пригласили на пятилетие журнала Maxim, поскольку я была героиней одного из выпусков этого издания, была у них и на обложке. К тому же в этом празднике приняли участие многие мои знакомые… Журнал предложил мне выступить с поздравлением, но как-нибудь необычно, в амплуа, в котором меня еще никто не знает. И вдруг они заговорили про то, что я беру уроки вокала, — мол, может, что-нибудь споешь?

На самом деле я очень давно дружу с вокальным микрофоном. Еще на сборах на «Озере Круглом» любила развлекаться и пробовать свои вокальные возможности под караоке. Это не только развивало дыхательные и певческие способности, но и помогало эмоционально выплеснуться, расслабиться. И постепенно я начала заниматься вокалом серьезнее, с педагогом, о чем однажды проговорилась в прессе. Ну а поскольку я девушка решительная и легкая на подъем, заявила: «Щас спою!» Они тут же предположили: «А если с кем-нибудь в дуэте?» Я согласилась. Как «рояль в кустах» подвернулся Прохор Шаляпин, и мы решили с ним спеть дуэтом песню из репертуара Мэриэн Фармэр «Водопад», переведенную на русский язык. Пошли в студию, за два с половиной часа записались, отрепетировали и были готовы выступать. Получилось просто блестяще! До такой степени, что пошли разговоры о том, что на эстраде и без Хоркиной давно тесно. Но меня теснота никогда не смущала, поскольку и на гимнастическом помосте для меня не всегда была зеленая улица и мне приходилось доказывать свое право на Олимп. После этого я уже много раз выступала на нескольких благотворительных концертах, церемониях, и мне стали предлагать новые песни, — некоторые из них я уже даже записала в студии. Глядишь, так потихонечку и наберу номеров

для собственного шоу… Во всяком случае, я никогда не боялась и не боюсь творческих экспериментов, которые не только меня зажигают, но и делают мою жизнь яркой и эмоциональной.

В конце весны 2007 года уже в девятый раз в Летнем саду ресторана Settebello у Московского театра кукол имени Сергея Образцова состоялся весенний бал моды и красоты May Fashion. И в очередной раз в рамках бала был представлен ежегодный список «100 самых красивых людей Москвы», в который вошли актеры, солисты балета, телеведущие, спортсмены, музыканты, светские персоны. За неделю до события этот список был опубликован в журнале HELLO. И мне было очень приятно узнать, что я тоже попала в эту «сотню». И я благодарна всем, кто проголосовал за меня в этом опросе. Хотя мне доводилось возглавлять и куда более престижные рейтинги в Европе и в мире. На самом деле я очень скептически отношусь ко всем этим «топам». Все-таки, друзья мои, красота должна идти изнутри. Обратите внимание, что люди, стремящиеся к внутреннему совершенству, с годами и внешне расцветают, становятся красивее и эффектнее тех, кто стремится лишь к внешнему лоску.

После серии публикаций в прессе и фотосессий с моим участием в течение 2007 года многие спрашивали меня о том, что со мной происходит, почему я так хорошею и хорошею, уж не влюбилась ли?.. Да, дорогие мои, влюбилась и не перестаю влюбляться! Я ежедневно влюбляюсь в жизнь, в людей, которые меня окружают, в работу, которой занимаюсь, в усталость, с которой заканчиваю каждый день, в спортивные нагрузки, которыми стараюсь снимать эту ежедневную психическую и психологическую усталость. Я снова и снова влюбляюсь в свою семью, которая каждый день приносит мне новые радости и открытия!.. А вот более подробно обо всем этом и как этого добиваться, я расскажу в своей следующей книге «Гимнастика для души и тела», которая как раз и будет посвящена красоте и здоровью.

Глава семнадцатая
Думы о Думе

После афинской Олимпиады федерация спортивной гимнастики России провела отчетно-выборную конференцию, на которой свинцовые тучи недовольства сгустились над головой главного тренера сборной России по спортивной гимнастике Леонида Аркаева, возглавлявшего нашу федерацию с 1992 года. И все из-за того, что на Олимпийских играх в Афинах российские гимнасты завоевали всего три медали, из них ни одной золотой. Хотя лично я никогда не видела в этом вины Аркаева. В Афинах, как я уже рассказывала, меня и Немова прессинговали, чтобы, не дай бог, мы с ним не стали супервеликими гимнастами всех времен и народов.

Тем не менее Леонид Яковлевич сразу объявил, что не собирается баллотироваться на должность президента на следующий срок. И тогда на пост нового президента были выдвинули две кандидатуры: заслуженного тренера СССР Юрия Титова, в прошлом известного и титулованного гимнаста, и заслуженного мастера спорта Светланы Хоркиной, то есть меня. В ходе голосования 27 депутатов поддержали Титова, а 22 — Хоркину. После победы Титов сразу же предложил мне пост вице-президента федерации. И я была этому очень рада, ведь даже если бы я стала президентом федерации, все равно мне потребовались бы наставники — бывалые люди, которые знают всю эту работу изнутри. Я понимала, что мне нужно еще многому научиться, чтобы в дальнейшем, может быть, занять и пост президента. И хотя меня всегда называли лицом российской спортивной гимнастики, с этого момента я перешла на другой уровень, став официальным лицом, чтобы достойно представлять нашу гимнастику на любых уровнях, в том числе и политическом.

Еще в 2002 году я выбрала себе политическую партию, которая соответствовала бы моим жизненным позициям и устремлениям. И вступила в ряды «Единой России» на съезде женщин в Ярославле. Интуитивно я почувствовала, что пройдет еще немного времени и именно «Единая Россия», с ее правильной политической платформой, станет партией власти. И что именно эта политическая организация всерьез задумается о проблемах молодежи.

В свое время я не успела побывать в рядах комсомольской организации, поскольку она перестала существовать. А взамен молодым людям ничего не предложили, оставив их во власти

улицы, со всеми ее соблазнами. В то время как каждому молодому человеку нужна какая-то площадка (или, если хотите, организация) для самореализации. Одним такую «площадку» дает спорт, другим — кружок, третьим — творческое объединение, четвертым — молодежная организация политической партии. Как-то я побывала на одном молодежном форуме и мне очень понравились слова одного умного юноши, который объяснял собравшимся, что молодому человеку, в возрасте от 14 до 20–25 лет, нужно «убить своего дракона», иными словами, сделать что-то очень важное для самореализации. Если этого не происходит, зарождается комплекс психологической самонедооцененности, ведь каждый молодой человек должен осознать свою собственную важность и значимость, это дает ему возможность понять то, к чему он должен стремиться, чего хотеть в будущем. И что молодежи нужен лидер, на которого можно ориентироваться.

На собраниях «Единой России» в Белгородской области я активно участвовала в работе молодежной организации. И когда летом 2007 года мои однопартийцы в Белгороде включили меня в списки кандидатов в Государственную думу нового созыва, я поняла, что должна оправдать доверие своих земляков. Конечно, я понимала, что буду заниматься не бюджетными вопросами, не строительством, но вполне могу работать и приносить немалую пользу в комитете по образованию, по вопросам семьи и детей, молодежи и спорта… И я включилась в предвыборную кампанию, начала встречаться с избирателями, отвечать на их наболевшие вопросы… Общаясь со мной, люди понимали, что я всегда была и буду близка к народу, всегда честна и откровенна с ними. Я и сама вышла из народа, сама всего добилась, никто за меня не хлопотал, не просил, не продвигал. И люди, поддержавшие меня, это знают и мне доверяют.

Я поняла, что хочу помогать людям не только своими выступлениями на спортивном помосте и золотыми медалями. Теперь я хочу это делать на законодательном уровне. Когда меня спрашивали: что реально я хочу изменить, подавшись в политику, я отвечала, что одна мир не изменю — это точно. Но мне хочется поработать на благо Родины.

В Государственную думу 5-го созыва пришло много спортсменов. И я верю, что в этот раз в законотворчестве будет широко представлен спорт. Надеюсь, мы наконец-то начнем возрождать ДЮСШ, которые развалились после распада СССР. Именно поэтому мы с удовольствием отправились в Казань, где стартовал Второй всероссийский спортивный форум «Россия, вперед!». Когда разговор идет о методах работы с молодежью, спорт должен играть одну из ведущих ролей.

В крупных федеральных центрах у молодежи масса возможностей заняться спортом. Но в провинции необходимо реконструировать старые и построить новые спортивные школы. Условий для дальнейшего развития молодежного спорта немало. Тем более что нам предстоит зимняя Олимпиада в Сочи. К этому времени Россия должна стать по-настоящему спортивной нацией, и не на телевизионном экране, а в действительности.

Когда внутри Думы началось распределение депутатов по комитетам, мне необходимо было определиться, где я буду работать и смогу принести максимальную пользу. Выбор стоял между комитетом по спорту и по делам молодежи. Я решила не идти легкими дорогами, а возрождать комитет по делам молодежи, которого в Думе прошлого созыва не было, и по сути он начинает работать с нуля. Естественно, здесь нас никто учить не будет, и мы должны все схватывать на лету. Сегодняшняя молодежь живет абсолютно другой жизнью, нежели жили мы. Но должен быть орган, помогающий молодым людям, защищающий их, создающий правовую базу, направленную на конкретную помощь молодым. Конечно, комитет по делам молодежи не может существовать обособленно, он будет плотно сотрудничать с комитетом по спорту, по материнству и детству, по делам семьи, развивать законодательную базу, которая способствовала бы полноценному вхождению молодого человека во взрослую жизнь. Ведь у нас до сих пор нет закона о молодежи. Кроме того, я ведь еще состою в комиссии по делам материнства и детства при полпреде президента по Центральному федеральному округу. Нам предстоит много работать, чтобы не пришлось в очередной раз говорить о потерянном поколении.

Недавно мы проводили выездной президиум федерации спортивной гимнастики на базе олимпийской подготовки «Озеро Круглое». И я была в шоке, узнав, что у нас в стране просто нет спортсменов 1993–1994 года рождения! А это как раз тот возраст, который должен блистать на Олимпийских играх в Пекине. И нам нельзя допускать того, чтобы такая ситуация повторялась.

Решив работать в Государственной думе, я не предполагала, что мне придется работать так много и тяжело. Но я ни о чем не жалею. У нас в Государственной думе собралась очень сильная команда, способная серьезно работать на благо страны. И еще, став депутатом, я поняла, что нужно обязательно находить время для занятий физкультурой, гимнастикой для души и тела, которая будет стимулировать здоровье, снимать усталость, очищать сознание. Это может быть и фитнес, и теннис, и плавание, и горные, и беговые лыжи, и коньки, да что угодно. Главное, заставить себя переключаться от заседаний и

законотворчества на оздоровление души и тела. О том, как деловому человеку, политику, домохозяйке, да и простому рабочему организовать свою жизнь, чтобы она приносила радость и удовольствие, я поговорю с вами в своей следующей книге: «Гимнастика для души и тела», над которой сейчас работаю.

Признаюсь, меня очень повеселила серия фотографий из Думы, вывешенных в Интернете с общим заголовком «Девчонки работают». Я понимаю, что фотографы решили изобразить из себя папарацци, сделав несколько кадров во время тридцатиминутного перерыва между заседаниями, когда депутаты, как нормальные люди, неформально общаются между собой, обсуждают какие-то личные вопросы или поздравляют друг друга с праздниками. Не морды друг другу бьют, как в некоторых зарубежных парламентах, а могут немного встряхнуться, пошутить-поюморить… Я помню, рассказывала своей давней подруге Алине Кабаевой, с которой мы теперь вместе работаем в комитете по делам молодежи, что накануне покупала своему сынишке костюмчик для новогоднего праздника, и выбрала забавный наряд зайчика с ушками торчком. И именно в этот момент, когда я показывала Алине, как выглядят эти ушки на костюмчике, фотограф нас щелкал. Жаль только, что фотографии не способны передать атмосферу зала и звуковой ряд, тогда бы все встало на свои места, а фотограф сел в лужу.

Но, глядя на эти фотографии, я поняла, что они несут в себе и немало положительной информации. Мы все на них эффектно выглядим, красиво причесаны, стильно одеты — а это хороший пример и школа для молодого поколения, которым необходимо с кого-то брать пример, у кого-то учиться. Так что я даже благодарна этим фотографам за такую неформальную фотосессию.

Еще в последние годы своей спортивной карьеры я начала серьезно заниматься своей внешностью и стилем одежды. И если тогда я не нуждалась в приобретении изысканных нарядов для балов и торжественных ассамблей, то на деловые встречи, праздничные банкеты ходить все-таки приходилось. И я для себя решила, что на этих мероприятиях должна придерживаться спортивно-делового стиля. Занялась формированием и постоянным обновлением своего гардероба. Я всегда отдавала предпочтение такой одежде, которая бы выглядела достойно и в деловой обстановке, и на торжественном мероприятии, и на светском коктейле…

Поэтому, став депутатом Государственной думы, я не испытала острого дефицита в одежде, хотя некоторые средства массовой информации и предлагали мне сделать некое фотошоу

с моим выходом в магазин и подбором деловой одежды. А вот туфли, в которых было бы комфортно ходить целый день, пришлось докупить. И я сразу же приобрела аж четыре пары! Все-таки туфли у деловой женщины должны быть и стильными, и эффектными, и удобными для любых случаев жизни, а не только в стенах официального учреждения. Еще один немаловажный момент: я ведь живу за городом, а в Москве иногда приходится проводить чуть ли не весь день — с утра и до позднего вечера. И снова меня спасает возможность брать с собой в машину несколько комплектов одежды, чтобы в случае необходимости переодеться — так что в ней у меня настоящий гардероб из двух-трех вариантов.

Как бы ни была я занята на работе, всегда нахожу время, чтобы посещать и салон красоты, и фитнес-центр, и культурные мероприятия. И каждому нужно найти своих мастеров, которые соответствовали бы его представлениям о сервисе и материальным возможностям. Причем, уверяю вас, дорогие салоны — не всегда самые лучшие. Главное, чтобы вам было комфортно с мастерами, которые вас обслуживают, которые вас понимают… Женщине (да, кстати, и мужчине) нельзя замыкаться только на работе. Надо любить себя и баловать, ухаживать за собой ради себя самой и своего имиджа на работе. Чтобы тебя уважали, ценили, восхищались и любили.

Вот как правильно следить за собой, питаться, стильно одеваться и хорошо выглядеть я тоже расскажу в своих следующих книгах: «Имидж чемпионов», «Диета чемпионов» и «Кухня чемпионов», из которых, я думаю, вы почерпнете для себя массу полезной и интересной информации.

Я родилась 19 января — в большой праздник Крещения. И когда в этом году я приняла решение окунуться в эту ночь в прорубь — в Иордань, я позвонила своему духовнику отцу Иоанну со словами: «Я очень хочу это сделать, мне просто необходимо это! И, по-моему, я готова к этому, я созрела. Но я боюсь…» На самом деле — я страшно боюсь холодной воды, она для меня — муки ада, смертельный номер, не то что под куполом цирка летать… И отец Иоанн сказал мне: «Благословляю тебя, дитя мое! — С Богом! После этого ты родишься заново».

И я вместе с другими депутатами, членами фракции «Единая Россия», отправилась в подмосковный храм, где происходила торжественная литургия и крещенские купания. Хотя я понимала, что не полезу в воду вместе со всеми, в присутствии прессы, для себя твердо решила, что окунусь в ледяную Иордань. Я была в шоке, когда окунула руку в прорубь и почувствовала, что она покрылась тоненьким ледком. Этак и порезаться можно,

мелькнуло у меня в голове. Но тут же мои сомнения развеяли наши крупные депутаты, которые стали прыгать в воду, как ледоколы, только брызги во все стороны летели. Я дождалась, пока окунутся все мужчины. Потом в воду прыгнула какая-то девушка, я спросила у нее: «А для чего вы это сделали?» — и услышала в ответ: «Меня жизнь заставила…»

Я поняла, что тут замешаны ее личные проблемы, о которых никто никому не рассказывает.

Когда все представители прессы ушли, я разделась и сиганула в прорубь. И завопила как сумасшедшая — видимо, с этим криком из меня вырывался весь негатив и все жизненные проблемы. На мой крик стали сбегаться люди — я орала так, будто меня резали. Но это состояние быстро прошло, появилось приятное жжение по всему телу и фантастическая легкость. Не знаю, было ли это второе рождение, мы ведь, рождаясь, мозгами ничего не осознаем, но я почувствовала необыкновенную свободу души, ее обновленность и чистоту.

За годы моей спортивной карьеры многочисленные поклонники создавали в Интернете сайты, ведущие летопись моего спортивного пути. А совсем недавно я и сама взялась за разработку собственного сайта. На это ушло немало времени, но теперь этот сайт есть. И я приглашаю всех стать моими собеседниками и друзьями в Интернете, на моем мегасайте *www.khorkina.net*.

Добро пожаловать!